

А.М. Чепасова

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

В двух томах

Том I

**Категории
лексико-фразеологической
грамматики русского языка**

Челябинск

2016

Министерство образования и науки РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет»

А.М. Чепасова

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ
В двух томах

Том I

Категории
лексико-фразеологической
грамматики русского языка

Челябинск
2016

УДК 4Р-3
ББК 81.411.2-3
Ч-44

Чепасова, А.М. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. Категории лексико-фразеологической грамматики русского языка [Текст] / А.М. Чепасова. – Челябинск: Изд-во ЮУрГГПУ, 2016. – 283 с.

ISBN 978-5-906777-96-6

В настоящий том вошли работы, которые традиционно относятся к грамматике. Однако грамматика, которую создают фразеологии Челябинской фразеологической лаборатории, во многом отличается от ныне существующих грамматических трудов. Она названа лексико-фразеологической, потому что единицей анализа в ней являются не только слова, но и фразеологизмы как раздельнооформленные образования, цельные по значению. Это второе отличие лексико-фразеологической грамматики от грамматики слов. Благодаря включению фразеологизмов в состав единиц, подчиняющихся грамматическим законам, грамматика становится полной, охватывающей весь номинативный строй национального языка. Законы и правила, отраженные и описанные в грамматиках крупнейшими учеными В.В. Виноградовым, А.А. Шахматовым, А.И. Моисеевым, В.Н. Ярцевой, А.А. Уфимцевой, Г.А. Золотовой, Н.С. Поспеловым, Б.А. Лариным, Н.Ю. Шведовой, З.Д. Поповой и др. при анализе слов, распространяются и на фразеологический материал.

Рецензенты: И.Г. Казачук, д-р филол. наук, доцент
Г.А. Шиганова, д-р филол. наук, профессор

ISBN 978-5-906777-96-6

© А.М. Чепасова, 2016
© Издательство Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Становление новой системы знаний о языке	4
Русская грамматика в свете новых концепций	6
Создание единой лексико-фразеологической грамматики русского языка	10
Специфика функционирования грамматических категории во фразеологизмах (Статья первая)	12
Специфика функционирования грамматических категорий во фразеологизмах (Статья вторая)	39
Морфологические категории предметных фразеологизмов	56
Особенности проявления категории рода предметных фразеологизмов.....	62
Категория числа и сочетаемость фразеологизмов	73
Взаимосвязь значения и категории падежа фразеологизма.....	104
Средства выражения и значение форм изъявительного наклонения процессуальных единиц.....	143
Система терминов, в которой описывается лингвистическое понятие времени.....	174
Изъявительное наклонение и грамматическое время процессуальных единиц русского языка.....	175
Формирование и соотношение понятий «внешний» и «внутренний» объект.....	218
Категории возвратности и объектности.....	221
Модальность художественного текста.....	242
Интонации пушкинских стихов.....	251
Слово об авторе (Г.А. Шиганова).....	280

СТАНОВЛЕНИЕ НОВОЙ СИСТЕМЫ ЗНАНИЙ О ЯЗЫКЕ

1. Новая система знаний о языке, по-моему, всегда будет новой совокупностью знаний о каком-либо жестко ограниченном языковом объекте. Когда таких совокупностей знаний будет добыто много, можно говорить о системе новых знаний какой-либо части языка. Примером может служить результат исследования семантической структуры глагольного слова. Более или менее крупные научные результаты в изучении языка получают коллективы исследователей, которые планомерно, с разных сторон подходят к объекту, выявляя его свойства.

2. Новые знания могут быть получены при выполнении трех условий: а) погружения в объект и движения в объекте по законам этого объекта. Чтобы выявить такое движение, необходимо располагать большой оригинальной картотекой, в результате анализа которой исследователь приходит к новым выводам;

б) не знаю, как в других науках, в языкознании новые знания можно получить, лишь глубоко изучив труды своих предшественников. Это то, что называется «стоять на плечах гигантов». Язык – такая сложная система, что отдельные его части – лексическое значение, грамматические категории, предложение, речь, интонация и др. – изучаются с разными результатами в течение нескольких веков, являются «вечными» темами. Новое о таких объектах можно сказать, лишь поместив языкознание в современную совокупность наук о человеке, его мышлении, его речи, о его социальном, историческом, духовном бытии;

в) новые результаты можно получить, лишь дав глубокое философское обоснование исследуемым проблемам, поняв связи и отношения данной проблемы с другими проблемами, поняв особенности движения и развития в исследуемой части языка, выявив общее и частное. К сожалению, в XX веке написано немало работ, в которых философское обоснование оставляет желать лучшего. Короток век таких работ.

3. На пути создания новой системы знаний о языке много трудностей, препятствий. Одним из таких препятствий является терминотворчество не на русском языке. «Сотворение» термина – дело очень ответственное, серьезное, термин должен отвечать многим известным требованиям (нам, лингвистам, неплохо было бы поучиться в этом отношении у

физиков). В настоящее время страсть к изобретению и употреблению иноязычных терминов так велика, что застилает сознание автора, а читателя отталкивает. Такая научная речь фактически является псевдонаучной. В последнее время употребляется термин *неология* – что он значит? Наука о новом? Или термины *когнитивный*, *когнитология*. Зачем они? Термин *когнитивный* (от лат. *cognitio* – знание, познание) пришел из психологии, где он широко употребляется в разных сочетаниях – «*когнитивная карта*», *когнитивная психология* *когнитивная сложность*, *теория когнитивного диссонанса*, *когнитивный стиль* и др. Что значит *когнитология* – наука о познании? Но есть давно известный термин *гносеология*.

Широкое распространение получил термин *парадигма*, *парадигматические отношения*. Какое этому термину придают значение? В использовании этого слова в современном русском языке в несвойственном ему значении я вижу некорректное отношение к его исконному значению парадигма – [гр. *paradeigma* – пример, образец] 1) грам. образец склонения или спряжения, система форм одного и того же слова; 2) пример из истории, взятый для доказательства, сравнения (Словарь иностранных слов. – М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1954). И в Словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой на с. 310 приводится именно это, исконное значение.

Я считаю, что термин *система* гораздо больше подходит для обозначения явлений или отношений, части или элементы которых связаны причинно-следственными отношениями, чем термин *парадигма*.

В современном отечественном языкознании выработана уже ставшая известной массовому читателю-лингвисту добротная система терминов, в которой можно описать любое лингвистическое явление, процесс. Высокую культуру пишущего обнаруживают те, которые или в скобках дают пояснение используемому термину, или в конце работы помещают толковый словарь (А.А. Уфимцева, М.В. Никитин).

Другим препятствием на пути получения новых знаний является, на мой взгляд, неумное субъективное желание изобретать формы и значения, так, например, изобрели новую форму рода – общий; выделяют несметное количество падежей на основании частных падежных значений (И.Г. Милославский. Морфологические категории современного русского языка, – М., 1981).

Язык – чудесное, сложное, таинственное образование, он не отдает легко и быстро своих тайн, добыча новых знаний – это «в грамм добыча, в год труды».

РУССКАЯ ГРАММАТИКА В СВЕТЕ НОВЫХ КОНЦЕПЦИЙ

Если смотреть на грамматику с точки зрения нелингвиста, всё в ней является совершенным – все ее категории, формы и закрепленные за категориями и формами значения – всё устойчиво, всё живет веками. Если же взглянуть на грамматику с точки зрения лингвиста, с точки зрения того, каков уровень и глубина осмысления назначения каждой категории и формы, то обнаружится много такого, что в середине XX века уже посчитали белыми пятнами и начали активно заполнять эти пятна глубокими исследованиями. Назову из многих следующие примеры. Сформировалась, ознаменовавшись рядом блестящих теоретических исследований и не менее блестящим лексикографическим трудом, теория семантической структуры глагольного слова. С конца 40-х годов активно начала развиваться русская фразеология, превратившаяся к концу XX века в сложную разветвленную отрасль языкознания. В XX веке стало ясно, что некоторые, не так уж малочисленные, концепции искусственны, надуманны, внутренне противоречивы, очень далеки от языковой сущности и требуют нового подхода.

Новые отрасли «старых» наук, например, психологии, концепция внутренней речи и «промежуточного языка», языка мысли, широкое использование данных материалистической диалектической философии, в частности гносеологии, и логики позволяют с других позиций подойти к решению грамматических проблем.

Теория категории рода существительных относится к числу древнейших.

Еще Протагор (ок. 480 – ок. 410 гг. до н. э.), основатель школы софистов, делил все существительные на три рода – мужской, женский и вещный. С тех пор до сегодняшнего дня немного изменилось – вместо вещного третью форму рода называют – средним. Но по-прежнему повторяется доисторический взгляд на значение этой категории, только в новой терминологии: у одушевленных существительных род совпадает с полом, у неодушевленных род не имеет значения, это «чисто грамматическая» категория. Анализ большого фразеологического материала, учет фило-

софской теории предмета, учет трех формальных разновидностей существительных и предметных фразеологизмов – собственно предметных, «прилагательного склонения» и неизменяемых позволили мне сформулировать другую концепцию рода, не связанную с полом и независимую от категории падежа. Эта концепция опубликована в ряде работ.

Такой же древней, как теория рода, является теория залога глагола. Существует большая литература о залоге. Из всех концепций наиболее широко известной считается трехформенная концепция залога. Основанием или условием существования залога, по этой концепции, считается отнесенность глаголов к переходным или непереходным. Эта концепция имеет ряд недостатков. Во-первых, она распространяется на тип глаголов, управляющих только Винительным падежом без предлога или Родительным падежом без предлога при отрицании.

Вся остальная масса глаголов, выражающих разнообразнейшие отношения и связи – отношения человека к человеку, человека к природе, к обществу, межпредметные связи и т.д., остается вне залога, вне внимания лингвиста. Во-вторых, объектные отношения ограничиваются лишь двумя типами – Винительным беспредложным воздействия и Творительным действующего лица в страдательном обороте. В-третьих, падежные объектные значения оказываются «повисшими в воздухе», так как не объясняют семантической несамодостаточности глаголов (думаю... решаю... руковожу... пишу...), в-четвертых, недостаток, названный в пункте 3, переходит из семантики и морфологии в синтаксис словосочетания и лишает обоснования все глагольные словосочетания с объектными значениями, в-пятых, глагол и существительное остаются противопоставленными. Есть и другие недостатки.

Концепция субъектных и объектных глаголов, особенно глубоко разработанная А.А. Уфимцевой, а затем Л.М. Васильевым, Р.М. Гайсиной, Э.В. Кузнецовой, Л.В. Бабенко и ее проблемной лабораторией «Русский глагол», анализ большого фразеологического материала под определенным углом зрения, учет учения о падежных значениях в русской грамматике, новый взгляд на роль *-ся* в образовании объектных глаголов и процессуальных фразеологизмов позволили сформулировать новый взгляд на категорию залога. В соответствии с этим взглядом залог как категория расположения распространяется на все объектные процессуальные единицы. По мнению А.А. Уфимцевой, в 2/3 всех глаголов русского языка залог имеет свою синтаксическую модель **объектная процессуальная**

единица + имя с предметным значением в косвенном падеже; субъектные глаголы стоят вне залога; переходность является частью объектности; постфикс -ся только в форме так называемого страдательного залога является формообразовательным, во всех других случаях – слово- или фразообразовательным. Глагол и существительное оказываются органично связанными через категории падежа и залога. Более того, вся падежная парадигма имен с предметным значением связана с глаголом: Именительный падеж обозначает субъект, носителя признака, а косвенные падежи в объектном значении – объект того же глагола. Новая концепция залога опубликована в ряде работ.

В современной грамматике хрестоматийно мнение о том, что глагол имеет три формы наклонения – изъявительное, сослагательное, повелительное. Хрестоматийно и мнение о том, что главным среди этих форм является изъявительное наклонение. Но так же хрестоматийно, что изъявительное наклонение не имеет своих средств выражения и своего общего и частных значений. Принято все модальные значения форм изъявительного наклонения рассматривать как значения форм времени. Новое решение всех вопросов, касающихся наклонения вообще как категории и изъявительного наклонения в частности, мы искали, изучая теории внутренней речи в психологии, развивающиеся концепции «промежуточного языка», или «языка мысли», теорию речевой деятельности, теории модальности и понятие времени в философии. Уважая жанр тезисов, скажу кратко: 1. Наклонение является самостоятельной категорией, не поглощаемой временем; 2. Оно имеет значение образа действия, квалифицируемого говорящим; это значение выражается совокупностью средств; 3. Наклонение – исключительно антропоцентрическая категория: в формах изъявительного наклонения выражается сложнейшая гамма рациональных и эмоциональных отношений, в формах сослагательного наклонения – желательность, условность, в формах повелительного наклонения выражается воля говорящего, адресуемая другому. Круг значений изъявительного наклонения, мало сказать, чрезвычайно широк, он способен выразить все модальные значения, которые возникают в голове современного русского человека. 4. Широте значения изъявительного наклонения соответствует широкий набор средств выражения и среди них флексия глагола. 5. Формы настоящего времени имеют определенный круг собственных значений – значение совпадения с моментом речи, значение определенного промежу-

ка времени и настоящее постоянное. Все остальные формы настоящего времени имеют модальное значение. Формы прошедшего времени – это бывшее настоящее, это «уже не время», имеют только модальные значения, смягченные тем, что этих действий уже нет. Формы будущего времени имеют модальные значения реального плана, программы, прогноза, мечты, которые наступят после момента речи. 6. Значения наклонения и времени находятся в разных плоскостях, поэтому они не уничтожают друг друга, а сосуществуют.

Рамки тезисов не позволяют мне сказать о влиянии новых концепций на теорию модальности и теорию содержательности интонации. Поэтому закончу выступление мыслью: грамматика XXI века возникла в XX веке, а то и раньше. Нам предстоит построить цельную по содержанию, непротиворечиво отражающую сущность языка науку, но думаю, что и в XXI веке в грамматике останется неравномерность освещения тем.

СОЗДАНИЕ ЕДИНОЙ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Вся история языкознания – это история изучения свойств слова, и только слова, во всех и всяких его связях и отношениях. Фразеологизмы как второе средство номинации с грамматической стороны до 60-х годов XX в. не изучались, на что обратил внимание академик В.В. Виноградов в своей последней прижизненной публикации и о чем сожалел В.Л. Архангельский. Отсутствие знаний о грамматических свойствах фразеологизмов тормозит создание новой фразеологии как самостоятельной отрасли языкознания, как оставляет все имеющиеся колоссальные знания по грамматике в качестве частных, распространяющихся только на одну часть языка.

На основе большого оригинального фразеологического фонда, созданного за 30 лет существования Проблемной фразеологической лаборатории при кафедре русского языка Челябинского пединститута, разрабатываются проблемы фразеологической специфики морфологии и синтаксиса русского языка.

Круг решаемых проблем чрезвычайно широк. Точнее сказать, каждый грамматический вопрос решается с учетом противоречий двуединой природы фразеологизма – цельность значения при внешней раздельнооформленности в сопоставлении с проявлением этого вопроса в лексике. Названный принцип изучения грамматических свойств фразеологизмов позволяет: 1) выявить грамматическую природу фразеологизмов; 2) расширить, углубить круг знаний о грамматической природе слов, ставших или становящихся компонентами новой номинативной единицы; 3) уточнить многие грамматические понятия, например, понятие о грамматической форме фразеологизма, о парадигме и др. в сопоставлении с понятием формы слова; 4) с новых сторон характеризовать грамматические категории; 5) предложить новое понимание «старых» грамматических проблем, которые не поддава-

лись решению при анализе только лексического материала, например, проблемы категории рода предметных единиц; категории залога процессуальных единиц; проблемы статуса и значения формы изъявительного наклонения; проблемы управления, связанной с использованием новейшего учения о субъектных и объектных глаголах и мн. др.; б) постепенно выявлять черты единой лексико-фразеологической грамматики, законы [128] которой распространяются на весь корпус номинативных единиц языка [129].

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИИ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

Статья первая¹

Учение о грамматических категориях как часть грамматической теории одного языка или нескольких нельзя считать адекватным состоянием и свойствам всего языка или языков, так как это учение всегда опиралось и теперь опирается на обобщения, положения, полученные в процессе анализа только лексического материала.

Во всех грамматиках, начиная с древнейших и кончая новейшими, грамматические категории соотносятся с классами слов, или частями речи; значение, форма, функции каждой категории исследованы и продолжают исследоваться большинством современных грамматистов на материале слов; совокупности грамматических категорий считаются дифференциальными признаками классов слов. Но значимыми, двусторонними единицами каждого языка являются не только слова, но и фразеологизмы, которые в семантическом и структурном планах отличаются от слов, что уже установлено в исследованиях по фразеологии. В стадии разрешения пока находится актуальнейшая и сложнейшая проблема грамматической системности и специфики фразеологизмов потому, что многие фразеологи довольно долго считали (а некоторые и до сих пор считают), что «материал фразеологии в силу разнородности элементов, конституирующих ее единицы, и невысокой степени системной взаимообусловленности последних не может быть систематизирован (разрядка наша. – А.Ч.) на основе строго выдержанного принципа» [12, с. 273].

Однако факты, выявленные исследователями в процессе анализа большого фразеологического материала, показывают, что фразеологизмы представляют собой своеобразную систему не только в семантическом и структурном отношении, но и в грамматическом.

¹ Статья представляет собой один из разделов, не вошедших в нашу книгу «Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов». Челябинск, 1974.

В настоящей работе речь идет о специфике функционирования грамматических категорий, которые оформляют предметные и атрибутивно-предикативные фразеологизмы.

1а. Категория рода у предметных фразеологизмов, как и у существительных, представляет собой семантико-грамматическую, классификационную, категорию, которая присуща каждой отдельной фразеологической единице и является одним из грамматических средств выражения предметности в ней [2, с. 46, 55 и др.]. Как и любую другую грамматическую категорию, ее составляет совокупность форм мужского, женского и среднего родов, причем все предметные фразеологизмы одного рода, например мужского, противопоставлены по этому признаку всем предметным фразеологизмам двух других родов – женскому и среднему и наоборот. На этом заканчивается грамматическое сходство существительных и предметных фразеологизмов в их отношении к роду. Различия между этими двумя языковыми единицами обнаруживаются немедленно, как только возникает необходимость определить, где сосредоточена эта грамматическая категория. У существительного род «вработан в лексическое значение основы» [10, 24], он находится в каждом отдельном существительном. А фразеологизм может состоять как минимум из двух компонентов-существительных, каждый из которых в свободном употреблении обладает родом – **злоба дня** (ж. и м.), **козел отпущения** (м. и ср.), **повестка дня** (ж. и м.), **право гражданства** (ср. и ср.), **присутствие духа** (ср. и м.), **выход из положения** (м. и ср.) и т. д. Если же фразеологизм имеет модель **прилагательное + существительное**, то родом как классификационной категорией обладает в нем только компонент-существительное – **столбовая дорога**, **послужной список**, **позорный столб** и т. д. Предметный фразеологизм может иметь модель **существительное ед. ч. + существительное мн. ч.** – **проба сил**, **притча во языцех**, **табель о рангах**, **сотрясение воздуха** и т. д., в таких случаях род формально присутствует только у компонента с формой ед. ч. Как и всякая другая грамматическая категория, род принадлежит всему фразеологизму, из скольких и каких компонентов-имен он ни состоял бы. Следовательно, род сосредоточен во всем фразеологизме как едином языковом образовании, он присущ всему фразеологизму так же, как присущ род каждому существительному ед. числа. Один из дифференциальных признаков фразеологизма как языковой единицы – **раздельнооформленность** – создает лишь грамматическое своеобразие пред-

метного фразеологизма, но не лишает его (фразеологизм) грамматической системности.

Резко различаются существительные и предметные фразеологизмы и по условиям функционирования категории рода в них. Форма и значение рода существительного всегда, обязательно находятся в единстве: каждое русское существительное ед. числа имеет одно родовое значение, даже если оно многозначно, и одну, соответственную этому родовому значению, родовую форму. Однозначный предметный фразеологизм имеет тоже одно родовое значение: **вчерашний день** – ‘прошлое’, – ср. р., **завтрашний день** – ‘ближайшее будущее’, – ср. р., **первый шаг** – ‘начало’, – ср. р., **угрызение совести** – ‘раскаяние’, – ср. р., **удельный вес** – ‘доля’, – ж. р., **упадок духа** – ‘расстройство’ – ср. р., **живая вода** – ‘что-то воодушевляющее, активизирующее’ – ср. р., **притча во языцех** – ‘предмет всеобщих разговоров’ – м. р., **центр тяжести** – ‘объект всеобщего внимания, интереса кого-л.’ – м. р. [11, с. 15–1260] и др. Но, как легко заметить по приведенным примерам, форма рода далеко не всегда соответствует родовому значению: единство родового значения и родовой формы наблюдается лишь у двух из приведенных выше фразеологизмов – **угрызение совести** и **центр тяжести**. У всех же других единиц форма и значение рода не соответствуют друг другу. Как обнаружилось в процессе анализа, родовое значение каждого данного предметного фразеологизма жестко связано с родовой принадлежностью слова, которым передается фразеологическое значение всей единицы [16, с. 8]. Так, если значение данного фразеологического целого передается существительным среднего рода, то род у этого фразеологизма тоже будет средний, если же значение фразеологического целого передается существительным мужского рода, то и род у этого фразеологизма будет мужской. Родовая же форма предметного фразеологизма всегда совпадает с формой рода изменяемого компонента – существительного, поэтому фразеологизмы **вчерашний день**, **завтрашний день**, **первый шаг**, **удельный вес**, **упадок духа**, **центр тяжести** имеют в ед. числе форму мужского рода, фразеологизмы **живая вода**, **притча во языцех** – форму женского рода, а фразеологизм **угрызение совести** – форму среднего рода. Все согласуемые слова, относящиеся к предметному фразеологизму, или местоимения, субституирующие его, как и любое русское существительное [10, с. 27], повторяют форму рода изменяемого компонента(ов) этого фразеологизма.

Вы и представить себе не можете, до чего ценны для меня Ваши слова, **какой живой водой** брызнули Вы на меня (И.А. Бунин – А.М. Горькому). Слово – писал В.А. Сухомлинский, – тончайшее прикосновение к сердцу; оно может стать и нежным, благоухающим цветком, и **живой водой, возвращающей веру в добро**, острым ножом,ковырнувшим нежную ткань души, и раскаленным железом, и комьями грязи (Правда. 1973. 18 сент.). **Каков завтрашний день санитарно-эпидемиологической станции?** (В. Аграновский. Комс. пр. 1971. 16 марта). (Лиза:) **С первого дня началось угрызение совести**, болезненная жалость к мужу (а он у меня – настоящий раджа по благородству чувств), преувеличение своей вины перед ним и т. д. (В. Каверин. Перед зеркалом). В 1960 году **удельный вес средств производства в промышленной продукции СССР составил 72%**. В других отраслях он ниже. Можно считать, что во всем общественном продукте он несколько выше 60 % (А.И. Ноткин. Темпы и пропорции социалистического воспроизводства).

Еще больше своеобразия в функционировании категории рода обнаруживается у многозначных фразеологизмов. Как известно, существительное, сколько бы значений у него ни было, имеет одно родовое значение. Многозначный предметный фразеологизм имеет столько грамматических значений, сколько понятий, передаваемых существительными разных родов, он обозначает [16, 9]. Например, фразеологизм **поле зрения** имеет два значения: 1) 'видимое пространство', 2) 'совокупность, область научных и др. интересов'. Первое значение ср. р., второе – жен. р. Двухзначный фразеологизм **повестка дня** в значении 'круг важных для какого-либо коллектива вопросов, обсуждаемых сообща' – муж. р., а в значении – 'обсуждение, решение, разрешение' – ср. р. Многозначный фразеологизм **точка зрения** в первом значении 'взгляд на что-нибудь' – муж. р., во втором значении 'особое мнение по какому-нибудь вопросу' – ср. р., а в третьем и четвертом – 'научная мысль, концепция' и 'позиция' – жен. р.

Категория рода предметных фразеологизмов постоянно функционирует в условиях не только раздельного существования – родовое значение соотносится с родовой принадлежностью существительного, передающего значение всей единицы, а форма рода совпадает с формой рода изменяемого компонента-существительного, – но и в условиях внешнего противоречия между грамматической формой и грамматическим значе-

нием, что особенно отчетливо проявляется в тех случаях, когда предметный фразеологизм имеет согласуемые, управляемые или примыкаемые слова [15, с. 101–113].

Заочный Международный Круглый стол «Комсомольской правды» и Научного совета по проблемам зарубежных идеологических течений Академии наук СССР (Комс., пр. 1974, № 14). Очередной «круглый стол» журнала «Вопросы литературы» был посвящен проблеме развития массовой песни (Лит. газ. 1967). Наш автор подивился бы тому накалу страстей, которые подспудно давно разгорались, а во время недавнего «круглого стола» «ЛГ» запольхали ярким пламенем (Лит. газ. 1971. 21 апреля). Главным же камнем преткновения была «дива» Мария Черненко в партии Долины (Н. Бажанов. Рахманинов). ...Семантические проблемы являются основным камнем преткновения для разрешения ряда принципиальных вопросов прикладной лингвистики... (М.М. Маковский. ВЯ. № 5, 1967. № 5. с. 132). Ядерный кот в мешке (заголовок). – Народ явно не хочет покупать ядерного кота в мешке, на которого Пентагон намерен затратить миллиарды долларов! (Б. Стрельников. Правда, 1969. 10 июня). Разгон второй Думы и государственный переворот 3-го июня 1907 года явились поворотным пунктом в истории нашей революции, началом некоторого особого периода или зигзага в ее развитии (В.И. Ленин. Т. 15, с. 3). Мне кажется, что открытие атомной энергии – поворотный пункт не только в развитии науки, но и во всей цивилизации (И. Таланкин. Лит. газ. 1974. 13 февраля). Я совершенно ясно представляю себе ту картину, которую сулила мне прежняя жизнь, не будь родной Советской власти. Поэтому я считаю себя плотью от плоти и кровью от крови ее (А. Твардовский. Правда. 1963. 16 февраля). И все почувствовали, что Рахманинов, выкормыш Москвы, плоть от ее плоти, пришел разделить с москвичами их чудесный семейный праздник (Н. Бажанов. Рахманинов).

Лексические значения подчиненных предметному фразеологизму слов находятся одновременно в единстве с фразеологическим родовым значением и в противоречии с лексическими значениями, бывшими у изменяемых компонентов-существительных [16, с. 10]. Эта закономерность функционирования грамматической категории распространяется на абсолютное большинство предметных фразеологизмов русского языка, изменяемым компонентом которых является либо непроизводное слово типа **столб** (позорный столб), **вес** (удельный вес), **кот** (кот в мешке), **камень**

(камень преткновения), либо производное от глагола типа **упадок** (упадок духа), **отвод** (отвод глаз), **появление** (появление на свет). Не распространяется названная закономерность на малочисленные в русском языке фразеологизмы, обозначающие отвлеченные понятия и образованные от субстантивированных прилагательных, числительных, местоимений типа **одно и то же, то же самое**, в которых наблюдается единство родового значения и родовой формы.

Существительные и предметные фразеологизмы различаются и по частоте проявления рода в согласуемых словах. Каждое русское существительное обнаруживает свой род не только в суффиксах и флексиях, но и в родовой форме прилагательного, обозначающего какой-то отличительный признак предмета, названного данным существительным. Это грамматическое свойство морфологической категории существительных настолько устойчиво и настолько часто реализуется в речи, что породило у некоторых лингвистов мысль о наличии у рода только формальной стороны, «согласовательной», и об отсутствии у этой категории, грамматического значения [3, с. 65–75 и след.; 4, с. 22 и след.; 1, с. 7 и след.]. Абсолютное большинство русских предметных фразеологизмов употребляется в речи, как правило, без согласуемых слов, в первую очередь, без прилагательных. По данным нашей картотеки, закономерно употребление без прилагательных предметных фразеологизмов типа **дурной глаз, денежный (золотой) мешок, глас вопиющего в пустыне, всякая всячина, волчий билет, благое намерение, злачное место, золотой фонд, золотое дно, первая ласточка, сакраментальный вопрос, сегодняшний день, пустой звук (звон), прокрустово ложе, черная сотня, черный ход**. Единичны фразеологизмы, которые или требуют прилагательных, например, **расположение духа**, или часто употребляются с согласуемыми словами, например, **круглый стол, белый свет, визитная карточка, шаг вперед, дело рук (кого, чьих), чувство локтя, гордиев узел, положение вещей, порядок вещей, точка зрения**. Согласуемым словом, обнаруживающим родовую форму фразеологизма, может быть глагол прошедшего времени, но это средство проявления рода связано с действием другой грамматической категории, тоже «собственной» (В.Н. Ярцева) для предметного фразеологизма, – падежом. Исключительно редко в качестве согласуемых слов при предметных фразеологизмах употребляются числительные и причастия. Вообще в предметных фразеологизмах, в отличие от класса существительных, родовая форма редко проявляется в согласуемых сло-

вах, что необходимо квалифицировать как специфическую черту фразеологизма. Причину, объясняющую такое своеобразное грамматическое поведение предметных фразеологизмов, надо искать в их синтаксической структуре. Больше 90% предметных фразеологизмов имеют модель **прилагательное + существительное**, то есть включает в качестве компонента согласуемое слово, которое хотя и утратило лексическую самостоятельность, образовав новую элементарную единицу семантики, «дальнейшее членение которой допустимо только на семантические компоненты как части целого и только как метод исследования» [13; 15], но формально осталось согласуемым словом и не допускает присоединение к фразеологизму еще одного прилагательного. Этот компонент-прилагательное, с одной стороны, не проявляет родового значения фразеологизма, но, с другой стороны, оставаясь внешне атрибутивным компонентом, выражает форму рода всей фразеологической единицы. Почти нормальное для предметных фразеологизмов отсутствие согласуемых слов тем не менее не свидетельствует ни об отсутствии у них категории рода, ни об утрате ею какой-либо одной из своих сторон.

Известно, какую важную нагрузку несут грамматические категории по отношению к частям речи: «они участвуют в формировании общего значения и грамматических свойств данной части речи в ее противопоставленности другим подобным классам слов» [10, с. 6]. Такую же важную нагрузку выполняют грамматические категории и во фразеологизмах. Так, категория рода формирует общее грамматическое значение предметности и все другие грамматические свойства у фразеологизмов, образованных путем деривации от процессуальных. Фразеологизмы **вывод из строя, выход в свет, выход из строя, выход из положения, вступление в строй, вступление в силу, взятие в плен, обращение в чью-либо веру, обращение внимания, отвод глаз, открытие Америки, переливание из пустого в порожнее, потеря сознания, появление на свет, притягивание за волосы, принесение в жертву, сведение счетов, складывание рук, топтание на месте** и др. под. соотносительны по образованию с процессуальными: **выводить/вывести из строя, выходить/выйти в свет, открыть Америку, обращать/обратить внимание** и т. п. Все приведенные и им подобные единицы представляют собой имена действий, они обозначают отвлеченные понятия. Во всех в них грамматическое значение предметности сформировала классификационная категория рода, хотя и редко, но обнаруживающаяся в согласуемых словах.

*Сейчас этот превосходный выход из положения не годился (Наука и жизнь. 1971. № 2). Я смотрел, как вздымалась его широкая грудь, и обдумывал разные способы **наискорейшего обращения** его в мою веру, но ничего не выдумал и заснул (А.М. Горький. Коновалов). И так, институт наследства есть надстройка над семейными и половыми отношениями потому, что наследство немисливо без детопроизводства! Да, ведь, это **настоящее открытие Америки!** (В.И. Ленин. Т. 1, с. 135). Везде все то же вечное переливание из пустого в порожнее, то же толчение воды, то же наполовину добросовестное, наполовину сознательное самообольщение...* (И.С. Тургенев. Вешние воды).

Ту же роль выполняет категория рода и во фразеологизмах, состоящих из компонентов-прилагательных, числительных, местоимений типа **свое собственное, первый попавшийся, первый встречный, простой смертный, одно (единое) целое, то же самое**. Из «словоизменительной» категории становясь классификационной, род оформляет предметность в названных и подобных фразеологизмах и способствует приобретению ими таких «собственных» категорий, как число и падеж, а также и других грамматических признаков, свойственных предметным фразеологизмам. Род фразеологизмов последней группы обнаруживается так же, как и у предметных фразеологизмов вообще, хотя согласуемые слова употребляются при них еще реже, чем при единицах типа **обетованная земля, упадок духа**.

Итак, специфика функционирования категории рода предметных фразеологизмов полностью определяется их семантической и структурной природой. Семантическая целостность, элементарность семантики фразеологизма, обозначающего предмет в широком значении этого слова, обуславливает наличие рода как классификационной категории у всего фразеологизма, а раздельнооформленность единицы обуславливает раздельное существование формы и значения категории в каждом отдельном фразеологизме. Разница между лексическим значением слов, составивших предметный фразеологизм, и значением фразеологического целого объясняет еще одну специфическую черту в функционировании категории – внешнее противоречие между формой и значением рода. Более высокая степень обобщенности значения предметных фразеологизмов по сравнению со степенью обобщенности значения отдельного существительного объясняет и такую грамматическую особенность их поведения, как низкая частота проявления рода

в согласуемых словах. Род фразеологизмов, оставаясь чаще всего непроявленным формально, в согласуемых словах не только обязательно участвует в формировании грамматического значения предметности у фразеологизмов, но и является одной из первопричин появления у них всех других грамматических свойств и функций.

16. Категория рода у фразеологизмов атрибутивно-предикативной семантики, в отличие от одноименной категории у фразеологизмов предметной семантики, является «словоизменительной», как и у прилагательных, многих местоимений, порядковых числительных, грамматические формы которых «в отличие от форм имени существительного – не выражают никаких дополнительных лексических значений, кроме общего значения согласуемого признака»[2, с. 151]. Но в качестве «словоизменительной» категория рода присуща не всем единицам названного типа семантики. Род отсутствует у всех морфологически неизменяемых фразеологизмов, утративших также категории числа, падежа: **такого (всякого, подобного и др.) рода, всех мастей, высокой пробы, чистой воды, с чужого плеча, легкого поведения** и т. п. Среди фразеологизмов, сохранивших морфологическую изменяемость, тоже не все обладают «словоизменительной» категорией рода, так как в них развился совершенно другой тип семантики – предметный или качественно обстоятельственный. Вследствие этого категория рода из «словоизменительной» либо превратилась в классификационную (в предметных), либо утратилась, оставив только «пустые» формы рода (в качественно-обстоятельственных). В качестве «словоизменительной» род имеют фразеологизмы типа **без вины виноват, битком набит, вместе взятое, большой и малый, выдавший виды, единственный в своем роде, легкий на помине, ни жив(ой) ни мертв(ый), печально известный, свой собственный, первый попавшийся, один и тот же**. Функционирует род в этих и подобных фразеологизмах не одинаково. С одной стороны, выделяются фразеологизмы, у которых род, как и у прилагательных, функционирует без ограничений. Значение каждого такого фразеологизма настолько широко, что он свободно сочетается как с отвлеченными, так и с конкретными существительными, является, как правило, единственным их атрибутом. Мы имеем в виду фразеологизмы типа **свой собственный, как таковой, первый и последний, один и тот же, так называемый**. С другой стороны, выделяются фразеологизмы, семантика ко-

торых накладывает ограничения на функционирование категории рода, и хотя последняя в них остается «словоизменительной», однако форм рода всегда меньше трех. Так, фразеологизмы **живой или мертвый, не лыком шит, крепкий на ухо, легок на руку, легкий на подъем, нечист на руку, легкий на помине, ни жив(ой) ни мертв(ый), один(-)одинешенек (-хонек), рад радешенек (-хонек), сам не свой, свой в доску, стар(ый) и (да) мал(ый), тугой на ухо, тяжелый на подъем, тяжелый на руку** и др. обозначают свойства, качества людей. Эта семантика позволяет названным и подобным фразеологизмам иметь только две формы рода. Атрибутивность во многих из названных фразеологизмов уступила или уступает место предикативности; в предложении они употребляются в роли определения, чаще всего обособленного, или в качестве именной части сказуемого.

Филатов был легок на подъем, его привлекали встречи с новыми людьми; поездки (Вс. Азаров. Возвращение счастья). Ваше письмо пришло к Суворину в ту самую минуту, когда я сидел у него в кабинете. Он сказал: Письмо от Каратыгиной... Легка на помине (А.П. Чехов – К.А. Каратыгиной). Лейкин легок на помине: только что получил от него письмо (А.П. Чехов – Ал.П. Чехову). А легка на помине твоя старая (М.А. Шолохов. Поднятая целина). – А вот и он жалуется, легок на помине (И.С. Тургенев. Записки охотника. Контора). Уведи Машу; видишь: девка ни жива ни мертва (А.С. Пушкин. Капитанская дочка). Прибежал, а пескариха его из норы ни жива ни мертва выглядывает (М.Е. Салтыков-Щедрин. Премудрый пескарь). Андрей стоял ни жив ни мертв, не имея духа взглянуть отцу в лицо (Н.В. Гоголь. Тарас Бульба). Но вот раздалась первые аккорды оркестра, – ни жив ни мертв слушал я, стоя за кулисами (Ф.И. Шаляпин. Страницы из моей жизни). И вдруг – ни жив ни мертв – я перестаю понимать, что говорит Горький (К.А. Федин. Горький среди нас). Вот Николай Веревкин – это совсем другой человек. Пришел он к нам жадненьким и весьма нечистым на руку (А. Макаренко, Марш 30 года). Яков был нечист на руку: он отбил четырех гусей на реке и загнал себе на двор (М.М. Пришвин. Лисичкин хлеб).

Значение фразеологизма может ограничивать число родовых форм одной, но все же сохраняющей родовое значение. Эту зависимость грамматической категории от значения фразеологизма особенно отчетливо можно наблюдать на примере функционирования единицы **вместе взя-**

тое – ‘мысленно соединенное’². Этот фразеологизм постоянно употребляется в одних и тех же синтаксических условиях после перечисления чего-нибудь, имеющего отношение к предмету высказывания. Причем в форме ед. ч. фразеологизм обозначает признак неживого предмета, относится к определяемому им местоимению **это** или **все** или, чаще всего, к сочетанию этих местоимений – **все это**, хотя возможны конструкции, в которых фразеологизм обозначает признак предмета, названного существительным среднего рода типа **богатство, состояние**. В предложении единица **вместе взятое** всегда занимает постпозицию по отношению к определяемому слову, выполняя роль обособленного или необособленного определения.

*Можно сказать, что авторы фильма выступили здесь тоже первоходцами, впервые собрав в единую ленту фото- и киноматериалы о С.П. Королеве – ученом, организаторе, коммунисте. И в этом – еще одно немаловажное значение фильма. А все **вместе взятое** заставляет подумать о том, чтобы познакомить с новой лентой не только теле-, но и кинозрителей (Правда. 1973. 2 ноября). – Я не могу сказать, что социалистический образ жизни дорог мне какой-то отдельной или отдельными своими чертами. Все, что было сказано о нем, является в равной мере дорогим; все это **вместе взятое** представляется единственно достойным для нормальной, полнокровной человеческой жизни (Ю. Волков. Комс. пр., 1974. 5 ноября). Срок реализации определяется длительностью научного исследования и разработки идеи, длительностью проектирования, строительства, оборудования и освоения проектной мощности предприятия, на котором используется идея (например, новый технологический процесс). Все это, **вместе взятое**, обычно занимает 8–12 лет (В.А. Трапезников. – Наука и жизнь. 1968. № 1). Вот это яркий сплав: образованные люди, передовая техника, дальние походы – все это, **вместе взятое**, и рождает, наверное, ту притягательную силу, которая, вопреки трудностям и лишениям, неумолимо влечет на корабли (Т. Гайдар. Правда, 1972. 30 марта).*

Специфика функционирования «словоизменительной» категории рода не заканчивается на том, что количество родовых форм какого-то фразеологизма зависит от характера значения этого фразеологизма. У фразеологизмов типа **первый попавшийся, одни и тот же, тот же са-**

² Из всех лексических словарей современного русского языка только ТСРЯ приводит эту единицу вместе со словом **все** и толкует ее значение на наш взгляд, неверно: «Все вместе взятое – все, о чем говорилось, что имелось в виду [14, с. 1-314].»

мый категория рода функционирует то как «словоизменительная», то как классификационная. Во всех случаях, когда фразеологизм обладает атрибутивно-предикативной семантикой, форма рода определяемого существительного «диктует» форму рода фразеологизму; в тех же случаях, когда фразеологизм, состоящий из таких же компонентов, обладает предметной семантикой, категория рода у него синтаксически независимая, классификационная, о чем речь шла выше. Если такой фразеологизм не обозначает лицо, он получает значение и форму среднего рода, если же он обозначает лицо, то форма и значение фразеологизма зависят от пола обозначаемого лица [15, с. 109].

«Словоизменительная» категория рода так же связана с типом семантики фразеологизмов, как связана с многозначностью классификационная категория рода предметных единиц. Это положение легко доказать, пронаблюдав грамматическое поведение фразеологизма **сам(-а), -о) по себе**. Во всех случаях, когда эта единица обладает атрибутивно-предикативной семантикой, категория рода функционирует в ней как «словоизменительная» [15, с. 109 и след.], во всех же других случаях, когда фразеологизм, развив качественную семантику, употребляется в значении 'самостоятельно, отдельно', 'независимо от кого-, чего-либо', он утрачивает родовое значение, сохраняя только родовую форму, первый его компонент – определительное местоимение **сам** – обязательно повторяет форму рода существительного, являющегося чаще всего подлежащим в предложении, хотя весь фразеологизм обозначает не признак предмета, названного существительным, а признак действия, названного глаголом. Специфика рода в данных случаях заключается в том, что он, разрушившись как единство грамматической формы и грамматического значения, то есть прекратив существование как категория, продолжает функционировать как «пустая» форма, всякий раз обнаруживая противоречие между грамматической формой изменяемого компонента и типом семантики фразеологизма. Фразеологизм **сам(-а, -о) по себе** в значении 'самостоятельно, отдельно', 'независимо то кого-, чего-либо' вступает в синонимические отношения с фразеологизмом **сам(а-, -о) собой**, обладающим только качественной семантикой и тоже сохраняющим «пустые» родовые формы первого компонента.

Итак, категория рода атрибутивно-предикативных фразеологизмов, как и одноименная категория прилагательных, функционирует в условиях единства формы и значения, что определяется характером этой ка-

тегории: родовые флексии согласуемых имен компонентов фразеологизмов имеют общее значение согласуемого признака. Атрибутивно-предикативные фразеологизмы по условиям функционирования у них категории рода резко отличаются от предметных фразеологизмов. Функционирование «словоизменительной» категории рода фразеологизмов определяется ее характером и семантическими свойствами атрибутивно-предикативных фразеологизмов. Род функционирует без ограничений у единиц, обозначающих такой признак, который может быть присущ любому предмету, названному существительным, как одушевленным, так и неодушевленным. Фразеологизмы, обозначающие свойства, качества лиц, могут иметь лишь две формы – мужского или женского рода. Фразеологизмы, обозначающие свойства предмета, названного неодушевленным существительным или обобщенно-предметным местоимением, употребляются только в форме среднего рода. Специфика «словоизменительной» категории рода проявляется и в том, что она может, не изменяя формальных показателей, перейти в классификационную, если фразеологизм того же компонентного состава, что и атрибутивно-предикативный, обозначает предмет в широком значении этого слова. Форма категории «словоизменительного» типа, какой является род атрибутивно-предикативных фразеологизмов, отличается большей устойчивостью и большей самостоятельностью, чем значение ее. Названные свойства формы «словоизменительной» категории обнаруживаются в ее (формы) способности жить и тогда, когда вся единица утратила значение согласуемого признака и, следовательно, утратила родовое значение. Большая устойчивость формы рода «словоизменительной» категории фразеологизмов поддерживается свойствами имен-компонентов, сохраняющих и во фразеологизме свои формальные, грамматические признаки согласуемых слов.

2а. Категория числа предметных фразеологизмов, как и одноименная категория существительных, относится к «словоизменительным», оформляющим наряду и одновременно с родом общее значение предметности. Природа этой грамматической категории у двух разных типов языковых единиц одна и та же, но характер значения, структурные и грамматические свойства предметных фразеологизмов создают специфические условия функционирования в них этой категории.

В качестве «словоизменительной» категории, являющейся «реакцией на изменяющуюся ситуацию», «подачей информации об этих изменениях» [10, с. 28–29], число функционирует нормально, в противопостав-

лении форм ед. и мн. числа, лишь у немногих предметных фразеологизмов, индивидуальные значения которых остаются тождественными самим себе при изменении форм числа. Как всегда, формой числа выражается изменяемым компонентом-существительным, а значение числа принадлежит всему фразеологизму. Когда число функционирует как грамматическая категория, в предметном фразеологизме наблюдается соответствие таких сторон: форма числа изменяемого компонента соответствует числовой форме предметного фразеологизма, соответствует значению числа изменяемого компонента. Так, фразеологизм **белое пятно** в форме ед. числа обозначает один 'неисследованный, неизученный район, область', а в форме мн. числа – много 'неисследованных, неизученных районов, областей'; фразеологизм **блудный сын** в форме ед. числа обозначает одного 'кого-то, возвращающегося к отвергнутому, покинутому им раньше', а в форме мн. числа – многих, нескольких 'лиц, возвращающихся к отвергнутому, покинутому ими раньше'; фразеологизм **мокрая курица** в форме ед. числа обозначает одного 'жалкого на вид, вялого, нерешительного человека', а в форме мн. числа – многих 'жалких на вид, вялых, нерешительных людей'; фразеологизм **злачное место** в форме ед. числа обозначает одно 'место, где предаются кутежу, разврату и т. п.' [11, т. 4, с. 1236–1237], а в форме мн. числа – многие 'места, где предаются кутежу, разврату' и. т. д.

В многозначных фразеологизмах категория числа функционирует то как «словоизменяемая», то как семантико-грамматическая потому, что она является грамматическим средством различения разных значений одной и той же фразеологической единицы; аналогичную функцию выполняют формы числа существительного, являясь способом «дифференциации разных значений слов» [2, с. 130]. Например, в трех предметных значениях фразеологизма **точка зрения** – 'взгляд на что-нибудь', 'особое мнение по какому-либо вопросу', 'научная мысль, концепция' – число сохраняется как «словоизменяемая» грамматическая категория, а в четвертом значении – 'позиция' – фразеологизм утрачивает категорию числа, остается в одной некоррелятивной форме, которая наилучшим образом отличает это значение от трех других. В менее обобщенных значениях полисемичного фразеологизма наблюдается то же соответствие формы и значения числа фразеологизма и его изменяемого компонента, какое наблюдается у однозначных фразеологизмов, обладающих числом как «словоизменяемой» категорией. В более обобщен-

ных значениях того же фразеологизма ограничено действие грамматической категории, нарушено соответствие между грамматическими свойствами фразеологизма как целого образования и грамматическими свойствами его изменяемого компонента, если брать последний в составе свободных сочетаний.

В способности категории числа дифференцировать значения существительного и предметного фразеологизма обнаруживается основное различие между классификационными и словоизменительными грамматическими категориями: категория рода многозначного существительного и форма рода многозначного предметного фразеологизма всегда остаются постоянными, неизменными, а категория числа как совокупность парадигм и числовая некоррелятивная форма могут различать и различают значения полисемичных существительных и предметных фразеологизмов. Разница между двумя типами грамматических категорий проявляется еще отчетливее, когда категория числа или ее некоррелятивная форма различают свободное и фразеологическое сочетание. В часто повторяющихся сочетаниях типа **темный лес**, **разменная монета** [11, т. 12, с. 386], **пороховой погреб**, **пороховая бочка** [11, т. 10, с. 1393] категория числа функционирует нормально, в противопоставлении двух форм, если сочетание остается аналитическим по значению, то есть его компоненты не утрачивают способности самостоятельно соотноситься с обозначаемыми ими реальными предметами и признаками. Но если сочетания, состоящие из таких же компонентов, имеют цельное элементарное значение, то есть их компоненты утратили способность соотноситься самостоятельно с обозначаемыми ими реальными предметами и признаками, то эти сочетания являются фразеологическими, без словоизменительной категории числа, употребляющимися в форме одного какого-либо числа.

*– Не удивляйся. Редкая профессия. Имел дело с блатниками, ворами и прочей швалью. Для тебя это **темный лес**. Ходил по острию ножа, но нравилось (Ю. Бондарев. Горячий снег). В самом деле, Балканский полуостров долгое время называли «**пороховым погребом**» Европы (Комс. пр. 1975. 3 декабря). Но слова всем словам в языке у нас есть. Слава, Родина, Верность, Свобода и Честь. Пусть **разменной монетой** не служат они. – Золотым эталоном их в сердце храни! (Вадим Шефнер. Слова).*

Такую же функцию «границы» выполняет число между терминологическими сочетаниями и фразеологизмами тождественного компонентного состава. Так, в терминологических сочетаниях **удельный вес, цепная реакция, центр тяжести, крупный план, стартовая площадка, новое слово** и др. под. категория числа функционирует как словоизменятельная, между способностью изменяемого компонента терминологического сочетания менять форму и значение числа и такой же способностью отдельно взятого существительного наблюдается полное соответствие; во фразеологическом сочетании, возникшем из такого терминологического, «словоизменятельная» категория числа отсутствует, сохраняется лишь некоррелятивная форма числа, нет соответствия в отношении к категории числа между изменяемым компонентом фразеологического сочетания и существительным, употребляемым в свободном или терминологическом сочетании.

Наличие у фразеологизмов одного и того же компонентного состава то «словоизменятельной» категории числа, то лишь несоотносительной формы ее может быть показателем того, что в одних случаях фразеологизм обозначает признак предмета и потому сохраняет число как «словоизменятельную» категорию, а в других – он обозначает предмет в широком значении этого слова и потому сохраняет лишь несоотносительную форму числа, почти всегда единственного. Функцию различителя типа семантики фразеологизма выполняет число во фразеологизмах типа **один и тот же, тот или иной (другой), ни тот ни другой, тот же самый**: обозначая признак предмета, эти фразеологизмы реализуют формы ед. и мн. числа, обозначая предмет – только форму ед. числа среднего рода.

Определяющая роль семантики фразеологизмов в функционировании числа наблюдается у фразеологизмов, обозначающих отвлеченное понятие, которое несовместимо с идеей количества, счета, хотя изменяемые компоненты таких фразеологизмов в свободном употреблении имеют число как словоизменятельную категорию. Это касается фразеологизмов типа **гордиев узел, притча во языцах, ахиллесова пята, ариаднина нить (нить Ариадны), обетованная земля, прокрустово ложе, крепкий (твердый) орешек, философский камень, злоба дня, дамоклов меч**. Так же сильно влияние семантики на числовую форму во фразеологизмах, которые не только обозначают отвлеченное понятие, но и сдержат в своем значении элемент оценки этого понятия, например, **вавилонское столпотворение, золотой фонд, знамение времени, сизифов труд (ра-**

бота), собачий холод, живая вода и др. под. Компоненты-существительные, образовавшие названные и подобные фразеологизмы, в свободном употреблении с изменением формы числа изменяют свое лексическое значение. Ср. труд – труды, знамение – знаменья, вода – воды, холод – холода. Изменение формы числа этих фразеологизмов возможно в специальных синтаксических условиях или в индивидуальном употреблении. Некоррелятивную, постоянную форму числа имеют предметные фразеологизмы, обозначающие лицо или совокупность лиц, «коллективное единство» (В.В. Виноградов), типа **наш, ваш брат, черная сотня, военная косточка, рабочие руки, правая рука, пуганая ворона, горячие головы, синий чулок, сильные мира сего, денежный (золотой) мешок, власть имущие**. Хотя компоненты, составившие эти фразеологизмы, имеют число как словоизменительную категорию, изменение формы числа у каждого из этих фразеологизмов немедленно разрушает его как фразеологическое целое и ведет к образованию аналитического по значению сочетания. Ср. **горячая голова, золотая рука, рабочая рука, военные косточки, синие чулки, правые руки**.

Синтаксическая организация некоторых предметных фразеологизмов может оказать влияние на функционирование категории числа. Так, в предметных фразеологизмах, имеющих структуру сочетаний слов с сочинительными союзами типа **альфа и омега, ни пава ни ворона, все и каждый**, категория числа как совокупность парадигм утрачена, осталась только некоррелятивная форма числа, строго соответствующая значению фразеологического целого [16, с. 19–20].

Таким образом, анализ фразеологического материала показал, что категория числа предметных фразеологизмов и одноименная категория существительных имеют одинаковую грамматическую природу. Категория числа предметных фразеологизмов, в соответствии со своей грамматической природой в отличие от категории рода, функционирует в условиях единства формы и значения.

Функционирование «словоизменительной» категории числа в предметных фразеологизмах определяется ее характером, семантически и структурными свойствами фразеологизмов. Действие «словоизменительной» категории числа распространяется на немногие предметные фразеологизмы, которые с изменением формы числа остаются тождественными самим себе семантически. В многозначных фразеологизмах категория числа может функционировать то как «словоизменительная»,

то как семантико-грамматическая, дифференцирующая разные значения одного фразеологизма. Неспецифическое функционирование числа охватывает меньшую часть предметных фразеологизмов.

Семантические свойства предметных фразеологизмов объясняют многие важные свойства и функции грамматической категории числа. Так, характер семантики предметных фразеологизмов, обозначающих лицо, группы лиц, вещество, отвлеченные понятия и т. п. (а таких единиц, по нашим данным, больше 50% в русском языке), свидетельствует о том, что общее значение предметности в них и индивидуальное значение каждой единицы сформировано одновременно родом и числом, род и число как грамматические категории не только различны, противопоставлены друг другу, но и сходны, связаны между собой, что форма числа и значение числа могут быть у данной единицы или группы единиц так же неизменны, постоянны, как и род. Определяющая роль семантики группы фразеологизмов или значения отдельной единицы в функционировании числа обнаруживается при сравнении грамматических свойств целого фразеологизма с грамматическими свойствами компонента-существительного, взятого в свободных сочетаниях.

Раздельнооформленностью фразеологизма объясняется такая специфическая функция категории числа, как различение ею свободных и фразеологических, терминологических и фразеологических сочетаний.

В немногих предметных фразеологизмах своеобразие функционирования числа определяется характером их синтаксической организации. Во фразеологизме, имеющем модель сочетания слов с сочинительной связью, форма и значение числа определяются значением целой единицы.

26. Категория числа атрибутивно-предикативных фразеологизмов носит «словоизменяемый» характер. По функционированию этой категории все атрибутивно-предикативные фразеологизмы разделяются на две части. В первой оказываются единицы, семантика которых не препятствует нормальному, неспецифическому функционированию числа: они обладают очень широким признанным значением, потому свободно сочетаются с существительными, характеризующимися, в свою очередь, разнообразными семантическими свойствами. Число функционирует в противопоставлении двух форм во фразеологизмах **так называемый, тот же самый, тот или иной (другой), свой собственный, сам по себе, один и тот же, как таковой, битком набитый, печально известный, равен нулю, такой-сякой** и др. под. Но гораздо больше фразеологизмов объ-

единяется во второй части, потому что семантика этих единиц накладывает совершенно определенные ограничения на функционирование форм числа. Сюда относятся единицы, обладающие только одной некоррелятивной формой числа, и единицы, преимущественно употребляемые в одной какой-либо форме числа. Так, фразеологизмы **первый и последний, сам не свой, первый встречный, один(-)единственный, один-единешенек (хонек), ни жив ни мертв** и др. под. в соответствии с характером своего значения имеют лишь форму ед. числа и употребляются в таких синтаксических условиях, которые соответствуют числовой форме и числовому значению каждого данного фразеологизма. А фразеологизмы **все и вся(кие), всяческие, все без исключения, большие и малые, невидимые миру** и др. под. в соответствии с характером их значения требуют только формы мн. числа и употребляются только в соответствующих синтаксических условиях. Ко второй же части относятся атрибутивно-предикативные фразеологизмы, обозначающие такой признак, которым обладает как один предмет, так и больше одного, но чаще, преимущественно признаком, обозначенным фразеологизмом, обладает либо один, либо много предметов. Так, фразеологизмы **нечист на руку, единственный в своем роде, задним умом крепок, легкий на помине, первый попавшийся** употребляются преимущественно в форме ед. числа, потому что одни из них, например **нечист на руку, задним умом крепок, легок на помине**, обозначают характерный, постоянный признак одного конкретного лица или группы лиц как коллективного носителя этого признака; другие единицы, например **первый попавшийся, единственный в своем роде**, обозначают выделительный, отличительный, особенный признак именно этого лица или одного, этого предмета. Фразеологизмы **вместе взятое, далеко идущий** употребляются преимущественно в форме мн. числа, потому что обозначают признак многих лиц или предметов. На выбор той или иной формы у всех фразеологизмов второй части оказывают влияние не только значение фразеологического целого, но и сохраняющиеся во фразеологизме и сознаваемые носителями языка элементы лексического значения компонентов. Ср. влияние элемента лексического значения компонента **первый** или **единственный** во фразеологизмах **первый попавшийся, единственный в своем роде, один-единственный**; или влияние элемента лексического значения компонента **все** или **вместе** во фразеологизмах **все и вся (кие) (всяческие), вместе взятое**.

Вообще же наблюдения над функционированием категории числа атрибутивно-предикативных фразеологизмов показали, что: 1) характер грамматической категории и характер семантики фразеологизмов находятся в соответствии друг с другом и с семантическими и грамматическими свойствами компонентов, образовавших эти фразеологизмы; 2) семантические свойства атрибутивно-предикативных фразеологизмов, разделяющие последние на две части, определяют особенности функционирования категории и форм числа так же, как эти свойства определяют особенности функционирования у них категории и форм рода.

За. Падеж, как морфолого-синтаксическая категория, имеющая «несомненную связь с неязыковой действительностью» [10, 13; 2; 5, с. 16 и след.; 6, с. 107; 9, с. 4. Ср. противоположное мнение – 4, с. 91], является управляющей для существительного и предметного фразеологизма, если последние употребляются в сочетании с прилагательными, и управляемой, если существительное и предметный фразеологизм употребляются в сочетании с глаголом. Благодаря такой грамматической природе падеж оказывается самой устойчивой и самой эксплицитной категорией в предметных фразеологизмах. Падеж, как «словоизменяемая» категория, принадлежит всей единице, хотя выражается изменяемым компонентом-существительным. Способы выражения падежа предметных фразеологизмов в принципе остаются такими же, как и у существительного; значения падежных форм фразеологизмов не отличаются от таких же значений существительных [16, с. 23–25]. Употребительность или вообще возможность/невозможность существования отдельных падежных форм фразеологизма определяется исключительно фразеологическими причинами – значением фразеологического целого, парадигматическими возможностями изменяемого компонента, языковой функцией падежной формы фразеологизма и др. Так, отдельная падежная форма может быть оболочкой какого-то одного фразеологизма, его внешней формой, материальной стороной и может быть элементом системы падежных парадигм определенного фразеологизма. Элементом парадигматической системы падежную форму можно считать лишь в том случае, если она противопоставлена хотя бы еще одной падежной форме того же самого фразеологизма, потому что только при наличии падежных противопоставлений можно говорить о сохранении грамматического, падежного, значения у имеющихся падежных форм и о сохранении предметной семантики и категории падежа.

Количество противопоставленных падежных форм может колебаться у предметных фразеологизмов от шести до двух. Наиболее яркой грамматической чертой предметных фразеологизмов является отсутствие у них некоторых падежных форм, которое, как и существование высокочастотных падежей, объясняется несколькими причинами. Например, некоторые падежные формы отсутствуют не у фразеологизма как языковой единицы, а в картотеках, насчитывающих небольшое количество карточек с данной единицей³. Чаще всего отсутствующими оказываются низкочастотные падежи, которые не наилучшим образом выражают фразеологическое значение данной единицы. Например, у фразеологизма **золотой фонд** – ‘что-то, представляющее высокую ценность культурного, производственного и т. п. значения’ [11, т. 4, с. 1418] высокочастотным оказался винительный объектный с предлогом **в**, сочетающийся с глаголами **войти, входить, превратить** и нек. др.; единичными примерами представлены именительный и родительный падежи. Отсутствующими (в нашей картотеке) оказались дательный, творительный и предложный. У фразеологизма **задняя мысль** – ‘скрытый умысел, тайное намерение’ [11, т. 4, с. 417] высокочастотным оказался родительный обстоятельственный с предлогом **без**, низкочастотными – именительный, винительный, творительный; отсутствующими оказались дательный и предложный падежи. У фразеологизма **завтрашний день** – ‘ближайшее будущее’ [11, т. 4, с. 328] высокочастотными оказались родительный определительный, винительный и предложный объектные, низкочастотным – именительный падеж, отсутствующими – дательный и творительный. Существование в языке отсутствующих в картотеке падежных форм у каждого из названных фразеологизмов возможно, такие формы предсказуемы, они не разрушат фразеологического значения каждой данной единицы, хотя и не выразят его наилучшим образом. Возможное существование этих форм имплицитно способствует сохранению предметной семантики и категории падежа у фразеологизма⁴, их отсутствие создает специфику функционирования падежа. Отсутствие некоторых падежных форм у фразеоло-

³ Если судить о количестве падежных противопоставлений у предметных фразеологизмов по данным лексических (толковых) словарей современного русского языка, а очень многие именно так, к сожалению, и поступают, то можно сделать вывод о том, что фразеологизмы предметной семантики имеют не больше двух-трех падежных форм. Из-за недостаточного количества карточек высокочастотные падежные формы нередко квалифицируются как материальные оболочки фразеологических единиц непредметной семантики.

⁴ Об отсутствующей, хотя и возможной, падежной форме очень мало можно сказать потому, что о языковых свойствах любой грамматической формы судят лишь по ее функционированию в речи.

гизмов может объясняться сопротивлением фразеологического значения. Так, например, терминологическое сочетание **настоящее время** – ‘одна из форм грамматического времени’, и фразеологизм, состоящий из таких же компонентов, для обозначения текущего времени, современного кому-, чему-либо, актуального по-разному связаны с падежом. Терминологическое сочетание не имеет ограничений в падеже, фразеологизм же может быть употреблен во всех косвенных падежах, особенно в винительном с предлогом **в**, родительном с предлогом **до**, дательным с предлогом **к**, но не может быть употреблен в форме именительного падежа. Все косвенные падежи фразеологизма имеют обстоятельственные надежные значения, и фразеологизм в таких формах синонимичен наречиям **сейчас, теперь, ныне, нынче** или фразеологизмам непередметной семантики: **до сих пор, по сей день** и некоторым другим. Такие же косвенные падежи терминологического сочетания имеют определительные или объектные значения, не вступают в синонимические отношения ни с какими другими единицами. Таким образом, отсутствие именительного падежа у фразеологизма – это следствие сопротивления фразеологического значения падежной форме и в то же время средство отличия фразеологизма от терминологического сочетания. Падежные формы могут отсутствовать и потому, что какой-то фразеологизм обладает сложным значением, совмещающим в себе семантические элементы единиц двух разных типов – предметного и количественного. Такой фразеологизм можно идентифицировать существительным количественного значения, словосочетанием и/или неопределенно-количественным словом. Например, фразеологизм **львиная доля** сохраняет лишь два противопоставленных падежа – именительный и винительный.

*Быть может, это следует приписать тому, что во время вековых скитаний народов **львиная доля** лишений, тяжелого труда и слез выпала женщине (А.П. Чехов. т. 10, с. 185). Отсюда понятно, что **львиная доля** энергии в солнечной атмосфере удерживается в магнитных полях. Это излучение дает нам **львиную долю** той полезной энергий, которой мы располагаем в виде нефти, угля, энергии воды и ветра (Наука и жизнь. 1966. № 6).*

Во всех цитатах фразеологизм можно идентифицировать существительным «большинство», неопределенно-количественным словом «много» или словосочетанием «большая часть», выражающими понятие о неопределенно большом количестве. Названные идентификаторы употреб-

ляются в речи чаще всего в именительном и винительном падежах. Количественная семантика фразеологизма, как бы его ни идентифицировать, находит свое выражение в синтаксическом свойстве: почти обязательно фразеологизм управляет родительным падежом другого имени. Сложная, предметно-количественная, семантика потребовала еще одно грамматическое ограничение – форму единственного числа. Можно сказать, что фразеологизм **львиная доля** в своем семантическом и грамматическом развитии идет по пути фразеологизма **непечатый край**, который уже совсем утратил предметную семантику, категорию числа и категорию падежа, в нем форма **непечатый край** не именительный падеж, потому что она не противопоставлена другим падежным формам как элемент парадигматической системы, а внешняя, материальная оболочка морфологически неизменяемой единицы с количественной (только количественной!) семантикой.

Особенно ярко различия в функционировании падежа у фразеологизма и существительного проявляются в тех случаях, когда нельзя образовать какую-то падежную форму, потому что изменяемый компонент в данной падежной форме разрушает фразеологизм; он (компонент) семантически актуализуется и воспринимается слушающим не как компонент фразеологизма, а как отдельное существительное, имеющее в языке полный набор падежных форм. Подтверждением высказанного положения является функционирование в языке фразеологизма **угол зрения**, у которого есть все падежи, кроме предложного. Компонент **угол** в этой падежной форме актуализирует номинативное значение существительного **угол** – ‘часть плоскости, заключенная между двумя прямыми, исходящими из одной точки’. Причина отсутствия падежной формы у фразеологизма **угол зрения** свидетельствует о глубокой связи компонента и отдельного слова, становящегося компонентом, о том, что компонент фразеологизма, пока он сохраняет словный характер, не всегда «пустое», «внешнее», «формальное» слово.

Своеобразна связь категории падежа с многозначностью фразеологизма. Проявляется эта связь в том, что менее фразеологичное(-ые) значение(-я) имеет(-ют) полный набор падежных форм, чем имеет(-ют) более фразеологичное(-ые) значение(-я) одной и той же единицы. Например, у фразеологизма **поле зрения** два значения: первое – ‘видимое пространство’ – менее фразеологично, второе – ‘круг, область, объект наблюдения, изучения, интересов’ – более фразеологично. Меньшая фразеологич-

ность первого значения, большее влияние элементов лексического значения компонентов на значение фразеологического целого проявляется в сохранении почти полной падежной парадигмы. Отсутствующая в нашей картотеке форма дательного падежа предсказуема, поэтому можно утверждать, что у первого, менее фразеологичного, значения категория падежа функционирует без ограничений. Большая фразеологичность второго значения обнаруживается в утрате некоторых падежных форм. Во втором значении фразеологизм употребляется только в трех падежных формах – родительном с предлогами **из**, **вне**, винительном, почти исключительно с предлогом **в**, и в предложном, только с предлогом **в**. Аналогичная закономерность наблюдается у пятизначной единицы **точка зрения**. Первые три значения: 1) ‘взгляд на что-нибудь’; 2) ‘особое мнение по какому-либо вопросу’; 3) ‘научная мысль, концепция’ имеют полную падежную парадигму, хотя степень фразеологичности значений увеличивается от первого к третьему. Четвертое значение, еще в большей степени фразеологичное, чем третье, – ‘позиция, принципиальное отношение к чему-, кому-нибудь’ – может проявляться только в формах четырех падежей – именительном, родительном с предлогом **с**, винительном и предложном с предлогом **на**. Пятое значение, наиболее фразеологичное и по типу другое, чем четыре предыдущих, совсем не связано с категорией падежа, единственная форма с предлогом **с** (с точки зрения) не может быть названа падежом, так как не имеет других противопоставленных ей падежных форм, это только внешняя материальная оболочка неизменяемого фразеологизма. Тесная связь значения фразеологизма и категории падежа обнаруживается в наличии высокочастотного(-ых) падежа(-ей) у предметных фразеологизмов [16, с. 23–25].

Таким образом, семантические свойства фразеологизмов и грамматическое свойство – изменение по падежам – тесно связаны между собой, грамматическое свойство подчиняется семантическим, «чутко» реагирует на изменения семантических свойств фразеологизма.

Та или иная падежная форма, выражающая определенное падежное значение какого-то предметного фразеологизма, может быть определенным образом связана с числовой формой этой единицы. Связь между этими двумя грамматическими категориями обнаруживается в том, что, во-первых, разные падежи одной и той же единицы по-разному соотносятся с разными формами числа. Например, фразеологическая единица **первый шаг** – ‘начальный момент, период, начало’ имеет категорию чис-

ла, которая функционирует в двух противопоставленных формах: первый шаг – первые шаги [11, т. 17, с. 1232]. Падежи этой единицы по-разному связаны с формами числа: именительный падеж на 2/3 употребляется в формах множественного числа и на 1/3 – в формах единственного числа; родительный обстоятельственный употребляется в основном с предлогом **с** в форме множественного числа. В 26 случаях из 29 использована форма **с первых шагов**. Винительный прямого объекта употребляется в основном при переходном глаголе **делать-сделать** в форме множественного числа в 19 случаях из 23. Предложный изъяснительный употребляется преимущественно с предлогом **о** в форме множественного числа. Творительный предикативный употребляется почти исключительно в форме единственного числа. Падежными формами множественного числа этой единицы оптимально выражается сложность, многосторонность начального периода какой, чьей-либо деятельности, а формами единственного числа – ценность, единство начального периода, деятельности. Во-вторых, предметные фразеологизмы, специфически реализующие категорию числа, обнаруживают тенденцию к ограничению количества падежных форм. Например, фразеологизм **плоть от плоти** преимущественно употребляется в им. падеже, редко – в вин. и твор.; **одно (единственное) целое** преимущественно употребляется в вин. падеже с предлогом **в** (по нашим данным, в 55 случаях из 90) и реже – в им. и род., единичны случаи его употребления в предложном; единица **соль земли** преимущественно употребляется в им., реже – в твор., и единичны случаи употребления в вин. падеже; фразеологизм **то же самое** одинаково часто употребляется в им. и вин. падежах и очень редко – в род. и предложном.

Таким образом, падеж предметных фразеологизмов, как и две другие их категории – род и число, выполняет важную роль оформителя предметной семантики. Специфика падежа фразеологизмов заключается в большей устойчивости, в большей эксплицитности по сравнению с двумя другими категориями: во всех случаях, когда не выражен род предметного фразеологизма, утрачена или вообще не характерна для него категория числа, предметность такого фразеологизма обязательно выражается падежом. Особенно ярко специфика падежа предметных фразеологизмов проявляется, с одной стороны, в отсутствии некоторых падежных форм или в невозможности образовать их, а с другой стороны, в наличии высокочастотных падежей.

36. Категория падежа атрибутивно-предикативных фразеологизмов по своему грамматическому характеру резко отличается от одноименной категории предметных фразеологизмов, хотя тоже является «словоизменяемой». Падеж атрибутивно-предикативного фразеологизма зависит от падежа определяемого им существительного или предметного фразеологизма. Фразеологизмы, обладающие очень широким признанным значением, имеют полный набор падежных форм. К ним относятся фразеологизмы **прямой или косвенный, как таковой, выдавший виды, свой собственный, денный и ноцный, тот или иной, тот же самый, вместе взятое, печально известный** и др. под. А фразеологизмы, обозначающие постоянные или характерные свойства, признаки, качества лиц или предметов и выполняющие в предложении роль именной части сказуемого или обособленного определения, не имеют полного набора падежных форм. К ним относятся фразеологизмы **сам по себе** [7], **сам не свой, ни жив ни мертв, один-одинешенек (-хонек), стар и млад** и др. под. Ограничение количества падежных форм у одних единиц связано с особенностями их значения (**сам по себе, сам не свой**), а у других – с морфологическими свойствами составивших эти фразеологизмы компонентов. Так, например, краткие прилагательные **жив, мертв, стар, млад, цел** и др., уже не обладающие категорией падежа в современном русском языке, не могут приобрести ее и в составе фразеологических единиц **ни жив ни мертв, стар и млад, цел и невредим** и т. под., хотя сохраняют категории рода и числа.

Таким образом, закономерности функционирования падежа атрибутивно-предикативных фразеологизмов определяются семантическими и структурными свойствами этих фразеологизмов. Наблюдения над функционированием категорий рода, числа, падежа в русских фразеологизмах двух семантических типов показали, что: 1) категории каждого семантического типа фразеологизмов качественно различаются; 2) в каждом семантическом типе названные категории представляют собой систему, оформляющую этот семантический тип фразеологизмов с разных сторон; 3) степень устойчивости грамматических категорий каждого семантического типа разная; 4) грамматическая динамичность каждого семантического типа фразеологизмов создается за счет уменьшения степени устойчивости одних его категорий и увеличения степени устойчивости других; 5) грамматическое «равновесие» семантического типа фразеологизмов создается единством разных по степени устойчивости грамматических категорий, присущих ему в какой-то один период существования национального языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарко, А.В. О некоторых аспектах функционального анализа грамматических явлений / А.В. Бондарко // Функциональный анализ грамматических категорий. – Л., 1973.
2. Виноградов, В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972.
3. Зализняк, А.А. Русское именное словоизменение / А.А. Зализняк. – М.: Наука, 1907.
4. Кацнельсон, С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1972.
5. Колесников, А.А. Грамматические категории имен существительных современного русского языка в плане отображения действительности. АКД / А.А. Колесников. – Днепропетровск, 1974.
6. Кондрашов, Н.А. Современный русский язык / Н.А. Кондрашов, Ф.К. Гужва // РЯШ. – 1974. – № 4.
7. Кононова, А.А. Грамматическая и семантическая специфика фразеологизма «сам по себе» / А.А. Кононова // Вопросы современного русского литературного языка. – Челябинск, 1998. – Вып. 3.
8. Никитевич, В.М. Грамматические категории в современном русском языке / В.М. Никитевич. – М.: Учпедгиз, 1963.
9. Пospelов, Н.С. Учение о частях речи в русской грамматической традиции: материалы к курсам языкознания / Н.С. Пospelов. – М.: МГУ, 1954.
10. Ревзина, О.Г. Общая теория грамматических категорий / О.Г. Ревзина // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. – М.: Наука, 1973.
11. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.: АН СССР, 1950–1965.
12. Телия, В.Н. Фразеология / В.Н. Телия // Теоретические проблемы советского языкознания. – М.: Наука, 1968.
13. Толикина, Е.Н. Об общем отличительном признаке фразеологических единиц, отграничивающем их от нефразеологизмов / Е.Н. Толикина // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: материалы межвузовского симпозиума (1966). – Тула, 1972.
14. Толковый словарь русского языка. – М.: СЭ, 1934–1940.
15. Чепасова, А.М. Сочетаемость и категория рода фразеологизмов / А.М. Чепасова // Фразеология. 1. – Челябинск, 1973.
16. Чепасова, А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов / А.М. Чепасова. – Челябинск, 1974.

Фразеологическая система языка. Системные свойства и отношения русских фразеологизмов / отв. ред. Л.Б. Гарифулин, А.М. Чепасова. - Челябинск, 1976. - С. 55-72.

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

Статья вторая ⁵

Если в первой статье речь шла о специфике функционирования морфологических категорий во фразеологизмах, семантически соотносительных с существительными, прилагательными и местоимениями, то в настоящей статье речь идет о специфике функционирования таких же категорий во фразеологизмах, семантически соотносительных с глаголами, являющихся в русском языке средством обозначения действия, процесса. Так как эта статья также представляет собой систему параграфов, не вошедших в наше пособие «Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов», то в ней (статье) сохраняются последовательность расположения пунктов и терминология, принятая в пособии.

I. Функционирование вида во фразеологизмах II класса свидетельствует о расширении сферы действия этой морфологической категории, выражающемся в распространении ее на фразеологизмы, обозначающие такие действия, процессы и т. д., которые, будучи переданными (даже приблизительно, узко) отдельными глаголами, не имели бы соотносительных видовых образований. К ним относятся единицы типа **принимать участие - принять участие, давать совет - дать совет, приносить в жертву - принести в жертву**. Так, единица **принимать участие - принять участие** обозначает действие, которое в формах несовершенного вида обозначает длящееся действие, а в формах совершенного вида преддел того же самого действия. Глагол же **участвовать**, приблизительно передающий значение этой единицы, не имеет соотносительной пары в русском языке. Фразеологизм **давать совет - дать совет** обозначает речевую деятельность, которую в формах несовершенного вида говорящий /

⁵ Первая статья опубликована в кн.: Вопросы фразеологии современного русского языка. Челябинск, 1975. Статьи печатаются в сокращенном виде.

слушающий воспринимает как дпящееся, а в формах совершенного вида – как предел того же самого действия. Глагол же **советовать**, приблизительно передающий значение этого фразеологизма, также не имеет соотнесительной пары. Слово **посоветовать**, как известно, не считается формой вида к слову **советовать**.

Функционирование вида во фразеологизмах, подобных приведенным выше, свидетельствует о расширении сферы действия морфологической категории за счет таких фразеологических единиц, значение которых приблизительно передается одновидовыми глаголами. Та же самая закономерность обнаруживается и при функционировании вида во фразеологизмах, обозначающих такие действия, процессы и т. д., которые приблизительно передаются двувидовыми глаголами. Так, фразеологизмы типа **давать слово – дать слово, давать обет – дать обет**, значение которых приблизительно передается двувидовым глаголом **обещать**, обозначают такие действия-отношения, которые в формах несовершенного вида обозначают дпящуюся речевую деятельность, а в формах совершенного вида – предел той же самой деятельности. Причем, если для понимания того или иного видового значения отдельного глагола **обещать** необходимо определенное синтаксическое окружение, то для понимания видового значения фразеологизма типа **давать слово – дать слово** синтаксическое окружение не необходимо, так как глагольный компонент в каждом отдельном случае прямо связывает видовое значение всей единицы с видовой формой глагольного компонента.

Галя писала: «Ты дал слово маме приехать весной, а все не едешь, и мы уже отчаялись тебя увидеть» (К.Г. Паустовский). ...даю слово, даю вам честное слово – у меня непременно получится!.. (К.А. Федин, т. 2, с. 475).

Специфическая форма существования морфологической категории во фразеологизме, а также сохранение глагольным компонентом способности образовать соотнесительную видовую пару так же, как она образуется, если глагол употребляется не в составе фразеологизма, способствует увеличению числа языковых единиц, обозначающих действия, процессы и т.д., па которые распространяется морфологическая категория вида.

Высказанное положение о расширении сферы действия категории вида, однако не свидетельствует о том, что все процессуальные фразеологизмы имеют вид как морфологическую категорию. За пределами морфологической категории остается много (здесь нельзя сказать, сколько

именно, для этого нужны соответствующие специальные исследования) фразеологизмов, соотносительных и несоотносительных по виду, подводимых под какой-то способ действия. Так, фразеологизмы, включающие в свой состав в качестве компонентов глаголы, обозначающие движение, перемещение, образуют соотносительные по виду фразеологические единицы со значением перехода в состояние, чувство. Причем значение фразеологизмов этой семантико-грамматической группы не совпадает с лексическим значением глаголов, тоже обозначающих переход в состояние. Таковы фразеологические единицы с компонентом **приходить – прийти: приходиться в ветхость – прийти в ветхость; приходиться в упадок – прийти в упадок, приходиться в уныние – прийти в уныние, приходиться в восторг – прийти в восторг;** такими свойствами обладают фразеологизмы с компонентами **выходить – выйти: выходить из равновесия – выйти из равновесия; выходить из терпения – выйти из терпения; выходить из себя – выйти из себя; выводить из терпения – вывести из терпения; выводить из себя – вывести из себя** и др.

Фразеологизмы, включающие в свой состав глагольные компоненты типа **бросать – бросить, отводить – отвести, сверкать – сверкнуть, отрывать – оторвать, верить – поверить, терять – потерять, играть – сыграть: бросать взгляд – бросить взгляд; (не) отводить глаз – (не) отвести глаз; сверкать глазами – сверкнуть глазами; не смыкать глаз – не сомкнуть глаз; (не) отрывать глаз – (не) оторвать глаз; не верить своим глазам – не поверить своим глазам; терять дар речи – потерять дар речи; играть роль – сыграть роль** и мн. др. тоже образуют соотносительные видовые формы, но тем не менее подводятся под способы действия, а не под морфологическую категорию вида.

Наряду с соотносительными по виду фразеологизмами в русском языке есть фразеологизмы, не имеющие соотносительных пар и относимые или только к несов., или только к сов. виду [9]. «Запрет» на образование соотносительной пары у таких единиц может быть наложен характером значения фразеологического целого, семантикой группы фразеологизмов или грамматическими свойствами глагольного компонента. Так, группы единиц, обозначающие состояние, чувство, мыслительную деятельность, отношение и некоторые другие, включающие в свой состав в качестве компонентов глаголы **иметь, знать, сидеть, морочить, держать, чувствовать, идти, дневать, спать, лезть, видеть, владеть, судить, теряться, жить, ломать** и др.: **лезть из кожи, иметь право, иметь честь,**

речь идет (шла) о..., вести себя, знать цену, носить на руках, сидеть сиднем, морочить голову, держать себя, держать сердце на (кого-либо), стоять горой, чувствовать себя, идти напропалую, дневать и ночевать, спит и видит, держать ответ, теряться в догадках, ломать голову, лежать в основе, стоять горой, стоять на месте, судить и рядить, рвать и метать, потирать руки и мн. др. имеют форму и значение только несов. вида. А фразеологизмы типа ума не приложу, махнуть рукой, не возъм(-ешь, -ет) в толк, не сносить головы, сложить голову, дать маху, потерять голову, ноги протянуть, сломить голову (шею) и др. имеют форму и значение только сов. вида. Причем длительные наблюдения над функционированием фразеологизмов процессуальной семантики показали, что фразеологизмов с формой и значением несов. вида в языке гораздо больше, чем фразеологизмов с формой и значением сов. вида.

Теория способов действия, разработанная для отдельных глаголов, не может быть полностью наложена на фразеологизмы процессуальной семантики потому, во-первых, что не на все фразеологизмы, находящиеся за пределами морфологической категории вида, могут быть наложены выделяемые в современной русской грамматической теории способы действия, потому, во-вторых, что если даже и можно квалифицировать какую-то семантически единую группу фразеологизмов как относящуюся к какому-то определенному способу действия, например, инхоативному, то и конкретные языковые показатели этого способа действия у фразеологизмов, и характер конкретного фразеологического значения не будут тождественными таким же признакам глаголов одного и того же способа действия. Это специфическое поведение фразеологизмов II класса объясняется дифференциальными признаками фразеологизмов вообще: широтой, обобщенностью фразеологического значения, раздельнооформленностью единицы, разной степенью сохранения словесных свойств глагольного компонента в иной языковой единице.

Вид как морфологическая категория, присущая фразеологизмам II класса, находится в тесной связи и взаимодействии со способами действия, являющимися, в свою очередь, элементом категории аспектуальности. Как и в русской глагольной лексике, во фразеологизмах процессуальной семантики морфологической категорией вида охватывается меньшее число фразеологизмов, чем категорией аспектуальности. Связь морфологической и функционально-семантической [3] категорий обнаруживается в том, что фразеологизм II класса, не имеющий по какой-либо

причине соотносительной видовой пары, тем не менее сохраняет тип семантики, у такого фразеологизма есть форма какого-то одного вида, выражаемая основой глагольного компонента, и значение этого вида. Больше того, некоррелятивный по виду фразеологизм сохраняет видовую противопоставленность, но не с тождественной себе по фразеологическому значению единицей, а с единицами II класса вообще, обозначающими полярный характер протекания действия.

Многозначность фразеологизма, как семантическое его свойство, может быть по-разному связана с категорией вида, разница эта проявляется в том, что одни многозначные фразеологизмы во всех значениях остаются соотносительными по виду, например, **обращать внимание – обратить внимание, пускать корни – пустить корни, давать знать – дать знать** и т. под., а другие многозначные фразеологизмы не во всех значениях соотносительны по виду. Так, фразеологизм **сходить с ума – сойти с ума** в значениях 'лишаться – лишиться разума, рассудка', 'становиться – стать психически ненормальным', 'очень сильно беспокоиться, волноваться или радоваться', 'влюбляться – влюбиться в кого-нибудь', 'поступать необдуманно' свободно употребляется в обеих формах вида. Модальный фразеологизм тождественного состава, выражающий чувство восхищения, удивления, употребляется только в форме сов. вида, причем глагольный компонент возможен лишь в форме инфинитива. *С ума сойти, до чего комфортабельный француз* (А. Толстой, т. 6, с. 286) .

Категория вида фразеологизмов II класса связана со всеми морфологическими категориями, но особенно тесней вид связан с категориями времени, наклонения и залога.

II. Фразеологизмы, как и глаголы, способны иметь полную или сокращенную парадигму личных форм. У глаголов сокращение парадигмы лица вызывается действием фонетических, морфологических или, чаще всего, семантических причин. У фразеологизмов сокращение числа личных противопоставлений не может быть вызвано первыми названными причинами, потому что фразеологизмы включают в свой состав такие глагольные компоненты, которые не имеют ограничений в образовании форм лица.

Третья причина, семантическая, является определяющей, действие ее проявляется в том, что семантика группы фразеологизмов или значение отдельного фразеологизма несовместимо с формами какого-то лица. Другими причинами, вызывающими сокращение числа личных, проти-

вопоставлений, является наличие в семантической структуре фразеологизма элемента оценочности, своеобразие его синтаксической организации, стилистическая характеристика фразеологизма и некот. др. Отличие от глаголов у фразеологизмов обнаруживается в том, что последние могут иметь форму одного какого-либо лица – или только 1-го, или только 2-го, или только 3-го, тогда как глаголы сокращают личные противопоставления за счет форм 1-го и 2-го лица [2, с. 147]. Так, фразеологизм типа **ума не приложу** возможен только в форме 1-го лица и с образованием форм 2-го или 3-го лица разрушается как фразеологическое целое, а фразеологизм типа **диву даешься**, вероятно, возможен **только** в форме 2-го лица, фразеологизм же типа **выйти в свет** – только в форме 3-го лица. «Запрет» на образование определенных форм лица у этих и других фразеологизмов ставит не глагольный компонент, а исключительно семантика фразеологизма [12]: отдельные глаголы типа **приложить, даваться, выйти** имеют полную парадигму лица. Несмотря на названное своеобразие фразеологизмов, категория функционирует нормально только в противопоставлении форм 1, 2, 3 лица ед. и мн. числа. Присутствие личных и числовых противопоставлений у фразеологизма свидетельствует о сохраняющейся семантике процесса. Парадигмой лица обладает подавляющее большинство фразеологизмов 1 класса. По данным В.А. Лебединской, 74% фразеологизмов процессуальной семантики обладают парадигмой лица [13]. Частота же употребления разных форм лица фразеологизмов II класса, как и частота употребления разных падежных форм у фразеологизмов I класса, разная. Есть высокочастотные и низкочастотные личные формы. Высокочастотной формой является 3 лицо. Ее имеют и фразеологизмы, обозначающие всякую человеческую деятельность, и фразеологизмы, в семантической структуре которых высок процент оценочности [10; 11] и фразеологизмы, обозначающие процессы, происходящие в мире предметов и явлений, и фразеологизмы, построенные по модели простого двусоставного или безличного предложения и др. Менее частотной является форма лица ед и мн. числа. Самой низкочастотной оказывается форма 1 лица [13, с. 14–17].

Семантика класса и категории лица, а также числа тесно связаны между собой. Связь эта заключается в том, что процессуальная семантика каждого данного фразеологизма обнаруживает свою устойчивость и тенденцию к дальнейшему развитию, если сохраняет парадигмы лица и числа, несмотря на то, что отдельные формы низкочастотны, и напротив,

процессуальная семантика обнаруживает неустойчивость и тенденцию к превращению в другой тип семантики, если сокращает количество личных и числовых противопоставлений. Органическая связь процессуальности и категории лица фразеологизмов, как и глаголов, обнаруживается не только в том, что лицо присуще подавляющему большинству фразеологизмов II класса, но и в том, что и одна, непротивопоставленная, форма лица, если в ней сохраняется одно из грамматических, личных значений, свидетельствует о сохранении семантики класса в данной единице. Фразеологизм в фиксированной личной форме является таким же обозначением действия, процесса и так же выполняет роль простого глагольного сказуемого, как и тот фразеологизм II класса, который обладает полной парадигмой лица и числа.

Многозначные фразеологизмы по-разному связаны с формами лица: для одних значений таких фразеологизмов характерно употребление всех форм лица и числа приблизительно с одинаковой частотой, для других – преимущественное употребление какой-либо одной личной формы, а для третьих – употребление, наряду с формами лица, как элементами морфологической категории, категории персональности, когда на отношение к лицу указывает лексическое окружение фразеологизма.

Фразеологизмы II класса, употребляясь в неличной форме (инфинитива, причастия, деепричастия), в разной степени косвенно связаны с лицом, которое может быть выражено лексическими или синтаксическими средствами предложения и составляет функционально-семантическую категорию персональности [3, с. 47; 2, с. 135].

Способность употребляться в неличной форме присуща всем фразеологизмам процессуальной семантики, хотя и в разной степени. Так, из 68 употреблений фразеологизма **делать вид – сделать вид** неличных форм 21; из 125 употреблений фразеологизма **сходить с ума – сойти с ума** неличных форм 10; из 125 употреблений фразеологизма **приходить в голову / на (в) ум – прийти в голову / на (в) ум** неличных форм 9; из 70 употреблений фразеологизма **обращать внимание – обратить внимание** неличных 24; из 32 употреблений фразеологизма **махнуть рукой** неличных 4 и т. д.

III. Отечественные грамматисты [4, с. 426–457; 2; 16, с. 8] считают, что категория времени охватывает глагольное слово полностью, что «каждый глагол имеет временные формы, которые представляют «ряды» прошедшего, настоящего и будущего», что незначительное количество русских

глаголов, имеющих ограничения в парадигме времени, лишь подтверждает всеобщность данной грамматической закономерности. Условия функционирования одноименной категории во фразеологизмах II класса такие же: большинство фразеологизмов образуют «ряды» прошедшего, настоящего и будущего: **делать, сделать погоду** – 'решительно влиять, повлиять на что-либо, предопределять, предопределить что-либо': **делает погоду, делал погоду, будет делать погоду; сделает погоду, сделал погоду; находить, найти общий язык** – 'добиваться, добиться полного взаимопонимания': **находит общий язык, находил общий язык, будет находить общий язык; найдет общий язык, нашел общий язык; сложить голову** – 'погибнуть': **сложит голову, сложил голову; иметь в виду** – 1) 'подразумевать', 2) 'учитывать': **имеет в виду, будет иметь в виду** и т. д. Роль противопоставленных форм времени у фразеологизмов II класса очень трудно переоценить: так же, как формы вида, лица, они свидетельствуют об устойчивости семантики процесса в данном фразеологизме. Частота употребления разных форм времени процессуальных фразеологизмов, как и частота употребления личных форм, разная. Есть высокочастотные и низкочастотные формы. Самыми высокочастотными являются формы прошедшего времени, а затем идут формы настоящего времени, и замыкают ряд формы будущего времени⁶. Форма прошедшего времени является высокочастотной и по способности фразеологизмов образовать ее, и по количеству употреблений в речи, в этом отношении процессуальные фразеологизмы не отличаются от глаголов.

Семантика класса и категория времени тесно связаны между собой. Связь эта заключается в том, что семантика процесса проявляет свою устойчивость и тенденцию к развитию новых значений того же семантического типа, если сохраняет парадигму времени, несмотря на то, что отдельные формы времени низкочастотны, и, напротив, семантика процесса проявляет свою неустойчивость и тенденцию к превращению в другой тип семантики, если утрачивает временные противопоставления. Однако фразеологизм можно квалифицировать как процессуальный, хотя и не имеющий парадигмы времени, если он сохраняет одну, непротивопоставленную форму времени, но с обязательным для нее грамматическим значением как

⁶ А.П. Окунева, исследовавшая категорию времени 400 фразеологизмов в 4055 употреблениях, отобранных из произведений и писем А. П. Чехова, приводит такие цифры: форму прошедшего времени образуют 85,6% единиц, форму настоящего времени – 84,2%, форму будущего времени – 38% [14, с. 37].

элемент категорий времени [2, с. 115]. Если у фразеологизма с единственной формой времени изменить последнюю, он разрушается как фразеологическое целое и воспринимается или как свободное сочетание, или как двусмысленность. Например, фразеологизм **приказал(а, и) долго жить** сохраняет процессуальную семантику и перфектное значение прошедшего совершенного – 'умер', если речь идет о смерти человека, живого существа⁷, или «перестал, -а, -и существовать, действовать», если речь идет о произошедших изменениях не-лица. Названное грамматическое значение прошедшего времени является единственно возможным значением и временной формы⁸, и данного фразеологизма вообще. Немногочисленные фразеологизмы с фиксированной формой времени [14, 15] надо отличать от гораздо более распространенных фразеологизмов, хотя и сохранивших парадигму времени, но употребляющихся преимущественно в одной форме времени. Например, фразеологизм **махнуть рукой** – 'перестать замечать, учитывать что-либо, перестать помнить о чем-либо' употребляется преимущественно в форме прошедшего совершенного перфектного значения, но он сохранил парадигму времени и может, хотя и редко, употребляться в форме будущего времени. – *Разорайте, разорайте свое гнездо, кукушки! – ворчала Василиса Власьевна, раздеваясь. – Вот махну на вас рукой, да и уйду к настоящим хозяевам!* (Г. Николаева. Битва в пути).

Разные значения одного фразеологизма могут быть неодинаково связаны с формами времени. В одном значении фразеологизм может одинаково свободно употребляться во всех видо-временных формах, а в другом – быть избирательным к разным временным формам. Так, многозначный фразеологизм **иметь в виду** в значении «подразумевать» употребляется в основном в форме наст. времени, в значении «намереваться» – в форме прош. времени; а в значении 'учитывать' он не связан с категорией времени, так как употребляется чаще всего в форме повелительного наклонения или инфинитива⁹.

Категория времени фразеологизмов, как и глаголов, органически связана с категорией вида, воздействием последней определяется и набор

7. Во всех толковых словарях современного русского языка приводится именно это значение фразеологизма.

8 Интересно отметить, что в ССРЛЯ и СРЯ этот фразеологизм приводится с инфинитивной формой глагольного компонента, хотя значение этого сочетания несовместимо ни с какой другой формой, кроме формы прошедшего времени. Формы **приказал долго жить, жил-был** приводятся только в словаре под ред. Д.Н. Ушакова.

9 См. о реализации разных форм времени у многозначного фразеологизма **держат пари** [14].

временных форм того или иного фразеологизма, и характер частных значений многих форм.

Система форм времени фразеологизмов процессуальной семантики органически связана также с категорией наклонения, так как все формы времени, особенно настоящего и будущего, отличаются разнообразием моральных оттенков [4, с. 457], которые присущи изъяснительному наклонению.

Теснейшая взаимосвязь обнаруживается у категории времени с категорией лица фразеологизмов. Эта связь есть и в том, что только личные формы фразеологизма, как и личные глаголы, имеют морфологическое время, и в том, что некоторые частные временные значения реализуются преимущественно в определенной форме лица, и в том, что определенные значения полисемичных фразеологизмов преимущественно употребляются не только в одной форме времени, но и в одной форме лица, и в том, наконец, что фразеологизмы, фиксированные в одной форме времени, как правило, бывают фиксированными в одной форме лица.

Фразеологизмы II класса не всегда формой глагольного компонента указывают на отношение обозначаемого ими действия, процесса к моменту речи или ко времени другого действия. Но и в этих случаях фразеологизм косвенно связан со временем, которое может быть выражено различными лексическими или синтаксическими средствами предложения и составляет функционально-семантическую категорию темпоральности [8, с. 76–80; 3, с. 35–45].

IV. Если фразеологизм сохраняет противопоставленные формы наклонения, составляющие одну трехчленную категорию [2, с. 125–126], это, как правило, свидетельствует о сохранении в нем процессуальной семантики. Частота употребления разных форм наклонения у фразеологизмов II класса, как и частота употребления таких форм у глаголов свободного употребления, разная. Среди этих трех форм тоже есть высокочастотные и низкочастотные. Самыми высокочастотными являются формы изъяснительного наклонения, затем, отделяясь от них большим интервалом, следуют формы условного наклонения, и, наконец, самыми низкочастотными оказываются формы повелительного наклонения. Господствующее положение формы изъяснительного наклонения объясняется многими причинами, среди которых первой следует признать влияние семантики фразеологической группы. Так, если фразеологизмы, обозначающие активную человеческую деятельность (мыслительную, речевую и др.), отношения

между людьми и т. п., способны образовать и реализовать все три формы наклонения, то фразеологизмы, обозначающие различные состояния лица, чувства, признаки, свойства лица и не-лица, не способны образовать форм нереальных наклонений. Второй причиной высокой частотности употребления изъявительного наклонения является специфика семантической структуры большинства фразеологизмов II класса, которая заключается в том, что фразеологизм содержит в своем значении большой элемент оценочности, экспрессивности, которые позволяют этому фразеологизму в форме изъявительного наклонения выражать разнообразные модальные значения и оттенки. Третьей причиной необходимо назвать раздельнооформленность фразеологизма. Действие этой причины проявляется в том, что в форме изъявительного наклонения глагольный компонент, служит прежде всего «оформителем» семантики класса, «оформителем» процессуальности, структурным ядром фразеологического целого [1, с. 180–182; 7], утратившим лексическую самостоятельность. В форме же повелительного наклонения глагольный компонент немедленно «возвращает» свою лексическую самостоятельность, фразеологическое целое разрушается, превращаясь в свободное сочетание, каждый из компонентов которого самостоятельно соотносится с обозначаемым им понятием. Например, процессуальные фразеологизмы **сесть в лужу, сесть в калошу, приходиться / прийти к выводу, приходиться/ прийти в восторг (в ярость), махнуть рукой, пожимать / пожать плечами, разводить / развести руками** и др. под. содержат в качестве компонентов глаголы **сесть, приходиться, прийти, махнуть, пожимать, пожать, разводить, развести**, которые в свободных сочетаниях не имеют ограничений в образовании и употреблении форм повелительного наклонения, в составе же фразеологизмов эти глагольные компоненты сохраняют способность употребляться только в форме изъявительного наклонения, если же попытаться образовать формы повелительного наклонения от любого из приведенных выше фразеологизмов: **сядь (те) в лужу (?), приходи (те) в ярость (?), разведи (те) руками (?)** и т.д., глагольные компоненты превращаются в самостоятельные лексемы, а фразеологические сочетания – в свободные. Названная причина не действует, если фразеологизм употребляется в форме условного наклонения: глагольный компонент не превращается в свободный глагол, все сочетание при этом получает лишь новое грамматическое значение предположительности. Высокая частотность форм изъявительного наклонения в ряде случаев может быть объяснена свое-

образом синтаксической организации фразеологизма II класса. Только в форме изъявительного наклонения, как непротивопоставленные, употребляются фразеологизмы, организованные по модели простого предложения типа **речь идет (шла, пойдет, пошла) о чем-, ком-либо, ходили, ходят слухи, голова болит**. Как непротивопоставленные, тоже в форме изъявительного наклонения, употребляются фразеологизмы, фиксированные в форме одного лица, времени типа **приказал долго жить, жил-был (жил да был)**; формально безличные фразеологизмы типа **дух захватывает, захватило; уши заложило, как ветром сдуло, пришло голову**, как и безличные глаголы, тоже употребляются исключительно в форме изъявительного наклонения.

Разные значения одного фразеологизма могут быть неодинаково связаны с формами наклонения. Одни значения полисемичного фразеологизма могут приблизительно с одинаковой частотой употребляться во всех формах наклонения, а другие связаны преимущественно с одной какой-то формой наклонения. Иллюстрациями, подтверждающими выказанное положение, могут служить фразеологизмы **иметь в виду**¹⁰, **обращать, обратить внимание, сходить, сойти с ума** и др.

Категория наклонения фразеологизмов II класса, как и одноименная категория глагола, тесно связана с несколькими морфологическими категориями – видом, лицом, временем [4, с. 379; 2, с. 133–134; 16, с. 33]. Частные значения каждой формы наклонения могут зависеть от видовых и временных значений процессуальных фразеологизмов. Категория лица пронизывает и во многом обуславливает функционирование категории наклонения.

Морфологическая категория наклонения, относясь к числу важнейших категорий, формирующих наряду с лицом и временем предикативную и модальную сущность предложения, не только связана, но является ядром функционально-семантической категории модальности [5; 2, с. 120–122; 3, с. 45–47]. Фразеологизм II класса, даже будучи употребленным в форме, не имеющей морфологических показателей наклонения, обязательно выражает отношение к действительности. Модальность фразеологизма может быть выражена лексическими средствами предложения: личными глаголами или словами категории состояния, подчиняющими себе фразеологизм, наречиями, модальными частицами, особенно **не** и **ни**, вводными словами и сочетаниями, всем синтаксическим стро-

¹⁰ См. об этом пункт III в настоящей работе.

ем предложения. Разнообразнейшую гамму модальных значений и оттенков может заключать в себе и выражать как весь фразеологизм, если его значение образно, экспрессивно, так и любой его компонент, глагольный или именной.

Средством выражения модальности считается интонация. Конечно, фразеологизмы II класса могут употребляться и употребляются во всех интонационных типах предложения, но чаще всего процессуальные фразеологизмы встречаются в повествовательных предложениях. Из всех названных средств выражения модальности, кроме категории наклонения, наиболее активными в предложениях с фразеологизмами являются семантические и лексические средства. Функционально-семантическая категория модальности органически связана еще с двумя функционально-семантическими категориями – персональностью и темпоральности. Связь эта особенно ярко обнаруживается во всех случаях использования фразеологизмов II класса в форме инфинитива, причем главной в совокупности этих категорий следует считать категорию персональности.

V. Частота употребления разных форм залога у фразеологизмов неодинаковая и свидетельствует о резких расхождениях между языковыми возможностями образовать залоговые формы от какого-то фразеологизма и реализацией этих возможностей в речи [4, с. 497]. Разная частота употребления залоговых форм объясняется также действием фразеологических факторов. Основным условием для образования залоговых форм фразеологизмов, как и глаголов, является наличие в составе фразеологического целого переходного глагола-компонента. Но это условие не единственное, хотя оно и сближает в формообразовании глагол и фразеологизм. Чтобы во фразеологизме II класса могла функционировать трехчленная категория залога, необходимо второе условие – именной компонент должен употребляться в форме любого беспредложного или предложного косвенного падежа, кроме винительного без предлога. Только при таком условии фразеологизм и его глагольный компонент сохраняет синтаксическую способность управлять прямым дополнением. Но, как известно, наиболее распространенным типом глагольных нефразеологических словосочетаний в русском языке является сочетание переходного глагола с именем в вин. п. без предлога [4, с. 505–507; 6, с. 1–115; 1, с. 180–185].

Очень большое количество фразеологизмов II класса построено по такой же модели. Однако семантические отношения между глаголом и именем в вин. п. без предлога в нефразеологическом словосочетании не

имеют ничего общего с такими же отношениями между глаголами и именными компонентами во фразеологизме. Переходный глагол и существительное в вин. п. без предлога, превратившись в компоненты новой языковой единицы, образовав новое семантическое целое, утратили не только лексическую самостоятельность, но и, что особенно важно отметить, в грамматическом отношении «переродились» – эти компоненты внутри фразеологического сочетания не выражают больше «направленности действия, означенного глаголом, на предмет, обозначенный существительным» [1, с. 180], синтаксические и семантические отношения между компонентами во фразеологизмах, в том числе и во фразеологизмах названной модели, являются мертвыми. Языковая единица – фразеологизм, образовавшийся из двух названных словесных форм, – уже не может обозначать переходное действие, поэтому огромное количество фразеологизмов II класса обозначает непереходные или косвенно-переходные действия. По этой же причине формы действительного залога у фразеологизмов процессуальной семантики являются низкочастотными, а категория залога у них функционирует как двухчленная.

Фразеологизмы II класса, будучи в массе своей непереходными, резко отличаются от глаголов свободного употребления, среди которых, как считает акад. В.В. Виноградов, имеется приблизительно 1/3 прямо-переходных бесприставочных глаголов, и непрерывно образуются переходные значения у глаголов посредством префиксации [4, с. 506]. Такая же низкая частота употребления возвратных форм фразеологизмов, грамматически соотносительных с переходными фразеологизмами. Самыми высокочастотными оказываются страдательные причастные формы фразеологизмов. Стилистическая сфера их употребления полностью совпадает с такой же сферой пассивных конструкций, образованных от переходных глаголов – это официально-канцелярские, научно-технические, газетно-публицистические и примыкающие к ним повествовательные стили литературного языка [4, с. 502].

Семантика процесса и категория залога, выражающая отношения между субъектом и объектом действия двусторонне связаны, на что указывают некоррелятивные залоговые формы, сохраняющие грамматическое значение этой формы. Такой некоррелятивной формой, наиболее точно выражающей и процесс, и отношения между субъектом и объектом, является форма действительного залога. Так, фразеологизмы **иметь в виду; брать, все на себя; согнуть в бараний рог** и мн. др. употребляют-

ся только в форме действительного залога, обозначают переходное действие, управляют существительным в вин. падеже без предлога, хотя теоретически от глагольных компонентов некоторых из этих сочетаний, например, **гнуть, взять**, можно образовать две другие залоговые формы. Отсутствие других залоговых форм, кроме действительной, у фразеологизмов типа **иметь в виду** объясняется тем, что глаголы типа **иметь** не образуют ни возвратных (за исключением безличных форм), ни страдательно-причастных форм в языке вообще [4, с. 502].

Разные значения одного многозначного фразеологизма могут быть неодинаково связаны с разными формами залога. Так, фразеологизм **обращать, обратить внимание** в значении «видеть, увидеть, смотреть, посмотреть» реализует лишь непереходное значение, его глагольный компонент употребляется при этом в форме прямопереходного глагола, а в значении «учитывать, замечать, отмечать, учесть, заметить, отметить» он может обозначать действие, «возвращающееся» на субъект, содержать глагольный компонент с -ся; в этом же значении фразеологизм может обозначать пассивный признак, состояние субъекта, а его глагольный компонент преобразуется в таких случаях в страдательное причастие: **Не обращается внимание** на самый процесс протекания действия (А.В. Бондарко, Л.Л. Буланин. Русский глагол, с. 58). Особое **внимание было обращено** на состояние торгово-экономических связей (Правда, 15.9.72).

Залог фразеологизмов процессуальной семантики замыкает систему грамматических категорий, обнаруживая с одними из них более тесную, с другими менее тесную связь. Особенно тесно залог связан с видом. Связь эта проявляется в том, что возвратные формы чаще всего встречаются у фразеологизмов несов. вида (**пускается в ход, обращается в бегство, поднимается на щит, закладываются основы, кладется конец, возлагаются надежды** и т. д.). В этом отношении фразеологизмы похожи на глаголы [4, с. 497, 502]. Причастные страдательные формы образуются почти исключительно от фразеологизмов сов. вида; с суффиксами **-н-, -т-** и со значением прошедшего перфектного (**одержана победа, обращен в бегство**); причастных форм несов. вида нами не отмечено.

Не менее тесно связан залог и со временем, что обнаруживается в преимущественном использовании форм настоящего, и, особенно, прошедшего времени.

Связь залога и лица обнаруживается в том, что не только возвратные и страдательные формы фразеологизмов употребляются исключительно (если это вызывается требованиями синтаксической структуры залоговой формы) | или преимущественно в форме 3 лица ед. или мн. числа, но и формы действительного залога фразеологизма чаще всего употребляются в 3 лице [4, с. 497, 502]. В отдельных случаях использование других форм лица, кроме 3-го, объясняется спецификой значения данного фразеологизма. Например, у фразеологизма **иметь в виду** очень высок процент употребления форм 1-го и 2-го лица.

Итак, специфика функционирования каждой из пяти морфологических категорий и всех вместе определяется в процессуальных фразеологизмах их семантическими и структурными свойствами, а также в разной степени сохраняющимися и проявляющимися во фразеологизме элементами лексических и грамматических свойств слов, ставших их компонентами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

17. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: СЭ, 1966.
18. Бондарко, А.В. Русский глагол / А.В. Бондарко, Л.Л. Буланин. – Л.: Просвещение, 1967.
19. Бондарко, А.В. Грамматическая категория и контекст / А.В. Бондарко. – Л.: Просвещение, 1967.
20. Виноградов, В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972.
21. Виноградов, В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В.В. Виноградов // Труды института русского языка. – М.; Л.: Наука, 1950.
22. Грамматика русского языка. – М.: АН СССР, 1953–1954.
23. Дмитриева, Н.С. К вопросу о субстантивных описаниях в современном русском языке. – НДВШ // Филологические науки. – 1970. – № 4.
24. Дружинина, А.Ф. Глагол с неполной парадигмой в современном русском языке: АКД / А.Ф. Дружинина. – М., 1964.
25. Жуков, В.П. Глагольный фразеологизм и синтаксическая структура предложения / В.П. Жуков // РЯШ. – 1971. – № 3.
26. Жуков, В.П. Фразеологизм и слово (на материале современного русского языка): ДД / В.П. Жуков. – Новгород, 1966.
27. Жуков, В.П. Сказуемое, выраженное устойчивыми словосочетаниями, в современном русском языке: КД / В.П. Жуков. – Л., 1953.

28. Лебединская, В.А. К вопросу о категории лица глагольных фразеологических единиц / В.А. Лебединская // Вопросы современного русского литературного языка.- Челябинск, 1971. – Вып. 5.
29. Лебединская, В.А. Категория лица глагола-компонента фразеологических единиц (на материале произведений и писем А.П. Чехова): АКД / В.А. Лебединская. – М., 1969.
30. Окунева, А.П. Категория времени фразеологических единиц (на материале произведений и писем А.П. Чехова): КД / А.П. Окунева. – Челябинск, 1972.
31. Хмелева, В.Н. Фразеологические единицы с сочинительными союзами: КД / В.Н. Хмелева. – Челябинск, 1973.
32. Ярцева, В.Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка /В.Н. Ярцева // Исследования по общей теории грамматики. – М.: Наука, 1968.

Фразеология - 2000: материалы Всерос. науч. конф. «Фразеология на рубеже веков: достижения, проблемы, перспективы» (Тула, 25-26 апреля 2000 г.) / под ред. В.Т. Бондаренко. - Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2000. - С. 122-128.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ПРЕДМЕТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

В 1972 году В.Л. Архангельский писал: «...фразеологическая морфология еще не создана. Здесь возможны значительные открытия. Строить морфологию фразем по образу и подобию морфологии слов невозможно, т. к. фразеологическое значение как особая лингвистическая категория накладывает жесткие ограничения на естественную морфологию слов-интегрантов». Это заявление можно считать программным. Активные исследования морфологической природы объединений фразеологизмов, семантически соотносительных с разными классами слов русского языка, проводившиеся и проводимые челябинскими фразеологами, можно сказать, многое успели создать по фразеологической морфологии. В этой работе, по условиям ограниченной площади, постараюсь перечислить морфологические положения, истинность которых удалось установить за многие годы исследований фразеологизмов, семантически соотносительных с классом существительных.

Омонимичность лексических значений слов, употребленных вне фразеологизмов, и значений фразеологизмов, включающих те же слова в качестве компонентов, создают семантическую специфику предметных фразеологизмов как единиц, не тождественных существительным, а только синонимичных последним. Названная специфика фразеологизмов определяет в свою очередь специфику проявления в них трех грамматических категорий.

В состав имеющихся в русской грамматике средств выражения грамматических категорий должно быть включено еще одно средство – **грамматически главный компонент** изменяемого фразеологизма, характеризующийся: а) *омонимичностью* по отношению к такому же по звучанию знаменательному слову, употребляемому вне фразеологизма, б) *флексивным способом* выражения всех морфологических категорий, присущих фразеологизму, где этот компонент является грамматически главным.

Теоретические положения, выведенные в результате сопоставительного анализа трех морфологических категорий единиц одного, предметного, типа семантики, мы расположим в виде пунктов, в каждом из которых речь будет идти об одной стороне исследованных категорий.

1. Содержательные свойства категорий

Род придает значение предметности, значение качественной определенности классу слов и фразеологизмов; в существительных он может иметь низкую или высокую степень абстрактности значения, во фразеологизмах почти исключительно высокую. Род – наиболее абстрактная из трех категорий, он непосредственно связан с целым классом единиц; с отдельной единицей связь опосредованная. *Значение количественной определенности*, вносимое категорией количества, лежит в совершенно иной плоскости, чем родовое и падежное; в существительных проявляется и значение грамматического числа, дискретного количества, выражающегося соотносительными формами этой категории, и значение величины, недискретного количества, выражающегося несоотносительными формами числа и квалифицируемого как семантико-грамматическая категория количества. В основной массе фразеологических единиц категория количественной определенности является семантико-грамматической категорией количества, выражающейся несоотносительными формами числа; в незначительной части единиц она остается грамматической категорией числа, выражающейся соотносительными формами этой категории. Сфера действия последней сокращается. Категория количества через свои разновидности теснее связана с лексическим и фразеологическим материалом; по степени абстрактности значения она уступает категории рода. *Категория надежа* с его значением отношения в именительном субъекта и винительном объектном без предлога так же абстрактна по значению, как и категория рода. Это положение распространяется на все предметные единицы русского языка. В остальных падежах, включая винительный с предлогом, категория падежа имеет наименьшую степень абстрактности значения, если сравнивать ее по этому признаку с категорией числа и, особенно, с категорией рода.

2. Формальная структура категорий

Категория рода имеет структуру, обусловленную расширением понятия предметности. Его структуру составляют три формы: первую форму составляют предметные единицы всех типов склонения и разносклоняемые, вторую – единицы прилагательного склонения и третью –

предметные единицы, не имеющие словоизменительных показателей. *Категория числа* предметных фразеологизмов имеет структуру, аналогичную одноименной категории существительных; то же необходимо сказать о структуре категории падежа: ее составляет совокупность шести падежных форм.

3. Формальные свойства категорий

Средством выражения всех трех категорий в предметных фразеологизмах является грамматически главный компонент – существительное. *Род*, как самая абстрактная категория, связан исключительно с флективной формой выражения. Специализации флексий для выражения разновидностей предметного значения в русском языке нет. *Категория количества* существительных связана с более широким набором средств выражения. Одноименная категория фразеологизмов располагает резко сокращенным набором средств выражения; продуктивность всех средств, исключая флексии, чрезвычайно низкая. *Категория падежа* сохраняет флексию как основное формальное средство; вторым средством является предлог. В этом отношении предметные фразеологизмы не отличаются от существительных. Различия между двумя типами номинативных единиц заключаются в том, что флексии существительных сохраняют информацию о падежном значении почти полностью, а флексии грамматически главных компонентов заключают в себе ничтожно малую долю информации о таком значении. Поэтому процесс семантического обеднения флексий в классе существительных следует квалифицировать как начинающийся, а в классе фразеологизмов – как оканчивающийся.

4. Отношения между формальными и содержательными свойствами категорий

Формальная и содержательная стороны категории рода находятся в отношениях полного соответствия. Эта закономерность распространяется на все предметные единицы русского языка, хотя особенно отчетливо проявляется во фразеологизмах. Между формальной и содержательной сторонами категории количества фразеологизмов в отдельных случаях нет соответствия; конкретные проявления несоответствия в этих двух типах номинативных единиц могут не совпадать. Падежные формы существительных находятся в отношениях соответствия с падежным значением и в отношениях семантико-грамматического соответствия с лексико-грамматическим составом предложения; падежные формы абсолютного большинства фразеологизмов, находясь в отношениях соответствия со

значением падежной формы, вместе с тем являются омонимичными падежным формам существительных, употребленных вне фразеологизмов. Падежные формы фразеологизмов состоят в отношениях внешнего, очевидного противоречия с лексико-грамматическим составом предложения; указанное противоречие разрешается на уровне содержания одного или нескольких предложений.

5. Функционирование категорий в речи

Категория рода существительных часто выражается в согласуемых словах. Категория рода предметных фразеологизмов функционирует как почти полностью не выраженная внешними по отношению к фразеологизму согласуемыми словами. *Категория числа*, или, точнее, количества, существительных, как и род, часто выражается согласуемыми словами. Степень выраженности одноименной категории фразеологизмов бо́льшая, чем степень выраженности рода; создается бо́льшая выраженность за счет формы именительного падежа, которой уподобляются в числе предикативно связанные с фразеологизмом формы. *Категория падежа* фразеологизмов, как и существительных, имеет полную внешнюю выраженность. Согласуемые компоненты, входящие в состав 80 % предметных фразеологизмов и вызывающие малую внешнюю выраженность категорий рода и числа, в то же время уравнивают малую внешнюю выраженность внутрифразеологической выраженностью, так как сохраняют словный характер. Согласуемые компоненты фразеологизмов усиливают морфологичность падежа и ослабляют его синтаксичность, превращая падеж почти полностью в категорию подчиненную, не обоюдную.

6. Влияние раздельнооформленности на категории

Раздельнооформленность фразеологизма оказывает задерживающее влияние на внешнюю выраженность рода; в меньшей степени такое влияние раздельнооформленности сказывается на категории количества, особенно на формах множественного числа. Раздельнооформленность никак не влияет на степень выраженности категории падежа. Во всех случаях, когда не выражены синтаксически род и число, предметный тип семантики данной единицы и ее индивидуальное фразеологическое значение обязательно и полностью выражаются падежом.

7. Функции категорий

Все три категории фразеологизмов выполняют функцию выражения предметного значения, причем число и падеж выполняют названную функцию вслед за родом и ввиду того, что ее выполняет род. *Категория*

рода выполняет названную, первую, функцию по отношению ко всему классу единиц независимо от того, в какую разновидность предметных единиц входит данная единица. Грамматическая категория числа выполняет первую функцию в одной, незначительной по объему, части предметных единиц, которые способны обозначать дискретное количество предметов; семантико-грамматическая категория количества выполняет названную функцию в другой части единиц, которые обозначают недискретное количество предметов. *Категория падежа* выполняет первую функцию по отношению ко всему классу существительных и фразеологизмов, но, в отличие от рода, наиболее отчетливо названная функция проступает в падежных формах с субъектным, объектными и местными грамматическими значениями и наименее отчетливо – в падежных формах с другими грамматическими значениями, что объясняется отчасти наименьшей степенью абстрактности падежного значения.

Вторую функцию – оформление синтаксических связей между словами и формами в предложении – род фразеологизмов выполняет чрезвычайно редко, что объясняется, как уже говорилось выше, особенностями синтаксической организации 80 % предметных единиц, у которых согласуемый компонент препятствует появлению внешнего определения. Названный факт можно использовать при формулировке положения о том, что при существительном русского языка чаще всего достаточным является употребление одного согласуемого слова, особенно если оно выражено прилагательным. Грамматическая категория числа и семантико-грамматическая категория количества чаще, чем род, выполняет вторую функцию в основном за счет форм множественного числа. Категория падежа фразеологизмов, в отличие от падежа существительных, выполняет вторую функцию почти исключительно как подчиненная категория, тем не менее падеж превосходит по продуктивности род и число.

Категории рода и числа фразеологизмов выполняют третью функцию – функцию разграничителей нескольких семантических типов фразеологизмов. Например, в выражении *первый попавшийся* человек, *первая попавшаяся* женщина, *первые попавшиеся* отряды – фразеологизм *первый попавшийся* – призначный; а в выражении *первый попавшийся* (-аяся, -иеся) объяснил(-а, -и) – фразеологизм *первый попавшийся* – предметный. Та же функция проявляется в единицах *ни тот ни другой*, *тот же самый* и нек. др. Категория числа (количества), кроме того, отграничивает нефразеологические словосочетания от фразеологизмов. Например, *правая рука* –

'одна из верхних конечностей человека' и *правая рука* – 'помощник, сподвижник'. Категория числа различает терминологические словосочетания и фразеологизмы. Ср. *цепная реакция* (физ., хим.), *цепные реакции*, но *цепная реакция* – 'последовательный ход событий, поступков, вызванный одним поступком, событием'. Сфера действия последнего проявления третьей функции числа активно расширяется. Третью функцию падеж выполняет ввиду того, что ее выполняют род и число. Третья функция рода и числа, строго говоря, по своим результатам может считаться фразеобразовательной.

Категория числа фразеологизмов, хотя и в единичных случаях, выполняет четвертую, фразеобразовательную, функцию, при этом вновь образованный фразеологизм остается предметным. Ср. *последнее слово* (юрид.), *последнее слово* – 1) 'окончательное решение', 2) 'новейшее достижение', *последние слова* – 'брань, непристойность'.

Категория падежа фразеологизмов тоже выполняет четвертую функцию; фразеологизмы, образованные в результате разрушения падежной парадигмы предметного фразеологизма или нефразеологического субстантивного словосочетания, получают обязательно непредметный тип семантики. Ср. *порядок вещей* – 'привычный, общественный обычай' и *в порядке вещей* – 'обычно', *суть дела* – 'существо, основа чего-л.' и *по сути дела* – 'средство выражения значения итога', *точка зрения* – 'направление, сторона чего-л.' и *с точки зрения* чего – фразеологический предлог. Фразеобразовательная функция падежа по своим результатам оказывается отрицанием всей категории падежа, а также отрицанием категорий рода и числа фразеологизмов. Результаты фразеобразовательной функции падежа фразеологизмов закономерно сравнить с результатами словообразовательной функции падежа существительных и вывести аналогичное заключение: словообразовательная функция падежа существительных по своим результатам является отрицанием всей категории падежа и отрицанием категорий рода и числа существительных. Ср. *в самом верху* и *вверху*, *с правого бока* и *сбоку*. Категория рода четвертую функцию не выполняет.

Все три грамматические категории существительных и предметных фразеологизмов с разных сторон оформляют значение предмета, но не уничтожают друг друга, а устойчиво взаимодействуют.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ РОДА ПРЕДМЕТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Сложнейшей, дискуссионной в русской грамматике продолжает оставаться проблема категории рода существительных. В грамматических трудах последних лет [2; 3; 5; 6 и некот. др.] можно встретить то прямое или косвенное отрицание значения у этой категории, то отрицание собственных средств выражения. Однако отрицание одной из сторон грамматической категории неизбежно влечет за собой отрицание другой стороны и, следовательно, отрицание всей данной категории как конструктивного элемента грамматического строя данного национального языка.

Мы решаем вопрос о количестве сторон у категории рода в русском языке на фразеологическом материале, анализируя единицы, семантически соотносительные с существительными и служащие, как и последние, средством выражения категории предметности.

Двусторонний характер категории рода, отдельно-слитное существование каждой ее стороны во фразеологизме особенно отчетливо обнаруживаются в тех случаях, если предметному фразеологизму подчиняются согласуемые слова. Прилагательные, причастия или местоимения, субституирующие предметный фразеологизм, как и любое русское существительное, глаголы прошедшего времени обязательно повторяют форму рода грамматически главного компонента фразеологизма.

Слово, – писал В.А. Сухомлинский, – тончайшее прикосновение к сердцу; оно может стать и нежным, благоухающим цветком, и живой водой, возвращающей веру в добро, острым ножом, ковырнувшим нежную ткань души, и раскаленным железом, и комыями грязи (Правда. 1973. 18 сентября). В 1960 году удельный вес средств производства в промышленной продукции СССР составил 72 %. В других отраслях он ниже (А.И. Ноткин. Темпы и пропорции социалистического производства). Наш автор подивился бы тому накалу страстей, которые подспудно давно разгорались, а во время недавнего «круглого стола» «ЛГ» запылали ярким пламенем (Лит. газ. 1971. 21 апреля). Ядерный кот в мешке (Заголовок). Народ явно не хочет покушать

ядерного кота в мешке, на которого Пентагон намерен затратить миллиарды долларов! (Б. Стрельников. – Правда. 1969 10 июня).

Это грамматическое употребление согласующихся с фразеологизмом слов мы квалифицируем как проявление формальной силы категории рода фразеологизма, а сам предметный фразеологизм в предложении считаем источником согласования. По названному признаку предметный фразеологизм как языковая единица, семантически соотносительная со словом, не отличается от существительного, тоже требующего формального уподобления от согласующихся с ним слов.

Но если по синтаксическим проявлениям категории рода предметные фразеологизмы не отличаются от существительных, то по характеру семантических отношений между лексическими значениями подчиненных слов или между лексическим составом всего предложения и лексическими значениями слов, ставших компонентами фразеологизма, с одной стороны, между лексическим значением подчиненных существительному слов и лексическим значением подчиняющего существительного, с другой стороны, имеется качественная разница. Слова, подчиненные существительному, обозначают какой-то отличительный признак предмета, названного данным существительным, своими лексическими значениями они конкретизируют, дополняют значение существительного, находятся в очевидном семантическом, содержательном единстве с ним. Лексические же значения подчиненных предметному фразеологизму слов не составляют такого единства с лексическими значениями слов, ставших компонентами данного фразеологизма [8, 10]. Иллюстрациями высказанного положения могут быть сочетания из приведенных выше цитат. Сочетания, подобные приведенным, на первый взгляд, кажутся бессмысленными, но не являются на самом деле таковыми. Их существование в языке объясняется действием двух причин. Первой причиной мы считаем разную степень устойчивости формального и содержательного в слове.

Лексическое значение принадлежит только данному слову, это его «частное», «конкретное», определенное же грамматическое значение имеет это слово как элемент целого класса слов, имеет вся часть речи, то есть, говоря словами А.И. Смирницкого, с лексической точки зрения слово представляет собой конкретную «арифметическую» величину, а с грамматической точки зрения – величину «алгебраическую». «Арифметическая» величина слова более мобильна, «алгебраическая» же величина характеризуется большей устойчивостью. Изменение лексического значения слова не вызывает одновременного изменения грамматической

природы слова, не вызывает утраты способности образовать различные грамматические формы, проявлять такие синтаксические свойства, которые присущи всему классу слов. Грамматическая характеристика слова, изменившего свое лексическое значение или утратившего его в какой-либо степени, сохраняется неизменной в нем до тех пор, пока слово остается таковым, даже если какая-то грамматическая форма утрачивает обязательное для нее грамматическое значение, то есть если отмирает у этого слова грамматическая категория и остается только ее форма. Эта «старая», прежняя форма существительного, ставшего грамматически главным компонентом предметного фразеологизма, сохраняет синтаксические свойства существительного, она требует от подчиненного слова формального уподобления.

Второй причиной, в основе своей связанной с первой и делающей возможными сочетания предметного фразеологизма с другими словами в речи, является раздельно-слитное существование формы и значения грамматической категории, принадлежащей фразеологизму, как единому языковому образованию. Форма категории, в данном случае – рода, находясь в грамматически главном компоненте и обладая внешней самостоятельностью, продолжает функционировать в речи так же, как функционирует одноименная грамматическая категория в классе существительных.

Названные причины позволяют грамматической форме слова или фразеологизма нормально функционировать и тогда, когда обязательное для этой формы грамматическое значение уже изменилось, стало другим; именно эта активность формы создает у некоторых лингвистов иллюзию полной независимости ее от грамматического значения, иллюзию бессодержательности грамматической формы, особенно формы рода существительного.

В характере семантических отношений между согласуемыми словами и фразеологизмом мы усматриваем специфику фразеологизма, не только в наличии содержательной стороны категории рода, но и в ее определяющей роли. Как было сказано выше, лексические значения слов, согласующихся с фразеологизмом, не находятся в отношениях очевидного соответствия со значениями слов, ставших компонентами фразеологизма, однако степень проявления этого несоответствия оказывается разной у разных единиц или даже больших их объединений. В небольшой степени названные несоответствия проявляются в тех случаях, когда грамматически главные компоненты претерпевают незначительные семантические изменения при образовании значения фразеологического

целого. Ср.: **(расчетливая) задняя мысль; (ярчайшее) знамение времени; (развитой, большой, природный, трезвый, обыденный, житейский, пресловутый, традиционный, ясный, народный, французский, простой и скромный, элементарный) здравый смысл.** Степень несоответствия увеличивается, если грамматически главные компоненты претерпели значительные семантические изменения при образовании значения фразеологизма. Ср.: **(третьегоднешний) вчерашний день, (дана, обеспечена, открыта) «зеленая улица».** И самые большие несоответствия между лексическими значениями слов, подчиненных фразеологизму, и лексическими значениями слов, ставших компонентами, наблюдаются в тех случаях, когда грамматически главные компоненты претерпевают очень большие семантические изменения при образовании индивидуального значения фразеологизма. Ср.: **(недавний, очный, заочный, международный, очередной, редакционный, проводимый, состоялся, прошел) круглый стол; (ядерный) кот в мешке, (американская) дойная корова, (своекорыстный, всесильный) денежный мешок, (осмеянное) крапивное семя, (неряшливые, такие современные) синие чулки, (пропекинская, местная, вступила в союз, разбросанные по всему миру) пятая(ые) колонна(ы), (американское, французское, бессловесное) пушечное мясо.** Короче говоря, степень семантического несоответствия между лексическими значениями согласуемых с фразеологизмом слов и такими же значениями слов, ставших его компонентами, пропорциональна степени семантических преобразований компонентов при образовании индивидуального значения фразеологизма.

Однако, какой бы ни была степень несоответствия между значениями подчиненных слов и значениями слов, ставших компонентами, это лишь внешнее несоответствие между формой и значением категории рода предметного фразеологизма. Содержательного, семантического несоответствия между родовым значением фразеологизма как грамматическим средством выражения его индивидуального предметного значения, и значением подчиненных фразеологизму слов нет, относящиеся к фразеологизму слова семантически ограничивают, уточняют, конкретизируют, раскрывают его как целое языковое образование, между лексическими значениями подчиненных слов и индивидуальным значением подчиняющего их фразеологизма существует глубокое семантическое единство, которое постоянно, до тех пор пока компонент сохраняет словный характер, «скрывается» под внешним несоответствием. Подчиненные фразеологизму слова, равно как и лексический состав всего предложе-

ния, являются объективным средством более точного определения индивидуального значения фразеологизма и выражающего это значение грамматического, родового значения. Названная функция синтаксического окружения особенно отчетливо видна в многозначных фразеологизмах, у которых с одной и той же родовой формой связано несколько родовых значений.

Согласуемые с предметным фразеологизмом слова в зависимости от того, какой частью речи они являются и в каких значениях употребляются, по-разному информированы в отношении определяемого ими фразеологизма.

Самыми информативными оказались прилагательные, причастия и глаголы прошедшего времени, своими лексическими значениями эти слова и их формы ограничивают, конкретизируют, уточняют индивидуальное и грамматическое, родовое, значение фразеологизма или выражают оценку говорящим понятия, предмета или лица, обозначенного фразеологизмом.

Прилагательные, подчиненные фразеологизму, могут быть качественными, относительными и притяжательными, хотя последние очень редко употребляются. Из причастий более употребительны краткие страдательные прошедшего времени в роли сказуемых, действительные причастия в составе причастных оборотов или без них встречаются редко. Названные формы согласуемых слов употребляются, как правило, в прямых значениях, что позволило нам считать их семантическими ограничителями или уточнителями индивидуального и грамматического, родового значения фразеологизма. Сказанное не означает, что при предметных фразеологизмах не употребляются согласуемые слова, которые содержали бы в своем лексическом значении элемент оценки. Если фразеологизм состоит из компонентов, не содержащих элемента оценки или создающих такое значение, в котором нет элемента оценки, такой фразеологизм, употребляясь в речи, может получить прилагательное или причастие, в лексическом значении которого будет содержаться элемент оценки.

*Сейчас этот **превосходный выход из положения** не годился (Наука и жизнь. 1971. № 2). Недавнее, почти двойное повышение цен на нефтепродукты (в Бразилии. – А.Ч.) вызвало **катастрофическую ценную реакцию**. Дорожает все, даже то, что, казалось, не имеет никакого отношения к нефтяным продуктам (Известия. 1964. 31 мая).*

... потребность человека в коллективе, протест против отчуждения, пытлиное, ищущее «чувство локтя», жажда быть счастливым в чувстве солидарности – это никогда не умрет, будет развиваться, жить и расцветать (В.А. Чалмаев. Огонь в одежде слова).

Особенно информативен и полуфункционален среди согласуемых слов глагол прошедшего времени. Эта форма указывает на предметное, категориальное, значение фразеологизма, ограничивает, конкретизирует индивидуальное фразеологическое значение и одновременно указывает на то, что предметный фразеологизм, форму рода которого он повторяет, употреблен в именительном падеже – ни одна другая падежная форма не имеет такого согласуемого слова. Ср.:

А тут ведь «горячие головы» замахнулись на жилищный комплекс. Да еще не типовой, «с капризами» (В. Ганюшкин. Комс. пр. 1977. 23 января). *Истинных, великих поэтов во все времена не покидало чувство локтя, чувство единения духа* (Р. Бородулин. Лит. газ. 1977. 27 апреля). *А потом настал черный день. На самом дне воронки неожиданно увидели обычный дряхлый пенёк, уходящий корнями вглубь. Это было фиаско* (Е. Дворников. Правда. 1977. 29 марта).

Глагол-сказуемое прошедшего времени при предметном фразеологизме мы рассматриваем как показатель органического единства трех грамматических категорий – рода, числа и падежа, выражающих с разных сторон предметное значение фразеологизма так же, как выражают эти категории предметное значение русского существительного.

Местоимения как структурные компоненты предметных фразеологизмов употребляются чрезвычайно редко, а как согласуемые слова они употребляются во много раз чаще прилагательных и вообще всех вместе взятых согласуемых частей речи и форм.

Функции местоимений разнообразны, и это связано с их принадлежностью к разным разрядам.

Личные и относительные местоимения, повторяющие форму рода предметного фразеологизма, субституируют его, они лишь указывают на предметный тип семантики данного фразеологизма.

Агрессия разоблачила и классовый характер местной пятой колонны, которая вступила в союз с империалистическими организациями интервенции (Правда. 1973. 14 мая). *Что же касается пальмы первенства, то из девяти послевоенных чемпионатов в восьми она доставалась нашим девочкам* (Комс. правда. 1968. 7 июля).

Местоимения других разрядов являются семантическими уточнителями, конкретизаторами или своеобразными усилителями индивидуальных предметных значений тех единиц, перед которыми они употребляются.

Местоимения, как и прилагательные, в сочетаниях с предметными фразеологизмами употребляются в своих прямых значениях, но ввиду чрезвычайной обобщенности своих значений местоимения не лучшим образом уточняют или ограничивают значение фразеологизма, они менее информативны, чем прилагательные или причастия. Тем не менее нами обнаружено достаточно фактов постоянного «соседства» некоторых местоимений при предметных фразеологизмах, индивидуальное и родовое значения которых они как-то характеризуют. Например, фразеологизм **белый свет** в значениях – ‘земной шар’, ‘вселенная’, ‘человечество’, представленный в нашей картотеке 137 употреблениями, в 15 случаях определяется местоимением **весь**: **весь белый свет, по всему белу свету, на весь белый свет** и т. п. Фразеологизм **визитная карточка** в 7 случаях из 40 определяется местоимением **своя**; фразеологизм **добрая воля** в 5 случаях из 51 определяется местоимением **своя**; фразеологизм **золотая середина** в 7 случаях из 31 определяется местоимением **та, эта**; фразеологизм **лебединая песня** в основном определяется притяжательными местоимениями. И т. д.

Местоимения разных разрядов, сочетаясь с одним и тем же предметным фразеологизмом, могут выполнять роли ограничителя индивидуального значения и указателя предметного типа семантики. Например:

*Нет на земле **такой горячей точки**, к которой советские люди остались бы безучастны* (К. Малин. Правда. 1977. 18 июля).

Роль местоимений как семантических конкретизаторов, уточнителей значения предметного фразеологизма понижается, если последний имеет при себе другие согласуемые слова. Ср.: **Везде все то же вечное переливание из пустого в порожнее, то же толчение воды**, то же наполовину добросовестное, наполовину сознательное самообольщение... (И.С. Тургенев. Вешние воды).

Самой малоупотребляемой формой согласуемого слова при предметном фразеологизме оказались числительные. В качестве согласуемого определения употребляются количественные числительные **один, два**, порядковые – **первый, второй**. Всего 48 предметных фразеологизмов из

1200, насчитывающих более 20 000 употреблений, имеют согласуемым словом какое-либо из названных числительных менее чем в 100 случаях.

Названные факты красноречиво свидетельствуют, во-первых, о том, что числительные, в силу специфики своего лексического значения, меньше всего могут быть конкретизаторами, уточнителями индивидуальных и родовых значений фразеологизмов, во-вторых, о том, что предметными фразеологизмами обозначаются такие широкие и отвлеченные понятия, которые почти не совмещаются с понятием о количестве, счете.

Как известно, морфологическая категория рода проявляется в способности существительных образовывать субстантивные словосочетания с согласованием. Это свойство категории настолько устойчиво и настолько часто реализуется в речи [1, с. 6–7], что породило у некоторых лингвистов мысль о наличии у рода существительных только формальной стороны, «согласовательной».

Предметные фразеологизмы резко отличаются от существительных по частоте проявления рода в согласовании. Отличие состоит в том, что абсолютное большинство русских предметных фразеологизмов употребляется в речи без согласуемых слов, в первую очередь, без прилагательных. Велико число фразеологизмов, у которых на десятки и сотни употреблений приходится несколько согласуемых слов, выраженных разными частями речи в разных их формах. Например, фразеологизм **холодная война**, представленный 130 употреблениями, один раз определяется кратким прилагательным, два раза – причастным оборотом и в 15 случаях имеет сказуемым глагол прошедшего времени; **черный рынок**, представленный 58 употреблениями, дважды определяется прилагательными и один раз частицей **самый**; **широкий круг**, представленный 175 употреблениями, трижды определяется краткими страдательными причастиями, один раз – местоимением, один раз – частицей **самый** и в 5 случаях имеет сказуемым глагол прошедшего времени. Фразеологизм **поле зрения** в значении ‘видимое пространство’, представленном 72 употреблениями, определяется в 2 случаях прилагательными, в двух – причастиями и в 4 случаях местоимениями, а в значении ‘область, круг интересов изучения’, представленном 123 употреблениями, определяется только 5 местоимениями. Фразеологизм **пальма первенства**, представленный 52 употреблениями, в 2 случаях определяется прилагательными, в одном – субституируется местоимением **она** и в 4 случаях имеет сказуемым глагол прошедшего времени. И т. п.

Однако было бы неправильно считать, что все предметные фразеологизмы одинаково редко определяются согласуемыми словами. Среди фразеологизмов есть такие, которые употребляются только с согласуемыми словами, в первую очередь, с прилагательными, и связь эта «предопределяется семантикой» [1, с. 6] фразеологизма, например: **доброе, прекрасное, хорошее, веселое, (самое) счастливое, (самое) дурное, приятное, свойственное кому-л., умиленное, тяжелое, (самое) неприятное, отличное, довольное, (самое) грустное, известное, послеобеденное, самое серьезное и др.) расположение духа**. Есть фразеологизмы, которые часто употребляются с согласуемыми словами, например, **круглый стол** (см. приведенные выше примеры), **белый свет, визитная карточка, жаркое лето, шаг вперед, гордиев узел, положение вещей, порядок вещей, точка зрения** и др. Одни из приведенных фразеологизмов часто употребляются с согласуемыми словами потому, что их значение находится в стадии развития (**визитная карточка, жаркое лето** и др. под.), другие – потому, что в их семантической структуре не содержится элемента оценки и построены они по модели ‘существительное + существительное’ (**точка зрения, положение вещей, положение дел, постановка вопроса, чувство локтя** и др. под.).

Длительные наблюдения за функционированием предметных фразеологизмов в речи привели нас к мысли о том, что отсутствие согласуемого слова или эпизодическое его употребление при предметном фразеологизме так же нормально, закономерно, как наличие его при отдельном существительном. Действие названной закономерности опирается одновременно на два фундаментальных качества фразеологизмов – семантическое и структурное. Первое – сложность семантической структуры каждого предметного фразеологизма, его способность одновременно и обозначать более сложное, по сравнению со словом, обобщенное понятие и, нередко, заключать в этом обозначении оценку говорящего. По этому признаку фразеологизмы похожи на просторечную лексику [9]. В связи с этим при предметных фразеологизмах, подобных приведенным выше, или совсем нет согласуемых слов, особенно прилагательных, или употребляются последние исключительно редко. Второе фундаментальное качество предметных фразеологизмов – их синтаксическая организация. Как оказалось, более 90% предметных фразеологизмов включают в свой состав согласуемый компонент, который отдал свою лексическую самостоятельность, чтобы создать «не сумму смыслов, а новые смыслы» (Л.В. Щерба), образовал вместе с компонентом-существительным каче-

ственно иную единицу семантики, «дальнейшее членение которой допустимо только на семантические компоненты как части целого и только как метод исследования» [7, 15], но формально остался согласуемым словом и не допускает присоединения к предметному фразеологизму еще одного определения. Согласуемый компонент не проявляет родового значения фразеологизма, но, оставаясь внешне согласуемым компонентом, выражает форму рода всего фразеологизма. В результате получается, что форма рода предметного фразеологизма выражается дважды, а родовое значение может остаться внешне синтаксически невыраженным. Так что если об устойчивости рода фразеологизмов судить по проявлению этой категории в согласовании, то степень устойчивости этой категории придется квалифицировать как самую низкую.

Из двух факторов, обычно препятствующих появлению согласуемого слова при предметном фразеологизме, семантический оказывается главным. В соответствии с требованиями именно этого фактора фразеологизм может получать или не получать согласуемое слово (здесь не имеется в виду глагол прошедшего времени), при этом действие структурного фактора может быть нейтрализовано семантическим фактором.

Описанное своеобразие синтаксического проявления морфологической категории предметных фразеологизмов убеждает в том, что согласуемые слова (если они есть) являются дополнительными средствами уточнения, ограничения, конкретизации индивидуального предметного и родового значения, и ни одно из согласуемых слов не является избыточным, каждое из них «предопределяется семантикой» предметного фразеологизма так же, как синтаксическая связь того или иного прилагательного с существительным предопределяется семантикой этого существительного [4].

Проанализированный материал позволяет сделать следующие выводы.

1. Функционирование категории рода предметных фразеологизмов полностью определяется их семантическими и структурными свойствами, причем семантические свойства оказываются решающими во всех проявлениях этой морфологической категории.

2. Способность предметного фразеологизма иметь при себе согласуемые слова опирается на закон разной степени устойчивости семантического и грамматического в слове вообще и в существительном в частности.

3. В способности предметного фразеологизма иметь согласуемые слова проявляется сила формальной стороны рода, а в строгом семантическом единстве лексических значений согласуемых слов с индивидуальным предметным значением фразеологизма проявляется сила содержательной стороны этой морфологической категории.

4. Отсутствие согласуемых слов или редкое их появление у подавляющего большинства предметных фразеологизмов и в подавляющем числе употреблений свидетельствует об усилении синтетического характера рода, его морфологической природы, поддерживаемой синтаксической организацией фразеологизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ефремов, А.Ф. Стилистика словосочетаний / А.Ф. Ефремов // Вопросы синтаксиса и стилистики русского литературного языка. – Куйбышев, 1963.
2. Зализняк, А.А. Русское именное словоизменение / А.А. Зализняк. – М.: Наука, 1967.
3. Кацнельсон, С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1972.
4. Кожин, А.Н. Правила «сложения смыслов» – средство уточнения типологии фразеологизмов / А.Н. Кожин // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: материалы межвузовского симпозиума. – Тула, 1968.
5. Колесников, Л.А. Грамматические категории имен существительных современного русского языка в плане отображения действительности: АКД / Л.А. Колесников. – Днепропетровск, 1974.
6. Ревзина, О.Г. Общая теория грамматических категорий / О.Г. Ревзина // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. – М.: Наука, 1973; Основные черты структуры грамматической категории рода // Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков. – М.: Наука, 1976.
7. Толикина, Е.Н. Об общем отличительном признаке фразеологических единиц, отграничивающем их от нефразеологизмов / Е.Н. Толикина // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: материалы межвузовского симпозиума (1968). – Тула, 1972.
8. Чепасова, А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов / А.М. Чепасова. – Челябинск, 1974.
9. Чепасова, А.М. Просторечная глагольная лексика в современном русском языке: АКД / А.М. Чепасова. – Саратов, 1954.

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА И СОЧЕТАЕМОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Категория числа, как и любая другая грамматическая категория, исследовалась и исследуется отечественными грамматистами только на лексическом материале. Ни в одной работе, будь то учебник для школьников, учебное пособие для студентов, монография, академическая грамматика и т.д., нет описания законов функционирования грамматических категорий во фразеологизмах как языковых единицах нового уровня.

В начальной стадии решения находятся пока такие проблемы, как степени устойчивости лексического и грамматического факторов в словах-компонентах фразеологических единиц¹¹, соотношение грамматических свойств отдельного слова и таких же свойств слова-компонента фразеологической единицы¹², соотношение грамматических категорий слов и таких же категорий целой фразеологической единицы.

Совсем нет ответов на вопросы о том, в каких фразеологизмах, состоящих из имен-компонентов, сохраняются грамматические категории, сколькими категориями и какими именно они обладают, как функционируют во фразеологизмах имеющиеся грамматические категории, какие причины способствуют сохранению/утрате грамматических категорий во фразеологизме и целый ряд других.

Грамматическая категория числа есть у всех имен – существительных, прилагательных, местоимений, некоторых числительных. В грамматических исследованиях определен характер этой категории у каждой части речи. Так, у существительных она представляет собой «сложный предметно-смысловый узел, в котором сплетаются разнообразные грамматические и лексико-семантические особенности¹³ этого класса слов.

¹¹ См. об этом: А.М. Чепасова. Взаимосвязь значения и категории падежа фразеологизма // Вопросы современного русского литературного языка. – Челябинск, 1971. – Вып. 5.

¹² См. об этом: Вопросы фразеологии. III. Труды Самаркандского гос. ун-та им. А. Навои. – Самарканд, 1970.

¹³ В.В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М., 1947. – С. 148.

Признаётся, что «категория числа в существительном представляет собой обычно очень сильную категорию»¹⁴, что функционирует она в противопоставлении двух форм – единственного и множественного числа – и выражает отношение к идее количества, счета. По формальному признаку это словоизменяемая, «собственная»¹⁵ морфологическая категория существительного, в отличие от категории рода существительных – тоже «собственной», но классификационной¹⁶. Несмотря на высокую степень грамматикализации словоизменяемой категории¹⁷, категория числа не охватывает все русские существительные¹⁸, «наблюдаемый неполный охват грамматической категорией объясняется лексико-семантическими свойствами данного слова»¹⁹. Влияние, даже больше – «давление» лексического материала на грамматику отмечалось и отмечается многими исследователями русского языка²⁰.

В настоящей работе ставятся такие задачи. Определить: 1) какие по семантике фразеологизмы, состоящие из имен-компонентов, имеют категорию числа, 2) какова специфика функционирования категории числа во фразеологизмах одного семантического типа, 3) как соотносится категория числа определенных классов слов и категория числа фразеологических единиц, 4) как соотносятся семантические и грамматические свойства слов в так называемых свободных сочетаниях с такими же свойствами слов, ставших компонентами фразеологических единиц, 5) какие причины способствуют сохранению/утрате категории числа во фразеологизме, 6) как связаны синтаксическая и лексико-семантическая сочетаемость с категорией числа фразеологических единиц.

Среди фразеологических единиц, состоящих из имен, выделяется класс фразеологизмов, характеризующийся следующими языковыми признаками.

1. Каждая фразеологическая единица этого класса служит обозначением предмета в самом широком смысле этого слова. Это может быть

¹⁴ В.Н. Ярцева. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка // Исследования по общей теории грамматики. – М.: Наука, 1968. – С. 18.

¹⁵ Там же, с. 34.

¹⁶ См. об этом: А.М. Чепасова. Степени устойчивости грамматических факторов во фразеологических единицах // Вопросы семантики фразеологических единиц (на материале русского языка). – Новгород, 1971. – Ч. 1.

¹⁷ М.М. Гухман. Грамматическая категория и структура парадигм // Исследования по общей теории грамматики. – М.: Наука, 1968. – С. 119 и след.

¹⁸ В.В. Виноградов. Указ. соч., т. 147 и след.; В.Н. Ярцева. Указ. соч., с. 32 и след.

¹⁹ В.Н. Ярцева. Указ. соч., с. 32.

²⁰ Например: В.В. Виноградов. Указ соч.; Грамматика русского языка АН СССР. Т. I. М., 1953; В.Н. Ярцева Указ соч.; и мн. другие.

обозначение одного лица (**козел отпущения, закадычный друг, молодой человек**), совокупности лиц (**пушечное мясо, черная сотня, сильный пол, слабый пол**), пространства (**земля обетованная, белый свет**), явлений природы (**белая ночь, воробьиная ночь, белые мухи**), совокупности предметов, фактов, понятий (**всякая всячина**), обозначение лица и характеристика его одновременно (**денежный мешок, золотые руки, морской волк, синий чулок, ни пава ни ворона, ни рыба ни мясо**), отвлеченных понятий (**первый шаг, ад крошечный, камень преткновения, ариаднина нить**) (**нить Ариадны, здравый смысл, единое (одно) целое, цепная реакция**) и др.

В характеризуемый класс нами включаются не только фразеологические единицы, соотносительные с именами существительными, но и фразеологические единицы, соотносительные с местоимениями обобщенно-предметного значения, например, **наш брат, ваш брат, их брат** и др. под.

2. Фразеологические единицы этого класса синтаксически организованы или как словосочетания с подчинительной связью компонентов (большинство приведенных выше фразеологических единиц образовано по моделям: «Им. + Род. п. существительных» или «атрибут + существительное»), или как сочетания слов с сочинительной связью компонентов (**ни то ни се, дух и буква, стар и млад**).

3. Предметная семантика фразеологических единиц этого класса «жестко» связана с грамматическими категориями. Так, предметность оформляют во фразеологизме категории рода, числа, падежа. Причем грамматические, точнее морфологические, категории, являясь подчиненными семантике фразеологического целого, функционируют по-разному. Разница заключается в том, что у одних единиц наиболее ярким выразителем предметности является категория рода, у других – категория числа, у третьих – категория падежа. Предметность не менее «жестко» связана и с синтаксическими свойствами фразеологических единиц. Так, наиболее ярким проявлением предметности семантики фразеологизма следует считать его способность быть синтаксическим субъектом или объектом в предложении. Показательными для некоторых из них можно считать функцию именного сказуемого и несогласованного определения. В роли обстоятельств выступают не все фразеологические единицы этого класса, что в свою очередь зависит от специфики значения конкретной фразеологической единицы, находящей выражение в категории падежа.

Ниже описывается взаимосвязь фразеологизмов предметной семантики с грамматической категорией. Такое описание стало возможным лишь благодаря наличию большой фразеологической картотеки. Учет большого количества цитат на каждую фразеологическую единицу предметной (как и другой) семантики – необходимое условие выявления закономерностей функционирования категории числа как одной из морфологических категорий, выражающей предметность, и определения тенденции развития этой категории во фразеологизме.

Фразеологические единицы предметной семантики по-разному связаны с категорией числа и делятся в этом отношении на несколько семантико-грамматических подклассов, каждый из которых, в свою очередь, может состоять из нескольких групп.

В первой группе объединяются фразеологические единицы, которые обладают следующими признаками: каждая из них обозначает лицо, или предмет, или явление, или отвлеченное понятие, каждая может сочетаться с количественными числительными. Например: **молодой человек, визитная карточка, заклятый враг, простой смертный, закадычный друг, прописная истина, первый шаг, больной вопрос, белое пятно, сукин сын** и др. Изменяемый (-ые) компонент (-ы) каждой из названных и подобных фразеологических единиц может реализовать и реализует как форму единственного, так и форму множественного числа, и вся единица при этом обозначает соответственно один предмет, факт, явление, лицо и т.д. или больше одного. Абсолютно тождественная синтаксическая и лексико-семантическая сочетаемость фразеологических единиц, употребленных в обеих формах числа, свидетельствует о чисто грамматической сущности категории числа.

*Я помню его (Ленина) спор **по** одному **больному** личному внутрипартийному **вопросу** с очень видным товарищем (Лит. газ.). ...Присутствие (Алексея Максимовича) здесь даст нам возможность обсудить те **больные вопросы**, которые интересуют каждого корреспондента (Стенограмма беседы с А.М. Горьким. Лит. газ.). К **белым пятнам**» Тугура. Из Владивостока отправилась экспедиция по геоботаническому картированию южной части Охотского побережья. Этот район является для ботаников **белым пятном** (Комс. пр.). **Первым шагом** в исследовании планеты должно быть изучение свойств ее атмосферы (Комс. пр.). Спутники все шире используются для нужд геологии и географии. Но сделаны только **первые шаги** (Комс. пр.).*

Нетрудно заметить, что связь с категорией числа у фразеологических единиц с названной семантикой и у существительных, ставших компонентами фразеологических единиц, одинаковая. Так, без каких-либо ограничений образуются и функционируют формы: человек – люди; враг – враги; шаг – шаги; пятно – пятна; вопрос – вопросы; друг – друзья и т.д.

К первой же группе относятся фразеологические единицы, у которых категория числа тоже функционирует нормально, в двух формах, но характер значения каждой конкретной фразеологической единицы накладывает ограничения на функционирование какой-либо формы числа. Как правило, такие фразеологические единицы обозначают лицо по какому-либо признаку, заключающему в себе определенную оценку, или повторяющееся явление, а также отвлечённое понятие, которое редко поддаётся конкретизации и, следовательно, редко получает форму множ. числа. В этой подгруппе объединяются фразеологические единицы типа **пробный камень**, **злые языки**, **белые ночи**, **камень преткновения**, **козел отпущения** и под.

Так, фразеологическая единица **пробный камень** – ‘то, что выявляет свойства, качества и т.п. кого-, чего-либо’²¹ употребляется в форме единственного числа в пять раз²² чаще, чем в форме множественного числа; фразеологическая единица **козел отпущения** – ‘человек, на которого постоянно сваливают чужую вину, ответственность’ (от библейского выражения – первоначально козел у древних евреев, на которого особым обрядом возлагались грехи всего народа)²³ тоже преимущественно употребляется в форме единственного числа, хотя форма множественного числа возможна. Фразеологическая единица **белая ночь** – ‘северная ночь с немеркнущей зарей’²⁴ употребляется в основном в форме множественного числа, потому что белые ночи длятся на протяжении нескольких летних месяцев, начиная с конца мая. Форма единственного числа каждой данной фразеологической единицы называет одно явление, обстоятельство, лицо, а форма множественного числа в прямом соответствии с грамматическим значением множественного числа – больше одного, много лиц, явлений, обстоятельств.

²¹ БАС, т. 11, с. 932.

²² По данным нашей картотеки.

²³ БАС, т. 5, с. 1115.

²⁴ ТСРЯ, т. 1, с. 122.

Синтаксическая и лексико-семантическая сочетаемость разных числовых форм фразеологических единиц этой подгруппы одинаковая. Предпочтительное употребление или обособление одной грамматической формы не свидетельствует о разрушении семантического тождества между разными числовыми формами одной фразеологической единицы и об образовании новой фразеологической единицы. В данном случае наблюдается такое же явление, как и при предпочтительном употреблении одной формы числа существительного Ср.: **ус** и **усы**, **волос** и **волосы**²⁵.

Существительные, образовавшие фразеологические единицы названной подгруппы, свободно изменяют форму числа: **ночь** – **ночи**; **козел** – **козлы**; **камень** – **камни**; **язык** – **языки** и т. п.

Вторую группу составляют фразеологические единицы, в которых категория числа функционирует как семантико-грамматическая, потому что она является грамматическим средством различения разных значений одной и той же фразеологической единицы. Аналогичную функцию выполняют формы числа существительного, являясь способом «дифференциации разных значений слов»²⁶. Ко второй группе относятся такие многозначные фразеологизмы, как **точка зрения**, **угол зрения**, **повестка дня** и др. под. Спецификой значений каждой фразеологической единицы этой группы следует признать тот факт, что менее фразеологичное значение, заключающее в себе способность конкретизироваться, обладает категорией числа, а более фразеологичное значение, стоящее на более высокой ступени обобщенности по отношению к другим значениям, утрачивает категорию числа и оставляет только форму числа.

Синтаксическая и лексико-семантическая сочетаемость в данных случаях является объективным лингвистическим условием реализации определенного значения фразеологической единицы. Так, фразеологизм **точка зрения** в трех предметных значениях 'взгляд на что-нибудь', 'особое мнение по какому-нибудь вопросу', 'научная мысль, концепция' – обладает категорией числа, что сказывается в тождественной сочетаемости фразеологической единицы в формах единственного и множественного числа; в четвертом же значении – 'позиция' – фразеологическая единица утрачивает категорию числа и употребляется только в форме единственного числа. Интересно отметить, что слово-идентификатор **позиция** не

²⁵ См. об этом: Д.Н. Шмелев. Очерки по семасиологии русского языка. – М., 1964. – С. 46.

²⁶ В.В. Виноградов. Указ. соч., с. 155.

утрачивает категории числа, а фразеологическая единица – утрачивает²⁷. Это является еще одним свидетельством того, что фразеологическая единица и слово-идентификатор – явления разные, что идентификатор никогда не передает точно, в полном объеме значение фразеологизма. Последний всегда шире и сложнее по значению, чем идентификатор.

Так же, как и в описанном фразеологизме, ведет себя категория числа во фразеологической единице **угол зрения**. В значении – ‘сторона’ фразеологическая единица сохраняет категорию числа.

*Ленин использовал ту единственную фразу, с которой появляется в романе «Отцы и дети» председатель казенной палаты, старый взяточник: даже природу он воспринимает **под** одним **углом зрения** – взятки берут и дают (С.Е. Шаталов. Русская речь). Когда мы описываем, например, человека в терминах зоологии, антропологии или кибернетики, мы всякий раз включаем его в разные модели и, следовательно, глядим на него **под** различными **углами зрения** (В.А. Звегинцев).*

В обеих цитатах фразеологическая единица подчиняется глаголам, обозначающим мыслительную деятельность человека (воспринимает, глядит); в обеих цитатах в прямом соответствии со значением и формой определения (один, различные) фразеологическая единица соответственно имеет единственное или множественное число. Другие значения этого фразеологизма – ‘направление, подход к изучению, рассмотрению чего-либо’, ‘видимое пространство’ – имеют только форму единственного числа. Характер данных значений препятствует нормальному функционированию категории.

В третьей группе объединяются фразеологические единицы, у которых категория или форма числа различает терминологические или фразеологические сочетания, одинаковые по компонентному составу. Причем терминологическое сочетание сохраняет категорию числа и в этом отношении совсем не отличается от так называемого свободного сочетания, а фразеологическое сочетание, развившееся из терминологического, обладает более широкой и обобщенной семантикой, оно обозначает такое отвлеченное понятие, которое не может быть соединено с представлением о количестве, числе, поэтому во фразеологической единице в полном соответствии с характером новой семантики

²⁷ См. об этом подробнее: А.М. Чепасова. Взаимосвязь значения и категории падежа фразеологизма // Вопросы современного русского литературного языка. – Челябинск, 1971. – Вып. 5.

остаётся только форма числа, чаще всего единственного. К этой группе относятся единицы типа **цепная реакция, удельный вес, стартовая площадка** и др. под.

Лексический состав предложения и лексико-семантическая сочетаемость тождественных по составу единиц являются объективными лингвистическими условиями, учитывая которые легко отличить терминологическое сочетание от фразеологической единицы. Например, сочетание **цепная реакция**, употребляемое в химии и физике, имеет значение 'реакция (химическая или ядерная), при которой один атомный или ядерный акт реакции приводит к последовательной реакции большого числа атомов, молекул и ядер'²⁸. Весь лексический состав предложения с сочетанием в названном значении не противоречит значению сочетания, и в зависимости от требования контекста **цепная реакция** употребляется то в форме единственного, то в форме множественного числа.

Работы Н.Н. Семенова с сотрудниками по изучению механизма окисления паров фосфора, серы и других веществ привели к открытию и развитию теории разветвленных цепных реакций (акад. А.П. Александров. Наука и жизнь). При воздушном взрыве ядерного заряда температура в зоне цепной реакции достигает нескольких десятков миллионов градусов... (Наука и жизнь).

Если же сочетание употребляется в значении 'последовательно связанные действия или события, свойства, явления, вызванные одним каким-либо фактом, событием'²⁹, то имеет только форму единственного числа.

Содержание всего предложения и лексическое значение слова, подчиненного фразеологическому сочетанию, находятся в противоречии с терминологическим значением сочетания **цепная реакция** и в строгом единстве с новым, фразеологическим, значением.

Это может привести к простоям в отраслях, использующих подшипники, к своего рода «цепной реакции», к потерям материала, людских сил и времени (В.А. Трапезников. Наука и жизнь).

Фразеологическая единица, в отличие от терминологического сочетания, развивает синтаксическую активность: она управляет отвлеченными существительными (увлеченность, девальвация, простои, безответ-

²⁸ БАС, т. 17, с. 655.

²⁹ См. об этом: В.П. Фелицына. О новых устойчивых сочетаниях // Нормы современного русского литературного словоупотребления. – М.; Л., 1966. – С. 80.

ственность, прирост, емкость (времени), задерганность, последствия, суждения, знания, заинтересованность, чувства, мысли и др. под.). В основном управляемые существительные имеют форму родительного падежа без предлога, но возможны и предложные формы: ...«**ценная реакция**» и *области политики...* (И.М. Майский). Весьма показательны согласуемые или примыкаемые определения: катастрофическая, другая, общая, своеобразная, садовая, своего рода и др. Лексические значения слов, управляющих фразеологической единицей, также свидетельствуют о том, что сочетание **цепная реакция** фразеологическое.

...Похожим на ценную реакцию... (Комс. пр.) ...Расценивать эту ценную реакцию последствий как полезную для человека... (Комс. пр.).

Синтаксическая функция фразеологической единицы в предложении резко отличает ее от такой же функции терминологического сочетания.

Этот вопрос по цепной реакции вызвал и другой вопрос: для чего нужна армия... (Комс. пр.). Равнодушие – как ценная реакция (Комс. пр.). Есть сила цепной реакции, которая человеческое тепло передает от сердца к сердцу (Комс. пр.).

Фразеологическая единица **цепная реакция** сохраняет в сознании говорящих (обычно она используется в речи людей образованных, хорошо владеющих литературным языком) связь с терминологическим сочетанием как ее источником. Об этом свидетельствуют несколько фактов: выделение кавычками всего сочетания или первого его компонента, уподобление цепной реакции какого-то (не химического, физического) процесса. В нашей картотеке есть цитата, по содержанию которой можно судить о времени возникновения фразеологической единицы из терминологического сочетания.

Так, на практическом опыте, я впервые в ходе войны понял значение «цепной реакции» в области политики (хотя этот термин в то время еще не был во всеобщем употреблении) (И.М. Майский).

Итак, факты лексико-семантической сочетаемости помогают совершенно точно определять, где терминологическое, а где фразеологическое сочетание, категория числа при этом остается только у терминологического сочетания. Употребление же сочетания **цепная реакция** в неспециальном контексте в форме множественного числа лишает это сочетание какого-либо значения вообще. Например:

В жизни есть свои ценные реакции (В. Тендряков). Это и подобное использование сочетания следует рассматривать только как ошибочное.

Таким же образом по функционированию категории числа и лексико-семантической сочетаемости обнаруживается различие между терминологическим сочетанием и фразеологической единицей **удельный вес**. Новым, дополнительным свидетельством того, что **удельный вес** – фразеологическая единица является ее способность вступать в синонимическую связь с существительным **доля** и отсутствие такой способности у терминологического сочетания.

По США удельный вес занятых в сельском хозяйстве несколько занижен в силу применяемой методики учета. По имеющимся данным, доля сельского населения в общей численности занятых составляла в ФРГ в 1958 г. 16 % ... (А.И. Ноткин). Удельный вес красного фосфора 2,20 (Н. Л. Глинка).

Терминологическое сочетание **удельный вес** – ‘отношение веса тела при температуре 0°С к весу равного объема воды при температуре 4°С’³⁰ – употребляется только в работах по химии и физике, сохраняет категорию числа; фразеологическая же единица **удельный вес** – ‘роль, место кого-, чего-либо в хозяйстве, в обществе; общественная значимость, ценность кого-, чего-либо’³¹ – употребляется в лингвистической, политической, экономической, публицистической и др. подобной литературе; имеет всегда только форму единственного числа. Одиночные случаи использования форм множественного числа в экономической, политической и подобной литературе также следует квалифицировать как ошибочные, неверные.

Если сложить удельные веса материальных затрат (50,8 %) и накопления производственных фондов (8 %) в общественном продукте СССР, то скажется, что доля средств производства в этом продукте составляла в 1959 г. примерно 59 % (Вопросы экономики).

В охарактеризованных выше трех группах фразеологических единиц категория числа функционирует с разной степенью полноты как грамматическая или семантико-грамматическая категория. В четвертой же группе, самой многочисленной и неоднородной, категория числа утрачена совершенно. Семантика фразеологических единиц этой группы, несовместимая с понятием количества, счета, оказывает настолько

³⁰ БАС, т. 2, с. 213.

³¹ БАС, т. 16, с.310.

сильное «давление» на грамматическую категорию, что последняя утрачивается, оставляя только несоотносимые друг с другом формы числа. В самом этом явлении зависимости грамматической категории от семантики языковой единицы нет ничего нового для русского языка. Такое же явление наблюдается и среди русских существительных, лексическое значение которых несовместимо с идеей количества, счета.

Специфика этого явления в другом, и особенно ярко обнаруживается она при сопоставлении семантических групп существительных, утративших категорию числа, и семантики фразеологических единиц, также не охватываемых названной грамматической категорией. Известно, что «особенно ярко негативная, лишенная непосредственного отношения к числу, счету функция единственного числа выступает у слов с отвлеченными значениями свойства – качества, действия – состояния, эмоции, чувства, настроения, физического явления или явления природы, идейного направления, течения, вообще у обозначений абстрактных понятий»³².

Фразеологические единицы, сохранившие только форму числа, не составляют такой единой, целостной в семантическом отношении группы. Они образуют специфические, резко отличающиеся от семантических группировок существительных, свои подгруппы. Самой многочисленной подгруппой следует признать такую, в которой каждая фразеологическая единица обозначает понятие, применимое ко многим жизненным ситуациям, имеющим данный, какой-то один признак, понятие, отличающееся неограниченной почти шириной использования в речи. При таком объеме значения форма множественного числа вообще лишается всякого смысла. Именно таким семантическим свойством обладают фразеологические единицы **гордиев узел, поле зрения, притча во языцех, кривое зеркало, прокрустово ложе, аннибалова клятва, порочный круг, заколдованный круг, замкнутый круг, пустой звук, пустое место, синяя птица, слоеный пирог, передовая линия, передний край, ахиллесова пята, обетованная земля (край, страна), тихая заводь, холодная война, львиная доля, хлеб насущный, ариаднина нить (нить Ариадны), послужной список** и др. под.

Лексический состав предложения и особенно лексико-семантическая сочетаемость фразеологической единицы свидетельствуют о том, что употребление фразеологической единицы в форме единственного числа оправданно, уместно, является единственно возможным.

³² В.В. Виноградов. Указ. соч., с. 158.

...В прокрустово ложе предвзятой схемы... (Лит. газ.). ...В прокрустово ложе средневековых представлений... (Лит. газ.). ...В прокрустово ложе «инструментальной» эстетической системы... (А.Г. Егоров). О реакционной сущности современной буржуазной эстетики. ...В прокрустово ложе политики эмбарго (Лит. газ.). ...обойти прокрустово ложе этой классификации (Филолог. науки).

Фразеологическая единица **прокрустово ложе** – ‘мерка, под которую насильственно подгоняют не подходящие под нее явления’³³, сохраняет свое значение в любом лексико-семантическом окружении. Единственное ограничение, о котором должно всегда помнить при употреблении данной фразеологической единицы, следующее: в предложении речь должна идти о явлениях, фактах науки, политики, искусства и т.п., потому что фразеологическая единица может управлять только отвлеченными существительными.

Фразеологическая единица **ахиллесова пята** может употребляться в таких сочетаниях:

...«хватаясь за ахиллесову пятау противоречий» данного режима... (В.И. Ленин, т. 18, с. 334); ...ахиллесова пята Японии... (За рубежом); ...«ахиллесова пята» нашего жилищного строительства... (Лит. газ.); «Ахиллесова пята» продленного дня (Комс. пр.). Ахиллесова пятка читательниц (А.П. Чехов); ...ахиллесова пята строительных подразделений (Комс. пр.). ...ахиллесова пята тбилисцев (Комс. пр.); ...ахиллесова пята нашей сборной... (Учит. газ.); ахиллесова пята автомобильной конструкции (Техника-молодежи), ...ахиллесова пята нашего хоккея... (Комс. пр.) и др. подобные.

Факты лексико-семантической сочетаемости данной фразеологической единицы помогают более точно определить ее значение, чем это сделано в толковых словарях³⁴, а именно ‘слабая сторона чего-, кого-либо’; а также позволяют сказать, что фразеологизм **ахиллесова пята** обладает очень широкими сочетательными возможностями, управляя широким кругом слов, различных по семантическим признакам. Изменение формы числа у фразеологических единиц данной подгруппы, допускаемое в речи некоторыми пишущими, разрушает фразеологизм, воспринимается как ошибочное.

³³ МАС, т. 2, с. 265.

³⁴ БАС, т. 1, с. 227.

Маклюэн не подчеркивает своего антикоммунизма. Но он часто возвращается к «русской теме», показывая при этом такую «осведомленность», которая устраивает власть имущих, тех, кто финансирует «горячие» и «холодные» войны нашего времени (Лит. газ.).

В этом предложении дан как разрушенный фразеологизм **холодная война**, который имеет значение 'враждебно-агрессивная политика империалистических держав в условиях официального мира'³⁵ и употребляется только в форме единственного числа. Правда, значение фразеологической единицы не всегда разрушается, а только видоизменяется, может быть, в **какой-то** степени конкретизируется, если говорящий употребляет другую форму числа. Так, в предложении

*Я же неисправимый дарвинист, и для меня такие слова, как порода, аристократизм, благородная кровь – не **пустые звуки** (А.П. Чехов)*

сочетание **пустые звуки** не воспринимается как разрушенное, в нем остается значение что-то лишенное смысла, значения³⁶. Такое употребление следует считать, на наш взгляд, индивидуальным. Одиночные, индивидуальные случаи употребления другой формы числа встретились нам в цитатах с фразеологическими единицами **львиная доля**, **ахиллесова пята**.

Кроме семантического признака, объединяющего воедино все фразеологизмы данной подгруппы, у них есть еще один – формальный: существительное-компонент каждой фразеологической единицы в свободном употреблении имеет категорию числа. Например, ложе – ложа, нить – нити, война – войны, пята (пятка) – пяты (пятки), линия – линии, край – края, доля – доли, звук – звуки, пирог – пироги, место – места и т. п.

Вторую подгруппу составляют фразеологические единицы, которые обозначают отвлеченное понятие, заключающее в себе большое обобщение, фразеологические единицы этой подгруппы могут быть оценочными по своей семантике. Сюда входят единицы типа **переоценка ценностей**, **вавилонское столпотворение**, **знамение времени**, **сизифов (а) труд (работа)**, **собачий холод** и др. подобные.

Характер семантики фразеологических единиц этой подгруппы несовместим с понятием о числе, количестве; в тесном единстве, а не в противоречии, как в первой подгруппе, с семантикой фразеологического целого находятся грамматические свойства существительных-компонентов этих фразеологизмов. В свободном употреблении они представ-

³⁵ В.П. Фелицына. Указ. соч., с. 89.

³⁶ МАС, т. 1, с. 827.

ляют собой отвлеченные существительные, с изменением формы числа изменяющие свое лексическое значение – труд, знамение, работа, холод.

*Он (Парвус) не захотел делать «сизифову работу» бесконечных поправок к мартиновским и мартовским глупостям (В.И. Ленин, т. 8, с. 260). Я уверен в чрезвычайном движении, которое должно произвести исполнение «Каменного гостя». То-то будет **столпотворение вавилонское** и смешение языков (М.П. Мусоргский – Н.А. Римскому-Корсакову). Тут все летит, трещит – **столпотворение вавилонское!** – все исполняется без ошибки (А.П. Чехов).*

Изменение формы числа существительного-компонента у фразеологических единиц этой подгруппы возможно в специфических синтаксических условиях – с родительным выделительным или в индивидуальном употреблении:

*Труд – и не только тот, что воплощен в вещах и деньгах, – труд семьи и всего общества, вложенный в лучшее «качество» человека, – одно из **знамений** нашего **времени** (Лит. газ.).*

В третьей подгруппе, тоже довольно многочисленной и неоднородной по языковым свойствам, объединяются фразеологические единицы, обозначающие лицо или совокупность лиц. Например, **наш (ваш, их) брат, черная сотня, слабый (прекрасный) пол, сильный пол; денежный мешок, золотой мешок, синий чулок, правая рука, пуганая ворона, стреляный воробей, белая ворона, морской волк, валамова ослица** и др. подобные. Как видно из перечисления, фразеологические единицы этой подгруппы, в свою очередь, подразделяются на две части; первая часть объединяет фразеологические единицы, обозначающие совокупность лиц, вторая – фразеологические единицы, обозначающие одно лицо.

Рассмотрим сначала языковые свойства фразеологических единиц первой части в сопоставлении с отдельными существительными. Среди русских существительных выделяется многочисленная группа, тоже обозначающая совокупность лиц; как правило, «эти слова образуются или образованы с помощью разных суффиксов «собирательности»³⁷. Кроме суффиксального показателя собирательности существительные имеют еще грамматический показатель – отсутствие форм множественного числа³⁸. Фразеологические единицы, обозначающие **СОВОКУПНОСТЬ** лиц, лишены первого показателя – суффиксов собирательности, но обладают

³⁷ В.В. Виноградов: Указ. соч., с. 156.

³⁸ Там же, с. 157 и след.

вторым – отсутствием форм множественного числа. «Коллективное единство» (В.В. Виноградов) выражается всей фразеологической единицей, всеми ее компонентами, хотя в одних фразеологизмах собирательность, множественность выражается в основном атрибутом – **наш, ваш, их, свой**, а в других – существительным-компонентом – **пол, сотня**. Сами по себе существительные не лишены категории числа (брат – братья, сотня – сотни), но в составе фразеологических единиц утрачивают число полностью.

Лексическое окружение исследуемых фразеологических единиц указывает на множественность, собирательность. Так, в цитатах с фразеологическими единицами **наш (ваш, их, свой) брат** может быть глагол-сказуемое в форме множественного числа или существительное, иногда оформленное как обособленное приложение. А так как значение данных фразеологических единиц отличается большой обобщенностью: **наш брат** – ‘я и мне подобные’; **ваш брат** – ‘вы и вам подобные’; **свой брат** – ‘подобный кому-либо’³⁹, то существительное, находящееся в постпозиции по отношению к фразеологизму, всегда обозначает социальную, национальную или профессиональную группу и, таким образом, является одновременно и средством конкретизации значения фразеологической единицы, и средством выражения понятия множественности, собирательности.

*Нет, той мерзости, что в Австрии, у нас не будет. Не пустим. Да и **нашего брата**, великоруссов, здесь побольше. С рабочими не пустим «австрийского духа» (В.И. Ленин. т. 35, с. 59). Толстой вот величает нас (врачей) мерзавцами, а я положительно убежден, что **без нашего брата** пришлось бы круто (А.П. Чехов). Не бродяги какие-нибудь похоронены, а **ваш брат**, господа (А.П. Чехов).*

Обобщенность значения и высокая степень фразеологичности описываемых единиц проявляется и в том, что они могут быть употреблены для обозначения женщин:

*Ишь ты, **какая строгая**, подумаешь! Как это так не мое дело? **Вашего брата** много к холостым господам бегают, а потом, глядишь, пропадет ложка серебряная или часы, кто отвечает? (А.И. Куприн).*

Степень фразеологичности значения резко падает, если вместо компонента **брат** употребляется компонент **братия (-ья)**.

*Не помню, какой тон был у моего письма, но если это так, то я жалуюсь не за себя, а за всю **нашу братию**... (А.П. Чехов). Он*

³⁹ МАС, т. 1, с. 134.

*...выражался на том великорусско-французском наречии, над которым так смеются французы, когда они не имеют нужды уверять **нашу братию**, что мы говорим на их языке, как ангелы... (И.С. Тургенев).*

Собирательность, множественность передается в последних двух цитатах одной лексемой **братия**.

У фразеологических единиц **сильный пол, слабый (прекрасный) пол** понятие множественности, собирательности дополнительно может выражаться, как и у описанных выше единиц, лексическими средствами.

*– Но на монастырь это все-таки мало похоже, – смеясь, прибавил он, – по причине приблизительно равного количества **представителей сильного и слабого пола** (В. Каверин).*

Фразеологические единицы второй части рассматриваемой подгруппы обладают таким ярко выраженным семантическим свойством – каждая из них характеризует лицо в каком-либо отношении. Характеристика лица образуется во фразеологизме следующим образом: первый компонент – атрибут сохраняет во фразеологическом целом одно из своих прямых или переносных лексических значений, а второй компонент – существительное претерпевает огромные семантические изменения, так как обозначение лица рождается из обозначения предмета или живого существа: рука, мешок, чулок, ворона, волк, воробей, ослица.

Характеристичность семантики тесно связана с грамматическим свойством этих единиц: только форма единственного числа может быть у фразеологических единиц рассматриваемой второй части. Лексико-семантическая сочетаемость и все содержание предложения также находятся в единстве с значением и числовой формой фразеологической единицы.

*Нет, теперь сделавшись **синим чулком**, она навсегда отказалась от прежних увлечений (Л.Н. Толстой). Почему же **правую руку** своего главного соперника в 1963 году Никсон сделал своей собственной **правой рукой** после того, как Киссинджер поведал всему белу свету, какого он плохого мнения о Никсоне? (Лит. газ.). **Пуганая ворона** создает десятикратный запас прочности своего служебного стула... (Комс. пр.). Я был, конечно, **белой вороной** среди хорошо одетых детей состоятельных родителей (Звезда).*

При сопоставлении языковых свойств существительных, употребленных в так называемых свободных сочетаниях и фразеологических единицах, обнаруживается резкая разница: существительные, обознача-

ющие предметы или живые существа, обладают словоизменительной категорией числа без ограничения, существительные-компоненты фразеологических единиц, преобразовавшись семантически, утратили категорию числа. Изменение числа фразеологической единицы ведет к ее разрушению, к восстановлению аналитического значения так называемого свободного словосочетания.

Чаще же всего власти, обязанные следить за соблюдением запретов, действуют заодно с всесильными «денежными мешками» и закрывают глаза на любые нарушения (Лит. газ.).

К четвертой группе, где семантика фразеологического целого несовместима с категорией числа, кроме фразеологических единиц, имеющих форму единственного числа, относятся фразеологические единицы, имеющие только форму множественного числа. Так, выделяются фразеологические единицы, обозначающие совокупность лиц или одно лицо: **золотые руки, горячие головы, сильные мира сего, власть имущие (предержащие)** и некоторые другие.

Из названных особенно широко распространена в разных стилях современного русского языка фразеологическая единица **золотые руки**, которая может обозначать одно лицо и совокупность, причем содержание понятия «совокупность» может быть в ней разным – от нескольких человек до нескольких миллионов. Считывая лексический состав предложения и лексико-семантическую сочетаемость фразеологической единицы, легко установить, одно лицо или совокупность лиц обозначены данной единицей.

*Золотые руки хирурга сделали свое дело. Я совершенно здоров, радуюсь жизни, работаю, играю в футбол (Комс. пр.). У отца Бориса, Федора Васильевича, **руки золотые**. Он владеет отличным ремеслом: умеет выправлять корпус автомашин, пострадавших в суглобе уличного движения (Правда). Золото и серебро сами по себе еще ничего не значат. Нужно, чтобы у мастера были **золотые руки**. У нашего народа – **золотые руки**. Это он создает новые города и гигантские плотины. Это его руками возделаны поля и сады (Лит. газ.). И ветер уносит обрывки речей, И молкнут беседы простые. И кажется так от вечерних лучей, Что **руки у них Золотые** (М. Исаковский). Донецкая студия в телеконкурсе «Мастер – **золотые руки**» представила зрителям выдающихся **умельцев** производства, чей ударный труд влился в череду пятилеток (Правда).*

Форма множественного числа для данной фразеологической единицы является единственно возможной с логической и грамматической точек зрения. Значение этого фразеологизма, как и других в данной подгруппе, следует квалифицировать как характеристическое – ‘умелец, мастер в чем-либо’⁴⁰. Фразеологические единицы **сильные мира сего, власть имущие (предержащие)** употребляются в основном в публицистическом стиле литературного языка. Изменение формы числа разрушает фразеологическую единицу, превращая ее в аналитическое по значению сочетание, иногда делает ее двусмысленной (ср.: **горячая голова, золотая рука**) или изменяет тип семантики – из предметной она становится атрибутивной. В последнем случае единица остается фразеологической.

«Откормленный» – не антифашистский фильм в обычном понятии. В нем нет ни слова о войне, но есть мучительный анализ так называемых скрытых «тайн» человеческой природы, анализ отношений человека власти имущего с человеком подвластным (Лит. газ).

Вторая подгруппа фразеологических единиц обозначает место, территорию или отвлеченное понятие, например, **авгиевы конюшни** – 1 ‘загрязненное, запущенное помещение’, 2 ‘дела, в которых царит беспорядок’⁴¹; **воздушные замки** – ‘неосуществимые мечты, фантастические планы’⁴². Фразеологизм **авгиевы конюшни** допускает в качестве индивидуального употребление в форме единственного числа.

И, как это ни неприятно, приходится потратить время сначала на расчистку авгиевой конюшни (В.И. Ленин, т. 5, с. 460).

Фразеологизм **воздушные замки** с изменением формы числа разрушается, превращается в свободное, аналитическое по значению сочетание.

Чтобы разобрать этот воздушный замок, весящий, помнится, что-то около трехсот килограммов, стоило лишь выключить вентилятор (Комс. пр.).

⁴⁰ Нельзя согласиться с толкованием этого фразеологизма, приводимым в Словаре современного русского литературного языка АН СССР в 17 томах, т. 4, стлб. 1320. Вероятнее всего, такое толкование составители дали потому, что компонент «руки» в какой-то степени сохраняет во фразеологизме бывшее лексическое значение – «орудие деятельности, труда», поэтому и поместили фразеологизм **золотые** руки под вторым значением слова «рука». См.: т. 12, стлб. 1535. Непонятно, почему тогда толкование фразеологизма приводится в статье, посвященной прилагательному «золотой».

⁴¹ МАС, т. 1, с. 128

⁴² Там же, с. 256.

Фразеологические единицы в форме множественного числа могут **обозначать** вещество, например, **белые мухи** – ‘снег’. И хотя отдельное существительное **муха** обладает категорией числа, как и существительные, являющиеся компонентами других фразеологических единиц (муха – мухи, рука – руки, конюшня – конюшни и т.д.), в составе фразеологической единицы эти существительные-компоненты утратили категорию числа.

Прилагательные или бывшие причастия-компоненты фразеологических единиц типа **сильные мира сего**, **власть имущие (предержащие)** подчиняются другой закономерности: в составе фразеологизма они субстантивируются, фиксируясь только в форме множественного числа.

До сих пор характеризовались фразеологические единицы, существительные-компоненты которых, будучи употребленными в так называемых свободных сочетаниях, сохраняют категорию числа в качестве грамматической или лексико-грамматической. Это лексико-грамматическое свойство существительных-компонентов объединяет все описанные фразеологические единицы в один семантико-грамматический подкласс.

Переходим к характеристике фразеологических единиц, существительные-компоненты которых по своим лексико-грамматическим свойствам несовместимы с категорией числа вообще. Фразеологические единицы, включающие в свой компонентный состав такие существительные, тоже не обладают категорией числа. И хотя индивидуальные значения фразеологических единиц чаще всего не совпадают с лексическим значением составивших их существительных, тем не менее лексико-грамматическое свойство существительного-компонента является решающим фактором, влияющим на сохранение/утрату грамматической категории в новой языковой единице – фразеологизме. Фразеологические единицы данного семантико-грамматического подкласса тоже образуют несколько групп. Охарактеризуем некоторые из них.

В первую группу выделяются фразеологические единицы, обозначающие совокупность многих разных фактов, предметов и т. п. как одно целое, например, **всякая всячина**. Значение совокупности выражается существительным-компонентом **всячина** и усиливается компонентом **всякая**. Таким образом, значение всей тавтологической фразеологической единицы и значение компонента **всячина** находятся в тесном единстве с грамматической формой – ни первая, ни вторая не обладают категорией числа, изменение числовой формы вообще невозможно.

Давно ли я все вычистил, а уж опять вот сколько накопилось всякой всячины, черт! (А.М. Горький). Армейские грузовики подъезжали к складам в Неаполе, начальник колонны произносил одну-единственную фразу: «Нас прислал Дженовезе», и немедленно грузовики исполнялись *всякой всячиной*, начиная с сигарет и кончая минометами (Лит. газ.).

Во второй группе объединяются фразеологические единицы, обозначающие такие широкие понятия, которые являются единичными в языке. Как существительные **материя, бытие, мышление**⁴³, **вселенная** являются единичными, самыми большими обобщениями, так и фразеологические единицы **тот свет** – в религиозных представлениях ‘загробный мир’⁴⁴, **этот свет** – в религиозных представлениях ‘земной мир, земля’⁴⁵, **белый свет** – ‘земля, земной шар; человеческое общество’⁴⁶, **ад крошечный** – ‘что-то мучительно трудное, невыносимая обстановка’⁴⁷ тоже являются единичными. Понятно, что о категории числа в применении к этим фразеологическим единицам говорить нельзя, они имеют только форму единственного числа.

Лексический состав предложения и лексико-семантическая сочетаемость фразеологической единицы **тот свет** свидетельствуют о семантическом обогащении ее, произошедшем за последние 50–60 лет. Разницу в семантическом наполнении фразеологизма можно проследить по отдельным приводимым здесь примерам.

[Анна:] *Неужто и на том свете мука мне назначена?* (А.М. Горький). *Спросить кого-нибудь: что же, наконец, будет на том свете что-нибудь или нет?; А ну-ка да нет там ничего, – на том свете-то?* (И.А. Бунин). *И забыл, что Оксана уж давно на том свете.* *Ох-ох!* (В.Г. Короленко). *Удались зараз же отседова, контра, а то вот дам тебе в душу, и поплывешь на тот свет* (М.А. Шолохов). *Ферри – четырнадцатый по счету свидетель, оказавшийся на том свете при загадочных обстоятельствах после высказанных предположений о воз-*

⁴³ В.И. Ленин пишет об этих понятиях: «Спрашивается теперь, есть ли более широкие понятия, с которыми могла бы оперировать теория познания, чем понятия: бытие и мышление, материя и ощущение, физическое и психическое? Нет. Это – предельно-широкие, самые широкие понятия, дальше которых по сути дела (если не иметь в виду всегда возможных изменений номенклатуры) не пошла до сих пор гносеология» (Соч., Изд 4-е, т. 14, с. 133).

⁴⁴ БАС, т. 13, с. 328.

⁴⁵ БАС, т. 13, с. 328.

⁴⁶ Там же, с. 327.

⁴⁷ МАС, т. 2, с. 177.

*можном существовании заговора с целью убийства Кеннеди (Комс. пр.). Для многих из них (американцев. – А.Ч.) война во Вьетнаме оказалась не «легкой прогулкой», как сулили им вербовщики в США, а кратчайшим путем **на тот свет** (Лит. газ.). Мне нужно было сыграть маньяка, отравляющего **на тот свет** людей (Сов. экран).*

В подавляющем большинстве цитат нашей картотеки фразеологическая единица **тот свет** наряду с отмечаемым словарями значением имеет другое, разившееся из первого, – ‘умереть, убить’, объединяясь в этих случаях с глаголами. Семантика фразеологических единиц второй группы находится в полном единстве с грамматической, числовой, формой, эти единицы ни при каких условиях не могут изменять форму числа так же, как и существительные, образовавшие их.

В третьей группе объединяются однозначные и многозначные фразеологические единицы, обозначающие лицо, объединения лиц или отвлеченные понятия. Существительные-компоненты этих фразеологизмов, «обозначающие вещество... или материал, имеют только формы единственного числа»⁴⁸.

Формы числа у таких существительных могут меняться в нефразеологическом сочетании, если последние изменяют лексическое значение. В составе же фразеологических единиц существительные-компоненты употребляются в «собственно» вещественном значении, только как обозначение вещества, поэтому форма множественного числа существительного-компонента бессмысленна. К этой группе относятся фразеологические единицы типа **соль земли, пушечное мясо, плоть от плоти, кровь от крови** и др. подобные. Первые две фразеологические единицы обозначают совокупность лиц: **соль земли** – ‘лучшие, выдающиеся представители какой-либо общественной группы, общества’⁴⁹, **пушечное мясо (мясо для пушек)** – ‘люди, посылаемые для ведения захватнической войны и подвергающиеся массовой гибели, уничтожению’⁵⁰. Фразеологические единицы **плоть от плоти** и **кровь от крови** прошли большой путь семантического развития в современном русском языке. Они могут обозначать не только лицо или совокупность лиц, но и явления общественной жизни, вообще отвлеченные понятия⁵¹.

⁴⁸ В.В. Виноградов. Указ. соч., с. 158.

⁴⁹ БАС, т. 14, с. 240.

⁵⁰ БАС, т. 6, с. 1450.

⁵¹ См. об этом: А.М. Чепасова. Категория числа существительных-компонентов тавтологических сочетаний // Вопросы современного русского литературного языка. – Челя-

Американская война во Вьетнаме не перестает быть мясорубкой, в которой перемалывается главным образом американское пушечное мясо (Правда). А резолюция эта – образец буржуазного шовинизма, образец недостойного прислужничества буржуазии перед «власть имущими», образец поддержки буржуазией той политики, которая превращает народы в пушечное мясо (В.И. Ленин, т. 18, с. 324). Статья г. Маловера называется «Дума и общество». Под обществом разумеется здесь, согласно старинному русскому словоупотреблению, кучка либеральных чиновников, буржуазных интеллигентов, тоскующих рантье и прочей высокомерной, самодовольной, бездельничающей публики, которая мнит себя солью земли, гордо называет себя «интеллигенцией», творит «общественное мнение» и т.д. и т.д. (В.И. Ленин, т. 12, с. 339). При отсутствии широких жизненных интересов, в тесном мирке, замкнутом орбитой футбольного или волейбольного мяча, легко вообразить себя «солью земли», человеком, которому дозволено и простится все (Комс. пр.).

Лексико-семантическая сочетаемость фразеологических единиц данной группы находится в строгом единстве с значением и формой числа каждого фразеологизма, а также в единстве с лексико-грамматическими свойствами существительных-компонентов.

К четвертой группе относятся фразеологические единицы, обозначающие отвлеченное понятие типа **здравый смысл**. Причем существительные-компоненты таких фразеологических единиц тоже обозначают отвлеченное понятие, широкое, не конкретизированное, поэтому несоместимое с представлением о счете, числе. Фразеологическая единица **здравый смысл** имеет два значения – 1 'практическое, трезвое понимание, отношение к жизни; рассудительность'; 2 'нормальное, обычное положение вещей; логика'⁵².

Употребляясь в первом значении, фразеологизм вступает в такие синтаксические и лексико-семантические связи:

а) имеет при себе согласованное или несогласованное определение, выраженное прилагательным или местоимением – народный, скромный, простой, практический, обыденный, пресловутый, трезвый, традиционный, житейский, наш, его и др. под.;

б) подчиняется в предложении словам, которые указывают на свойство лица или совокупности лиц.

бинск, 1967. – Вып. 2.

⁵² БАС, т. 13, с. 1448, 1449.

Английский дипломат – человек здравого смысла (С.А. Дангулов). ...Такой народ (египетский) прежде всего полагается на **здравый смысл** и **трезвый расчет** (В.А. Сафонов);

в) употребляется в таком по содержанию предложении, где отчетливо обнаруживается именно первое значение.

Здравый смысл – это нечто обыденное, до пошлости ясное (М.Е. Салтыков-Щедрин).

Наконец, фразеологическая единица только в первом значении заключается пишущим в кавычки.

...Ни народной мудрости не уловишь, ни историю науки не осмыслишь, опираясь лишь на трезвый «здравый смысл» (А.С. Арсеньев и др.). Анализ развивающегося понятия. Как правило, задача парадоксальна: ответ, диктуемый **«здравым смыслом»**, оказывается неправильным (Наука и жизнь).

Значение 'практическое, трезвое понимание, отношение к жизни; рассудительность' не только уже второго значения, но и менее фразеологично, древнее или, по крайней мере, старше его. Оно тесно связано с устаревшим лексическим значением существительного **смысл** – 'разум, рассудок, ум'⁵³. Об этом свидетельствует содержание некоторых цитат.

Они (взгляды) исходят обычно от людей, которые сами учились кое-чему и кое-как и полагают, что все науки им может заменить так называемый житейский «здравый смысл». О том, какие колена выкидывает этот житейский здравый смысл с человеком, пытающимся на его основе решать научные проблемы, писал еще Энгельс в «Анти-Дюринге» (Комс. пр.). Последний (Ф. Франк) писал: «Наука начинается с обыденного здравого смысла, и из обобщений с помощью индукции или воображения выводится наука; но сами выведенные принципы могут быть очень далеки от обыденного здравого смысла. Связать эти принципы с обыденным здравым смыслом и есть работа, выполняемая философиями». И еще: «Благодаря философским толкованиям научные принципы связываются с обыденным здравым смыслом» (Е.С. Жариков).

Большая фразеологичность, обобщенность второго значения обнаруживается во многом. Во-первых, в совершенно новых синтаксических и лексико-семантических связях фразеологизма, например, в его способности употребляться в одном ряду с отвлеченными существительными – реализм, логика, принципы, благоразумие, эпоха, время и др. под.

⁵³ БАС, т. 13, с. 1448.

Строить применительно к капиталистическому обществу футурологические схемы, основываясь на логике и здравом смысле, пытаться примирить политику с разумом – задача весьма трудно разрешимая (Лит. газ.). Все больше людей на Западе начинает прислушиваться к настоящему велению эпохи и здравого смысла (Лит. газ.). Автору «Первой любви» нельзя отказать в литературном даровании; хочется, чтобы он писал, но за письменным столом не забывал о логике, о здравом смысле (И. Рябов).

Во-вторых, в способности фразеологизма выступать в роли подлежащего в предложениях, содержание которых допускает употребление фразеологизма только во втором значении.

Здравый смысл отказывался признать равноценность поступков и возмездия (Комс. пр.). В начале века было доказано, что время, как и пространство, относительно. Впрочем, здравый смысл подсказывал это давно (Комс. пр.).

В-третьих, в способности фразеологизма подчиняться глаголам или существительным такого лексического значения, которое может быть связано только со вторым значением. Например.

Это противоречит здравому смыслу и ведет к противоречиям и к абсурду (В.И. Ленин, т. 14, с. 25). Налицо позорное саморазоблачение поборников международной напряженности. Им нечего противопоставить доводам здравого смысла (Комс. пр.).

И, наконец, в-четвертых, фразеологическая единица во втором значении не может подчинять себе определение вообще, так как оно уменьшило бы степень обобщенности и фразеологичности этого значения.

На сохранение/утрату категории числа у фразеологических единиц оказывает влияние и такой фактор, как способ образования существительного-компонента. В классе существительных русского языка есть довольно обширная группа слов, образовавшихся путем субстантивации прилагательных. Такие существительные «никогда не употребляются во множественном числе»⁵⁴, так как с изменением числа изменяют тип семантики – из предметной она становится атрибутивной. Среди фразеологических единиц с предметной семантикой выделяется группа, организуящим центром которых являются субстантивированные прилагательные, местоимения или числительные типа **единое (одно) целое, одно и то же, то же самое** и некоторые другие.

⁵⁴ В.В. Виноградов. Указ. соч., т. 159.

Субстантивация компонентов **целое, одно, то** происходит не во фразеологической единице, а за ее пределами, поэтому словари отмечают употребление названных и подобных слов в языке как существительных⁵⁵. В составе фразеологической единицы компоненты **целое, одно, то** употребляются уже как компоненты-существительные, формирующие предметную семантику; каждая фразеологическая единица этой группы обозначает отвлеченное понятие. Форма единственного числа среднего рода является у таких фразеологизмов, как и у отдельных существительных подобного образования, единственно возможной, сохраняющей фразеологической единице предметную семантику. Эта форма устойчиво воспроизводится и в тех предложениях, где она поддерживается всем лексическим составом цитаты, и в тех случаях, где она с первого взгляда воспринимается как неправильная.

Что знали о Венере шумеры и древние египтяне, то же самое в основном знали о ней и современники Леонардо да Винчи (Вокруг света). Рядом со мной сидит радист Яша Баранов. Жил на полярных станциях. Дрейфовал на льдине в Арктике. Третий раз идет в Антарктиду. То же самое Яковлев Слава (В.М. Песков). Чехов писал и о крестьянах, и о рабочих, и о генералах, и об учителях, и о помещиках... Он был энциклопедичен в самом лучшем значении этого слова. Толстой, Пушкин, Достоевский – то же самое (Лит. газ).

Итак, фразеологические единицы, содержащие в качестве компонентов субстантивированные прилагательные, местоимения, числительные, составляют третий семантико-грамматический подкласс, в котором сохранение/утрата грамматической категории определяется словообразовательной спецификой фразеобразующего существительного-компонента.

Наконец, на сохранение/утрату категории числа во фразеологических единицах влияет еще один, специфичный только для фразеологизмов, фактор – особенности их структурной организации. Среди многочисленных структурных типов русских фразеологических единиц выделяется такой – компоненты, образовавшие фразеологическую единицу, соединены сочинительной связью. Например, **альфа и омега, ни пава ни ворона, дух и буква, ни рыба ни мясо, все и каждый, ни то ни се** и другие подобные. Значение отдельной фразеологической единицы этого типа определяется ее структурой и языковыми свойствами образовавших

⁵⁵ См.: БАС, т. 17, с. 610, т. 8, с. 671, т. 15, с. 723.

эту единицу компонентов. Так, первая, третья, шестая из названных обозначают отвлеченные понятия, а вторая, четвертая, пятая – лицо или совокупность лиц.

Форма числа у каждой из этих фразеологических единиц всегда неизменна, постоянна, но не является пустой грамматической формой, так как служит выразителем предметности; значение формы числа строго соответствует значению фразеологической единицы; противопоставленность же форм числа у таких единиц отсутствует, то есть категория числа как система парадигм утрачена. Например, **альфа и омега, ни пава ни ворона, ни рыба ни мясо, ни то ни се** – обозначают отвлеченные понятия или, обладая сложной предметно-характеризующей семантикой, лицо. Все сочетающиеся с этими фразеологизмами слова имеют только форму единственного числа. А фразеологизмы **дух и буква, все и каждый**, обозначая соответственно отвлеченное понятие и совокупность лиц, требуют от сочетающихся слов формы множественного числа.

*На этой открытой арене все и каждый могут видеть «успехи» борьбы ликвидаторов с антиликвидаторами (В.И. Ленин, т. 18, с. 215). А еще – все и каждый – говорили: если нынче не будет боя, тогда будет суд над Власихиным Яковом Петровичем (С. Залыгин). Это единство науки и нравственности, единство научного объяснения мира и нравственной позиции, призывающей к его изменению, есть **альфа и омега коммунистического мировоззрения** (Лит. газ.).*

Фразеологические единицы названного структурного типа составляют четвертый семантико-грамматический подкласс, в котором сохранение/утрата грамматической категории определяется спецификой структурной организации фразеологических единиц.

Как видно из анализа фразеологических единиц второго, третьего и четвертого семантико-грамматического подклассов, синтаксическая и лексико-семантическая сочетаемость у них выполняет на одну функцию меньше – факты сочетаемости в названных подклассах фразеологических единиц служат средством обнаружения рода, падежа, разных значений в многозначных фразеологических единицах, но совсем ничего не говорят о функционировании категории числа, что было еще одной функцией сочетаемости во фразеологизмах первого семантико-грамматического подкласса.

Специфика причин, определяющих утрату числа во фразеологизмах второго и третьего семантико-грамматического подклассов, свиде-

тельствует о наличии соответствий между фразеологической единицей и словом: семантика компонента-существительного или способ его образования, нашедшие выражение в грамматических свойствах существительного, влияют на грамматические свойства фразеологической единицы.

Наблюдения за функционированием категории числа во фразеологизмах первого семантико-грамматического подкласса и выявленные причины утраты этой грамматической категории убедительно свидетельствуют также о разной степени устойчивости лексического и грамматического в слове, об утрате или преобразовании лексического значения слова, превратившегося в компонент фразеологической единицы, и о сохранении им грамматических свойств и даже целой грамматической категории⁵⁶, принадлежащей уже новой языковой единице.

Закономерное влияние семантических или/и грамматических свойств слов-компонентов на грамматические свойства фразеологических единиц еще не изучено всесторонне отечественными лингвистами. В литературе по фразеологии можно встретить такие, например, суждения: «...любой конкретно данный фразеологизм качественно отличается в лексико-семантическом, словообразовательном, морфологическом (разрядка наша. – А.Ч.) и синтаксическом отношении от слов, входящих в одноименное словосочетание переменного типа»⁵⁷. Или: «...Никогда ни один из компонентов собственно фразеологизма не уподобляется слову, не приобретает его категориальных признаков»⁵⁸.

Выявляемые закономерности функционирования грамматических категорий во фразеологических единицах необходимо принимать во внимание не только тогда, когда речь идет о грамматической природе фразеологических единиц, но и тогда, когда речь идет о характере морфологической категории в грамматике языка, то есть при решении проблем общей теории грамматики. В начале этой работы говорилось о том, что категория числа, как и любая другая грамматическая категория, грамматическая тема исследуется, разрабатывается современными грамматистами, только на лексическом материале, характер функционирова-

⁵⁶ См. об этом: А.М. Чепасова. Взаимосвязь значения и категории падежа фразеологизма // Вопросы современного русского литературного языка. – Челябинск, 1971. – Вып. 5.

⁵⁷ В.П. Жуков. Некоторые общие положения о соотношении фразеологизма со словом // Вопросы фразеологии. III. Труды Самаркандского гос. ун-та им. Алишера Навои. Новая серия. – Самарканд, 1970. – Вып. 78. – С. 57.

⁵⁸ Там же, с. 60.

ния одноименных категорий во фразеологических единицах, особенно состоящих из имен, не исследовался совершенно.

Между тем, новые выводы и обобщения, полученные при анализе фразеологического материала, подтверждают глубину и широту одних положений и ограниченный, относительный характер других. Так, известным положениям одних отечественных грамматистов, указывающих на «тесную связь... грамматики и лексики и, если можно так выразиться, воздействие лексики на грамматику»⁵⁹ противостоят такие суждения, как «характерным признаком словоформ, конституирующих какую-либо грамматическую категорию, служит их потенциальная независимость: а) от лексического значения тех единиц, с которыми сочетается показатель данной категории в процессе формообразования, и б) от контекста. Потенциальная независимость словоформ по отношению к лексическому характеру тех слов, от которых они образуются, выражается, в свою очередь, в двух планах: а) в их предсказуемости и универсальности, т. е. возможности образовать данную словоформу или данную совокупность словоформ от любой единицы определенного разряда – так, например, образование падежных форм или множественного числа (разрядка наша. – А. Ч.) в немецком, русском, тюркских языках практически не ограничивается и не зависит от конкретного значения того или иного существительного (исключения, например, группа *Pluralia tantum* в русском языке, ср. **ножницы, брюки** образуют замкнутую группу и как бы подтверждают правило...»⁶⁰.

Это положение М.М. Гухман распространяется только на одну категорию русских существительных и то обязательно обладающих таким **семантическим признаком**, как их способность обозначать отдельные конкретные предметы, которые можно подвергать счету. Даже эти существительные, где категория числа функционирует нормально, без ограничений, оказывают воздействие на функционирование грамматической категории. Что же касается фразеологических единиц с предметной семантикой, то среди них **нет ни одной**, где категория числа не зависела бы от значения фразеологического целого. Семантика всех фразеологических единиц, обозначающих предмет в широком значении этого слова, оказы-

⁵⁹ В.Н. Ярцева. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка // Исследования по общей теории грамматики. – М., 1968. – С. 19.

⁶⁰ М.М. Гухман. Указ. соч., с. 133-134. Аналогичное мнение высказано авторами Грамматики современного русского литературного языка АН СССР. – М.: Наука, 1970. – С. 317.

вает влияние на сохранение категории числа и специфику ее функционирования или на полную утрату названной категории. Таким образом, основные черты грамматической категории, названные М.М. Гухман, во-первых, приложимы лишь к части языковых единиц, составляющих ядро какой-то части речи, и, во-вторых, семантика даже этой части языковых единиц оказывает определенное влияние на грамматическую категорию.

Исследованные и описанные в данной работе факты позволяют сделать следующие выводы:

1. Категория числа фразеологических единиц с предметной семантикой является словоизменительной, как и у существительных; принадлежит она всей единице, а выражается флексиями числовой парадигмы изменяемого (-ых) компонента (-ов). Фразеологические единицы названного семантического типа имеют число как «собственную» (В.Н. Ярцева) категорию, оформляющую вместе с родом и падежом предметность.

2. Во фразеологических единицах число функционирует в противопоставлении двух форм – единственного и множественного числа.

3. Грамматическая категория числа фразеологических единиц представляет собой систему форм и систему грамматических значений, закрепленных за данными формами.

4. Функционирование грамматической категории во фразеологических единицах необходимо изучать, во-первых, с учетом семантических, грамматических и структурных свойств фразеологизма, во-вторых, в сопоставлении с семантическими грамматическими свойствами слов, образовавших фразеологическую единицу.

5. На грамматическую изменяемость/неизменяемость фразеологических единиц влияют два типа факторов: а) факторы, способствующие сохранению грамматических категорий и влияющие на специфику функционирования этих категорий, б) факторы, способствующие утрате грамматических категорий и сохранению непротивопоставленных форм категории.

6. Факторами типа **а** являются семантика фразеологических единиц первого семантико-грамматического подкласса и / или синтаксическая организация их – компоненты фразеологической единицы связаны между собой подчинительной связью (согласованием или управлением); факторами типа **б** являются лексико-грамматическая характеристика слова-композиата, способ его образования и / или синтаксическая органи-

зации фразеологизмов – компоненты одного фразеологизма связаны между собой сочинительной связью.

7. Факторы, названные в пункте 6, по своей грамматической активности не одинаковы и распространяются на разное количество фразеологических единиц. Так, семантика фразеологической группы и значение отдельной фразеологической единицы являются наиболее активными факторами, оказывающими сильнейшее влияние, «давление» на грамматические свойства большинства фразеологических единиц. Вторым по силе воздействия фактором следует признать лексико-грамматические свойства слов-компонентов. Третьим – тип синтаксической организации фразеологических единиц. Подчинительный тип связи компонентов, характерный для большей части фразеологических единиц, не препятствует функционированию грамматических категорий. Сочинительный тип связи компонентов способствует утрате грамматических категорий, но фразеологизмов с сочинительной связью компонентов гораздо меньше, чем фразеологизмов с подчинительной связью. И, наконец, четвертым фактором следует назвать способ образования слова-компонента фразеологической единицы. Влияние этого, последнего, фактора можно обнаружить у весьма незначительной группы фразеологических единиц.

8. Категория числа выполняет несколько функций во фразеологических единицах предметной семантики: I – грамматическую, II – у большего количества фразеологических единиц – семантико-грамматическую, III – является средством различения: а) терминологического и фразеологического сочетаний, б) свободного и фразеологического сочетаний, в) разных значений одной и той же фразеологической единицы и некоторые другие, на описание которых не хватило места в этой статье, например, различение фразеологизмов-омонимов, по-разному соотносимых с категорией числа.

9. Как словоизменительная, более грамматикализованная, категория числа фразеологических единиц предметной семантики может выполнять фразеобразовательную функцию. Такой функции нет у категории рода фразеологических единиц этого же семантического типа, так как она по своему характеру классификационная, принадлежит только данной фразеологической единице.

10. Фразообразовательные возможности словоизменительной категории обнаруживаются лишь тогда, когда утрачено противопоставление форм, характерное для системы парадигм данной категории.

11. Всестороннее, глубокое исследование закономерностей функционирования грамматических, и в частности морфологических, категорий возможно только при учете большого количества цитат с фразеологическими единицами определенного типа семантики. Так, синтаксическая и лексико-семантическая сочетаемость фразеологических единиц предметной семантики с учетом количественного показателя помогла выявить разные функции категории и форм числа. Причем обнаружилось, что сочетаемость фразеологических единиц первого семантико-грамматического подкласса выполняет на одну функцию больше, чем сочетаемость остальных трех семантико-грамматических подклассов, – она является объективным показателем того, в каких фразеологических единицах категория числа функционирует без ограничений, в каких – есть определенные ограничения, и в каких – противопоставленность форм числа фактически утрачивается, остаются только случаи индивидуального употребления другой формы числа. Наконец, по сочетаемости можно судить и о том, где изменение формы числа фразеологической единицы оставляет последнюю в пределах нормы, а где – является ошибкой.

12. Сложная, еще совсем не исследованная проблема соотношения грамматической формы, грамматического варианта как составляющих нормы в употреблении фразеологических: единиц, с одной стороны, и ошибки, с другой, может быть решена в результате изучения закономерностей функционирования морфологических категорий во фразеологизмах определенного семантического типа.

13. Сопоставив количество фразеологических единиц, сохранивших категорию числа, и количество фразеологических единиц, утративших эту категорию, можно сделать вывод о небольшой грамматической силе этой категории во фразеологизмах с предметной семантикой. Категория падежа в этом отношении гораздо «сильнее».

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЗНАЧЕНИЯ И КАТЕГОРИИ ПАДЕЖА ФРАЗЕОЛОГИЗМА

Спецификой падежа, как грамматической категории существительного, является его морфолого-синтаксическая природа. С одной стороны, падеж обнаруживается в том, что слово меняет свою внешнюю форму, оставаясь тождественным самому себе семантически. Морфологию в первую очередь интересует это формальное выражение падежа; только благодаря ему (формальному выражению) «категория падежа принадлежит морфологии»⁶¹. Но, с другой стороны, «падеж существительного представляет собой форму, «специализировавшуюся» на выражении подчинительной связи между именем и управляющим им словом (глаголом, именем или наречием)»⁶², следовательно, падеж может быть обнаружен только в синтаксических единицах – словосочетании и предложении. Поэтому категория падежа рассматривается и как «обращенная» к синтаксису⁶³, как принадлежащая синтаксису. Все разнообразнейшие значения падежных форм реализуются в словосочетаниях и в различных членах предложения. В монографиях, пособиях, грамматиках в разделах, посвященных исследованию этой категории, учение о формах падежей обычно оторвано от учения о значениях падежных форм, особенно предложно-падежных конструкций. В разделе «Морфология» излагается все, что связано с формами слова, а в разделе «Синтаксис» – разнообразнейшие функции падежных форм, обнаруживающие себя в различных типах словосочетаний, если же падежные формы не входят в состав словосочетаний, то рассматриваются как определенные члены предложения, главные или второстепенные⁶⁴. Акад. А.А. Шахматов учение о значении падежей помещает в синтаксис⁶⁵.

⁶¹ Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1966. – С. 124.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Грамматика русского языка АН СССР. Т. 1. С. 662–664; Т. 2. С. 115–213; 233–283; 304–329 и др. Современный русский язык. Морфология. Изд. МГУ, 1962, С. 71–75; 460–464; Современный русский язык. Синтаксис. Изд. МГУ, 1958. С. 34–77; 80–85; 201–205; 210–212;

А.В. Исаченко, хотя и относит категорию падежа к числу морфологических категорий имени, рассматривает только беспредложные формы и функции падежей, называя функции этих форм «синтаксическими»⁶⁶. «Предложное употребление падежей» он рекомендует отличать «от синтагматического употребления падежных форм», потому что «при необыкновенном богатстве и значительной дифференцированности предлогов в русском языке трудно проследить связь между значением предлога и значением падежа, с которым данный предлог сочетается»⁶⁷. Все предложные формы падежей А.В. Исаченко, вслед за Е. Куриловичем, относит к несинтаксическим (адвербиальным, лексическим) и не рассматривает их в морфологии.

Неправомерный, вольный или невольный, отрыв учения о формах от учения о содержании при характеристике одной и той же грамматической категории, ставший почти традицией в науке и практике преподавания, пока еще не преодолен, хотя в последние десятилетия наметилось принципиально другое направление в исследовании природы этой категории⁶⁸.

Категория падежа существительного должна быть рассматриваема в единстве ее формальных средств и смысловой стороны⁶⁹.

Изменение существительных по падежам образует в русском языке строгую и стройную систему, которая обнаруживается только в сопоставлении типов склонения и носит обязательный характер.

Каждая падежная форма остается таковой до тех пор, пока она может быть противопоставлена другой падежной форме (или другим падежным формам), если же такое противопоставление утрачивается, происходит лексикализация отдельной падежной формы, ее обособление от других форм и превращение в новую языковую единицу⁷⁰, часто фразеологическую.

213–221; А.Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык. Ч. 1. С. 151–155. С. 390–393. Ч. 2, С. 99–128.

⁶⁵ А.А. Шахматов. Синтаксис русского языка. – Л.: Учпедгиз, 1941. – С. 314–347.

⁶⁶ А.В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. I Братислава, 1965. – С. 102.

⁶⁷ Там же, с. 99.

⁶⁸ См. В.В. Виноградов. Русский язык. 1947; Современный русский язык. II. Изд. МГУ, 1964; Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М.: Наука, 1966; Е.А. Бокарев. О категории падежа // ВЯ. 1954. № 1. Н.Н. Коротков, В.З. Панфилов. О типологии грамматических категорий // ВЯ. 1965. № 1 и др.

⁶⁹ Е.А. Бокарев. О категории падежа // ВЯ. 1954. № 1. – С. 39–40.

⁷⁰ См. об этом: В.В. Виноградов. Русский язык. 1947. – С. 170 и др.; А.Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык. Ч. 1. – С. 155; А.В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. I. – С. 30.

Лексикализация падежных форм характерна не только для русского языка.

Утрата возможности противопоставления данной формы другой свидетельствует о том, что грамматическая категория, в частности падеж, существует до тех пор, пока форма и значение находятся в единстве и не нарушают тождества слова, и что с утратой соответствия между формой и содержанием и выпадением данной формы из парадигматической системы категория разрушается.

Система падежных изменений русского существительного свидетельствует об устойчивости морфологической системы русского языка и об ее, хотя и относительной, но достаточно сильной самостоятельности⁷¹.

Все сказанное выше относится к функционированию категории падежа отдельных существительных.

Фразеологизм представляет собой качественно новую языковую единицу, обладающую системой специфических языковых признаков, в одних отношениях отличающую ее от слова, в других – сближающую с отдельным словом. Семантическая специфика фразеологической единицы заключается в том, что отдельные слова, объединяясь в составе фразеологической единицы, образуют новое семантическое целое, отличное от значения, особенно номинативного, составляющих ее компонентов⁷². «Смысловая целостность фразеологической единицы»⁷³, во-первых, противоположна аналитичности значения свободного или переменного словосочетания, состоящего из таких же слов-омонимов, во-вторых, возрастающая целостность значения фразеологической единицы сопровождается семантическим ослаблением составляющих ее компонентов⁷⁴. Ослабленность номинативного значения слов-компонентов во фразеологической единице проявляется в том, что они утрачивают способность отдельного соотнесения с разными сторонами или признаками предмета, эти элементы перестают быть словами в подлинном смысле⁷⁵. Компоненты фразеологической единицы, утрачивая в какой-либо степени лексиче-

⁷¹ Н.Н. Коротков, В.З. Панфилов. Указ. раб. – С. 46.

⁷² А.М. Бабкин. Фразеология и лексикография // Проблемы фразеологии: исследования и материалы. – М.-Л., 1964. – С. 20.

⁷³ Там же.

⁷⁴ А.М. Бабкин. Фразеология и лексикография // Проблемы фразеологии: исследования и материалы. – М.-Л., 1964. – С. 28.

⁷⁵ О.С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии. – М., 1957. – С. 171.

ское значение, сохраняют внешнюю форму слов⁷⁶. О.С. Ахмановой они квалифицируются как «потенциальные» слова. «Потенциальное» слово – это определенный элемент внешней оболочки, участвующий в образовании всего комплекса в целом; но он как бы семантически «растворен» во фразеологической единице⁷⁷.

Итак, положение о том, что в составе фразеологической единицы компоненты теряют семантическую самостоятельность, не вызывает сомнений у фразеологов.

Неразрешенной пока остается другая проблема – сохраняются ли у компонентов грамматические свойства слов, и если сохраняются, то как они функционируют во фразеологической единице. Самые различные мнения, касающиеся этой проблемы, были высказаны в шестидесятые годы А.М. Бабкиным⁷⁸, В.Л. Архангельским⁷⁹, В.П. Жуковым⁸⁰, Н.М. Шанским⁸¹, Е.А. Иванниковой⁸², В.И. Телия⁸³, Р.Н. Поповым⁸⁴, С.Г. Гавриным⁸⁵ и другими.

Решение этой большой проблемы связано, по нашему мнению, не только с признанием единства лексического и грамматического в слове⁸⁶, но и с признанием различного характера устойчивости этих двух факторов в слове. Лексическое значение принадлежит только данному слову, это его «частное», «конкретное», определенное же грамматическое значе-

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ А.М. Бабкин. Лексикографическая разработка русской фразеологии. – М.-Л., 1964. Он же. Фразеология и лексикография // Проблемы фразеологии. Исследования и материалы». – М.-Л., 1964; Он же. Русская фразеология как объект исследования и преподавания // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. – Вологда, 1967; Он же. Русская фразеология, ее развитие и источники. – М.-Л., 1970.

⁷⁹ В.Л. Архангельский. Устойчивые фразы в современном русском языке. – Изд-во Ростовск. ун.-та, 1964.

⁸⁰ В.П. Жуков. Фразеология и слово. Автореф. докт. дисс. – Л., 1967; Он же. О несоизмеримости компонентов фразеологизма со словом // РЯШ. 1969. № 3.

⁸¹ Н.М. Шанский. Фразеология современного русского языка. – М., 1963.

⁸² Е.А. Иванникова. Устойчивые именные словосочетания как предмет фразеологии и лексикографии // Современная русская лексикология. – М., 1966.

⁸³ В.Н. Телия. Что такое фразеология. – М., 1966.

⁸⁴ Р.Н. Попов. Фразеологические единицы современного русского литературного языка с историзмами и лексическими архаизмами. – Вологда: С.-З. кн. изд-во, 1966.

⁸⁵ С.Г. Гаврин. О принципах грамматической классификации фразеологизмов // Вопросы русского языка и методики его преподавания. Уч. зап. Пермск. педин-та, 1966. Вып. 34.

⁸⁶ В.В. Виноградов. Русский язык. 1947; Он же. Типы лексических значений слова // ВЯ. 1953. № 5; А.И. Смирницкий. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. М.: АН СССР, 1955; А.А. Уфимцева. Слово в лексико-семантической системе языка. – М., 1968.

ние имеет целый класс слов, вся часть речи, то есть, говоря словами А.И. Смирницкого, с лексической точки зрения слово представляет собой конкретную «арифметическую» величину, а с грамматической точки зрения – величину «алгебраическую»⁸⁷. Изменение лексического значения, «арифметической» величины слова, далеко не всегда связано с изменением грамматической природы слова, его «алгебраической» величины, с утратой способности образовать различные грамматические формы.

Грамматическая характеристика слова, изменившего свое лексическое значение или утратившего его в какой-то степени, сохраняется в нем до тех пор, пока слово остается таковым, даже если какая-то грамматическая форма утрачивает обязательное для нее определенное грамматическое значение, то есть если отмирает, в сущности, грамматическая категория. Фактов, где новое лексическое значение продолжает жить в прежней грамматической форме, в современном русском языке очень много. Это все случаи перехода одной части речи в другую, сюда же можно отнести всю грамматическую омонимию. Во всех этих случаях обычно наблюдается борьба грамматической формы и значения, исход которой обнаруживается нескоро.

Во фразеологических единицах, состоящих из элементов, «сохраняющих внешнюю форму слов», единство и борьба между «старой» грамматической формой компонентов и значением всей единицы обнаруживается еще отчетливее.

Данная работа посвящается исследованию: 1) «взаимодействия и взаимообусловленности»⁸⁸ значения и грамматической формы во фразеологической единице **точка зрения**, состоящей из двух компоненто-существительных; 2) вопроса о том, сохраняется ли категория падежа во фразеологических единицах и 3) специфики функционирования этой категории во фразеологизмах.

1. Фразеологическая единица **точка зрения** в современном русском языке имеет несколько значений⁸⁹. Одно из них – *‘определенный взгляд на что-нибудь’*⁹⁰.

⁸⁷ А.И. Смирницкий. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. – М.: АН СССР, 1955. – С. 15.

⁸⁸ В.В. Виноградов. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке; А.А. Шахматов. Сборник статей и материалов / под общей ред. акад. С.П. Обнорского, вып. 3. – М.-Л.: АН СССР, 1947. – С. 340.

⁸⁹ Ср. по этому поводу мнение Ю.С. Сорокина в его монографии «Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90 годы XIX века». – М. –Л., 1965. –С. 393–394.

– У меня с полковником различные **точки зрения** на русский вопрос... (В.М. Кожевников). ...Всегда вновь и вновь будет накапливаться и открываться прежде неизвестный материал, всегда будут меняться человеческие **точки зрения**... (А.В. Луначарский. Соч., т. 1, с. 44). Подобная **точка зрения** на математику неудивительна для идеалиста, но когда автор, считающий себя диалектическим материалистом, заявляет об «идеалистическо-математических методах», то с этим надо решительно бороться (Л.Б. Баженов).

Названное значение фразеологической единицы в корне отличается и от номинативных значений составляющих ее компонентов (**точка** – ‘определенное место в пространстве, на местности, внутри или на поверхности тела’⁹¹, а **зрение** – ‘способность видеть’⁹²), и от значения омонимичного свободного словосочетания **точка зрения** – ‘место, откуда смотрят на что-нибудь’. Это «самая большая степень обобщения смыслового содержания»⁹³ обоих компонентов, составивших сочетание. О специфичности значения фразеологической единицы можно судить по тому, какого внешнего синтаксического окружения оно требует. Во-первых, названное значение фразеологической единицы реализуется в предложениях определенного содержания – в них всегда речь идет о взглядах ученых, специалистов на какие-либо научные проблемы. Содержание же предложений, в которых **точка зрения** является свободным сочетанием, резко отличается от предложений с фразеологической единицей **точка зрения**. У художников, фотографов **точкой зрения** называется место, откуда фотограф снимает объект, художник на него смотрит и рисует. Например:

*Площадь, где стоит памятник, вымощена каменными плитами... Выбираю **точку зрения**. Хочется фигуру знаменитого кондотьера запечатлеть на фоне неба силуэтом (Лаптев). Вероятно, мыслимо, с двух сторон загородив себя ладонями-шорами, увидеть наконец вдали, за кладбищем, рябую пустыню. Но как нелегко фотографам ловить такую **точку зрения!** (В.А. Сафронов).*

⁹⁰ Словарь современного русского литературного языка АН СССР: в 17 т. – М.-Л.: АН СССР. – Т.4. – С. 1339–1340.

⁹¹ Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.-Л.: АН СССР. – Т. 15. – С. 737

⁹² Там же, т. 4, с. 1339.

⁹³ А.А. Уфимцева. Слово в лексико-семантической системе языка. – М., 1968. – С. 96.

Во-вторых, как новая языковая единица, обозначающая отвлеченное понятие, **точка зрения**, занимая место главного слова, образует такие определительные словосочетания, которые невозможны в языке ни с первым, ни со вторым компонентом, отдельно взятыми:

...человеческие точки зрения... (А.В. Луначарский, т. 1, с. 44);

...генетическая точка зрения... (А.В. Луначарский, т. 1, с. 269);

...рабовладельческая точка зрения... (Комс. пр. 1966 15 октября);

...противоречивые точки зрения... (Комс. пр. 1966. 15 октября);

...рассмотренная точка зрения... (Л.Б. Баженов);

...контекстуальная точка зрения... (Д.Н. Шмелев). И мн. др.

подобные.

Причем прилагательное стоит всегда только перед первым компонентом, согласуется только с компонентом «точка», то есть формально оно связано только с первым компонентом, а семантически – со всей фразеологической единицей. Первый компонент, хотя семантически и «растворился» в значении фразеологического целого, формально обнаруживает признаки живого отдельного существительного женского рода, единственного или множественного числа.

В данном случае мы наблюдаем одно из противоречий между грамматической формой фразеологической единицы и ее значением.

В-третьих, фразеологическая единица, занимая место главного слова, может употребляться в определительных словосочетаниях, где подчиненным является род. падеж нарицательного или собственного существительного или местоимения, называющий лицо или группу лиц, которым принадлежит, свойствен какой-то взгляд. Например:

...точка зрения объективного идеалиста... (К.Е. Морозов);

...точка зрения биохимиков... (Л.Б. Баженов);

...точка зрения А.И. Смирницкого... (Д.Н. Шмелев);

...его точка зрения... (Лит. газ. 1967. № 40).

Здесь необходимо отметить, что родительный принадлежности с отдельным словом «точка» вообще невозможен, а слово «зрение» может иметь в качестве определения только собственное существительное или местоимения «ея» «их», называющих чью-либо способность видеть, то есть сохраняющих у этого слова его номинативное значение.

Род. падеж существительного или местоимения так же, как и согласованное определение, выраженное прилагательным, относится ко всей фразеологической единице, а не к одному какому-либо ее компоненту.

В-четвертых, фразеологическая единица в этом значении обнаруживает способность управлять винительным падежом другого имени с предлогом **на**⁹⁴.

*...Разные **точки зрения** на подготовку... (Комс. пр. 1966. 15 ноября); ...разные **точки зрения** на ... категорию производных предлогов... (Е.Т. Черкасова). **Точки зрения** на соотношение и взаимосвязь слова и образа... (В.В. Виноградов).*

«Характер управления в данном случае предсказывается смысловым эквивалентом фразеологизма»⁹⁵.

Второе значение фразеологической единицы «**точка зрения**» – '**особое мнение**' (кого-либо или чье-либо) настолько близко к первому, что в некоторых синтаксических конструкциях их трудно различить.

*Его (Г. Хирта) **точка зрения** надолго утвердилась в языкознании, особенно благодаря полемической статье Г. Вегдана... (А.В. Десницкая). Ему (Гёте) нужно было заставить себя признать, что действительно **точка зрения** среды выше, чем **точка зрения** Тассо! (А.В. Луначарский, т. 6, с. 201). Чья **точка зрения** победит? (С.А. Дангулов).*

Как видно из приведенных цитат, согласованные и несогласованные определения тоже относятся ко всей фразеологической единице, хотя формально связаны с первым компонентом.

Второе значение фразеологической единицы обнаруживается в ряде синтаксических признаков: 1) определения почти всегда называют лицо, которому принадлежит то или иное мнение, 2) в тех случаях, когда определения нет или оно не имеет названного значения, на принадлежность лицу какого-то мнения указывает своим лексическим значением глагол-сказуемое или другой член предложения:

*...были высказаны самые противоречивые **точки зрения**... (Комс. пр. 15.1966, 15 октября);*

*...высказываются... неправильные **точки зрения** (Лит. газ. 1966. 30 июля);*

*...вы придерживаетесь иной **точки зрения**? (Г.М. Марков);*

*...сам держался подобной **точки зрения** (В.М. Кожевников).*

⁹⁴ См. об этом: Н.Ю. Шведова. Активные процессы в современном русском языке. – М., 1966. – С. 60.

⁹⁵ В.П. Жуков. О несоизмеримости компонентов фразеологизма со словом // РЯШ. 1969. № 3. – С. 101.

3) фразеологическая единица может управлять дательным или предложным падежом другого имени с предлогами **по** и **о (об)**⁹⁶.

...По этому вопросу... существуют различные точки зрения... (Л.Б. Баженов); ...точка зрения об относительности самого понятия элементарности (Л.Б. Баженов); По данной проблеме высказывались две противоположные точки зрения (А.В. Дудников).

Следующее, третье значение **точки зрения** – ‘научная мысль, концепция’.

В более категорической форме эта **точка зрения** представлена в работах некоторых зарубежных лингвистов (К.С. Горбачевич). Такая же **точка зрения** выражается и в указании, что во время чтения «смысл речи означать должно пристойным удержанием голоса по препинаниям и управлением одного по разным страстям»... (Г.П. Фирсов). Эта **точка зрения** приводит к недооценке необходимости раннего лечения больных гипертонической болезнью (Л.Л. Мясников).

Свидетельством того, что фразеологическая единица имеет такое значение, являются в некоторых случаях условия ее употребления: **точка зрения** используется в качестве синонима к одиночным существительным **концепция, мнение, мысль, гипотеза**. Например:

1. Существует довольно старая **точка зрения**, согласно которой для праязыка реконструируется богато развитая система видо-временных форм, аналогичная древнегреческой и древнеиндийской. Согласно другой **концепции** в индоевропейском языке не могло быть столь развитой парадигмы видо-временных категорий, но существовало значительное разнообразие типов образования глагольных основ с различными видовыми значениями (Л.В. Десницкая).

2. Существует **мнение**, что предлоги имеют только грамматическое значение и совершенно лишены значений лексических. Эта **точка зрения** представлена в работах... (Е.Т. Черкасова).

3. Полдюжины **гипотез** вразнобой претендовали на объяснение процесса, но более других утвердились две **точки зрения** (Наука и жизнь. 1965. № 2).

В качестве согласованных определений фразеологической единицы в третьем значении чаще всего употребляются местоимения **эта, такая**; реже – качественные или относительные прилагательные – **последняя**,

⁹⁶ Н.Ю. Шведова. Указ. соч., с. 60.

данная, типичная, старая, односторонняя и др.; порядковые числительные – **первая, вторая, третья**.

Так же, как и у фразеологической единицы в первом и втором значениях, согласованные определения формально согласуются только с первым компонентом.

В качестве управляемой фразеологическая единица может входить в сочетание с количественными и собирательными числительными **две, три, обе**.

Необходимо отметить, что в предложениях с таким значением фразеологической единицы характерным является и сказуемое, которое по своему значению совсем не предполагает отношения к лицу, не содержит указания на лицо:

*...подобная **точка зрения** оказывается ... близкой (Л.Б. Баженов);
...**точка зрения**... есть субъективный идеализм... (К.Е. Морозов);
...существует **точка зрения**... (А.В. Десницкая); ...**точка зрения**...
основывается на априорных положениях... (Д.И. Шмелев).*

Особенно отчетливо третье значение обнаруживается в тех случаях, где при одном сочетании **точка зрения** употребляется два или более согласованных определения, квалифицирующих в каком-либо отношении научную мысль, концепцию. Ср.:

*А.Х. Востоков совмещал интонационную, смысловую и грамматическую **точки зрения** (Г.П. Фирсов).*

Прилагательное обладает в подобных конструкциях настолько большим семантическим весом, что может употребляться без фразеологизма, особенно если один раз он уже был употреблен. Например:

*Интонационную **точку зрения**, например, отстаивал Л.В. Щерба, смысловую – А.Б. Шапиро (Г.П. Фирсов).*

Выше было сказано, что в первом и втором значениях фразеологическая единица способна управлять соответственно винительным или дательным и предложным падежами какого-либо имени, в третьем значении **точка зрения** не обладает таким грамматическим свойством, что связано с особенностью этого значения.

Многочисленные факты употребления фразеологической единицы **точка зрения** с описанными выше значениями⁹⁷ дают возможность наблюдать за тем, какие падежные формы имеет первый компонент фра-

⁹⁷ Проанализировано 343 карточки.

зеологизма в предложении, каковы формы выражения, частотность и синтаксические условия употребления каждой падежной формы.

Формы именительного падежа первого компонента фразеологической единицы составляют 25% всего материала. Высокая частотность фразеологической единицы с этой формой первого компонента показательна во многих отношениях. Во-первых, именительный падеж, как «исходная», «начальная» форма отдельного слова и первого компонента, является наилучшим средством обнаружения семантических и других свойств фразеологической единицы⁹⁸.

Во-вторых, в форме **точка, точки зрения** есть не только форма падежа, но и значение падежа – в 81 из 85 цитат фразеологическая единица называет предмет мысли, обсуждения, рассмотрения, споров и т. д. и выполняет в предложении функцию подлежащего. Это, в свою очередь, свидетельствует о сохранении категории падежа во фразеологической единице, хотя первый компонент ее представляет собой семантически «растворившийся» элемент.

Спецификой падежа во фразеологической единице, в-третьих, следует считать форму его выражения – если в отдельном слове любой падеж выражается морфемой, то во фразеологизме, как новой языковой единице, формой выражения падежа является первый компонент, «внешнее формальное слово», падежным же значением обладает вся фразеологическая единица. В-четвертых, основную функцию именительного падежа фразеологической единицы можно назвать синтаксически не обусловленной, так **точка зрения** может быть, хотя и очень редко (в 4 случаях из 85), сказуемым. В качестве подлежащего в таких конструкциях всегда употребляется местоимение **это**.

Это типичная точка зрения объективного идеализма, весьма близкая к религиозной (К.Е. Морозов). Это точка зрения пытливого и даровитого наблюдателя, который любит жизнь... за то, что в ее многообразных проявлениях видит воплощение любви и добра (И.А. Бунин).

И, наконец, в-пятых, наличие формы именительного падежа у фразеологической единицы свидетельствует о том, что фразеологизм может иметь, без разрушения семантического тождества фразеологического целого, полный набор падежных форм.

⁹⁸ Характеризуя семантические и синтаксические свойства фразеологизма как самостоятельной языковой единицы, мы приводили, почти исключительно, цитаты с именительным падежом первого компонента.

Следующим по частоте употребления в нашей картотеке оказался винительный падеж фразеологической единицы, цитаты с этой формой первого компонента составляют 23%. Условия синтаксического функционирования в предложении этого падежа фразеологизма отличаются цельностью и единообразием. Так, в 77 случаях из 80 фразеологическая единица подчинена переходному глаголу или глагольному словосочетанию, требующему винительного без предлога. Обращает на себя внимание семантическая характеристика управляющего глагола. В первую очередь выделяется большая группа глаголов речи: изложить, излагать, высказать, высказывать, предложить, предлагать, отстаивать, отстаять, выразить, обосновать, обосновывать, выдвинуть, выдвигать, опровергать, оценить, поддерживать, объявлять, защищать, подсказывать и др. подобные.

Глаголы другой группы называют мыслительную деятельность: разделять, сопоставлять, учитывать, найти, находить, проводить, принять, понять, сравнить, вытравить, совмещать, предвосхитить, менять, допускать, поддерживать, отражать и др. подобные. Управляющими могут быть глаголы восприятия: слушать, выслушать, слышать.

Фразеологическая единица в винительном падеже без предлога может входить в состав сложных словосочетаний, где место глагольного слова занимает устойчивое словосочетание с глагольным компонентом, тоже обозначающее речь или мыслительную деятельность.

...свою точку зрения... доводит до сведения собеседников (М. Галлай); *...поставить под сомнение точку зрения авторов фильма* (Комс. пр. 1966. 8 июля).

Во всех сочетаниях с названными выше группами глаголов выражаются объектные отношения; подчиненный компонент в таких сочетаниях (точку зрения) называет объект речи или мыслительной деятельности человека. В связи с этим находится и такая особенность лексического состава предложений: в каждом из них употребляется собственное существительное, называющее имя человека, или нарицательное существительное, называющее лицо, иногда возможно местоимение:

Точку зрения советских ученых четко высказал проф. Л.В. Громашевский... (Мед. работник, 1966. 16 сентября). *Каждый высказал свою точку зрения* (Комс. пр. 1966. 13 августа). *...Командующий изложил ему свою точку зрения...* (К.М. Симонов).

Хотя и очень редко (в 3 случаях из 80) фразеологическая единица в винительном падеже может быть употреблена с предлогами **за**, **на**, **несмотря на**.

*Вот почему вы ошибаетесь, сбиваясь **на** старую, допартийную, **точку зрения**, когда пишете: «печатают листки Троцкого» (ничего худого тут нет, если листки сносные и выправленные) (В.И. Ленин. Соч., т. 34, с. 292). Но во всяком случае эту часть определения нельзя выдавать **за точку зрения** диалектического материализма (Л.Б. Баженов).*

В сочетаниях с предлогами **за**, **на** выражаются тоже объектные отношения, но осложненные дополнительными значениями предлогов⁹⁹. Особенно заметно влияние значения предлога на значение падежной формы¹⁰⁰ фразеологической единицы, как и любого отдельного имени, в обособленных уступительных оборотах с предлогом **несмотря на**:

*Но, **несмотря на эту точку зрения** нашу, обвинения, выдвинутые как по форме, так и по существу против комедии «Слишком правда, чтобы быть красивым», казались весьма основательными (А.В. Луначарский. Соч., т. 6, с. 258).*

В формах винительного падежа фразеологической единицы без предлога и с предлогом в равной степени отчетливо и часто обнаруживаются все три значения **точки зрения**: 1) 'взгляд на что-нибудь', 2) 'особое мнение', 3) 'научная мысль, концепция':

*В.А. Третьяковски́й отчетливо выразил идеографическую и грамматическую **точки зрения** на пунктуацию (Г.П. Фирсов). Еще древнегреческие и римские историки высказывали **разные точки зрения** на происхождение этрусков (Детская энциклопедия, т. 7, с. 98). Моя собеседница изложила **точку зрения** на задачу художника как бы от имени целого ряда писателей Запада, притом писателей отнюдь незаурядных (Вестник МГУ, 1968, № 1, с. 20).*

*Нет, он никогда не навязывает свою **точку зрения** (Комс. пр. 1966. 30 октября). В недавнее время Вл. Георгиев выдвинул **точку зрения** о том, что албанский является продолжением дакомизийского языка, отличного в ряде своих фонетических признаков от фракийского (А.В. Десницкая).*

*Дени Дидро превосхитил развитую сто лет спустя естествоиспытателями (Э. Геккель, Л. Моргай) **точку зрения**, что уже в фун-*

⁹⁹ Грамматика русского языка АН СССР. Т. 2, ч. 1. – С. 171, 176.

¹⁰⁰ В.В. Виноградов. Русский язык. М.-Л., 1947, С. 167.

даменте самого здания материи можно предположить существование способности, сходной с ощущениями (Лит. газ. 1967, № 7). Попытаемся обосновать третью точку зрения (И.Е. Морозов).

Цитаты с родительным падежом фразеологической единицы составляют 35%. С такой формой первого компонента фразеологизм может употребляться в составе субстантивных словосочетаний, занимая в них место подчиненного компонента:

...концентрацией точки зрения... (Л.Б. Баженов);
...неправильность точки зрения... (Филол. науки. 1967. № 2); *...при пересечении... точек зрения...* (Д.Н. Шмелев), *...к воплощению... точки зрения...* (Лит. газ. 1966. 23 июля)

Главным словом в таких словосочетаниях может быть отвлеченное существительное, соотносительное с переходным или возвратным глаголом или прилагательным. Напр.:

а) *...совмещение точек зрения...* (Г.П. Фирсов); *...в обоснование точки зрения...* (Д.Э. Розенталь);
б) *...борьба точек зрения...* (А.В. Дудников); *...столкновение точек зрения...* (Комс. пр. 1968. 4 января);
в) *...несостоятельность такой точки зрения...* (ВЯ. 1965. № 6);
...правильность изложенной точки зрения... (ВЯ. 1965. № 6).

В сочетаниях группы а) фразеологическая единица выражает объектные отношения, в сочетаниях групп б) и в) – определительные¹⁰¹ отношения, занимая всегда контактную или дистантную постпозицию по отношению к главному слову.

В сочетаниях с существительными **ряд**, **множество** и **другие**, с количественными или неопределенными числительными в именительном падеже фразеологическая единица является частью подлежащего¹⁰²:

...располагается ряд точек зрения... (В.В. Кожевников); *...имеется множество точек зрения...* (Лит. газ. 1966. 9 июня);
...существуют две точки зрения... (А.Л. Мясников); *...обе точки зрения... подтверждаются* (Филол. науки. 1965. № 2).

Фразеологическая единица в родительном падеже с предлогом **из** может быть зависимым компонентом в словосочетаниях с местоимением или числительным, где она оформляет выделительные отношения¹⁰³:

¹⁰¹ Грамматика русского языка АН СССР. – Т. 2, ч. 1. – С. 238

¹⁰² Там же. С. 338–339, 342.

¹⁰³ Грамматика русского языка АН СССР. – Т. 2, ч. 1. – С. 338–339, 342.

*...какая... из этих точек зрения... близка... (Е.Т. Черкасова);
...одной из точек зрения... (Филол. науки. 1965. № 2).*

Синтаксическая функция фразеологической единицы в таких случаях зависит от функции главного слова.

Анализируемый фразеологизм в родительном падеже может употребляться в качестве подчиненного компонента в глагольных словосочетаниях. При этом глагол может управлять как беспредложной, так и предложной формой первого его компонента. Так, в словосочетаниях с глаголами **держаться** – ‘следовать чему-либо’¹⁰⁴, **придерживаться** – ‘руководствоваться чем-либо’¹⁰⁵ фразеологическая единица имеет форму родительного без предлога:

...придерживаетесь иной точки зрения... (Г.М. Марков); ...он держится этой точки зрения... (С.А. Дангулов).

В сочетаниях же с глаголами **зависеть**, **отказаться**, **возражать**, **выступать**, **возвышаться** и др. под. родительный падеж первого компонента употребляется с предлогами **от**, **до**, **против**:

*...это зависит от точки зрения (Комс. пр. 1966. 30 апреля);
Хорь возвышался даже до иронической точки зрения на жизнь (И.С. Тургенев); ...возражает против этой точки зрения... (Д.Н. Шмелев).*

Во всех приведенных и подобных сочетаниях **точка зрения** в родительном падеже выражает объектные отношения.

Такие же отношения выражаются фразеологизмом в сочетании с другими, кроме названных, глаголами и устойчивыми сочетаниями.

Но почему (Отелков. – А.Ч.) не высказывает мыслей, точек зрения, говорящих об одаренности? (Комс. пр. 1967. 20 июля). ...Снабдить переиздаваемого Пушкина значительным освещающим аппаратом, который не упустил бы из виду ни общественно-социологического толкования Пушкина и его творчества как огромного явления в истории культуры, ни специфически историко-литературного толкования его (...), ни других более специальных точек зрения формального характера... (А.В. Луначарский. Соч., т. 1, с. 45).

В некоторых случаях фразеологическая единица не входит как подчиненный компонент в словосочетание, а выполняет лишь роль какого-либо второстепенного члена предложения. Например:

104 Словарь современного русского литературного языка: М.-Л.: АН СССР. – Т. 3. – с. 728.

105 Там же, Т. 11, с. 451.

Вчитываясь в Вашу статью и доискиваясь¹⁰⁶, откуда у Вас эта описка выйти могла, я недоумеваю. Что это? Остатки «Исповеди», которую Вы сами не одобряли?». Отголоски ее?? Или иное – например, неудачная попытка согнуться до точки зрения общедемократической вместо **точки зрения пролетарской**? (В.И. Ленин. Соч., т. 35, с. 91); ...хотя и у такой крайней **точки зрения** есть свои сторонники... (М. Галлай).

В приведенных цитатах фразеологическая единица выполняет в предложении функцию дополнения.

Как показал проанализированный материал, форма родительного падежа фразеологической единицы может быть как беспредложной, так и предложной. «Круг предлогов, принимающий непосредственное участие в выражении названных выше падежных значений и функций»¹⁰⁷ данной формы фразеологизма, весьма определен: это **из, от, у, до, против, вместо**.

Высокий процент родительного падежа объясняется наличием среди этих карточек одной, своеобразной по значению и структурным свойствам, формы – с предлогом **с**. Из 120 карточек с этим предлогом 54.

Обращает на себя внимание такой факт: в охарактеризованных уже формах род. падежа все три значения **точки зрения** одинаково употребительны; форме же с предлогом **с** присуще лишь одно, второе, значение – ‘особое мнение чье-, кого-нибудь’ Следовательно, в род. падеже фразеологическая единица имеет значение ‘обоснование, причина’ для каких либо суждений; оценок, поступков¹⁰⁸.

Фразеологическая единица в этой форме не образует словосочетаний с какими-либо словами в предложении, является обстоятельством, относящимся ко всей конструкции; непосредственно фразеологизму с **точки зрения** подчиняется только определение, согласованное, выраженное местоимением **моей, нашей**, или несогласованное, выраженное местоимениями **его, их**, или существительным в родительном падеже. Например:

«Да-да, – произнес Ленин. – Хорошо в глуши сидеть, созерцать красоты природы... Что может быть лучше с точки зрения поэта или художника?» (Э.Г. Казакевич) ...Он с своей гусарской точки зрения жалел о том, что его не было при этом (Л.Н. Толстой). С нашей точки

¹⁰⁶ Подчеркнутые слова выделены у В.И. Ленина.

¹⁰⁷ В.В. Виноградов. Русский язык. – М.;Л., 1947. – С. 167.

¹⁰⁸ Словарь современного русского литературного языка АН СССР: в 17 т., Т. 13, С. 17.

зрения, обуздание, которое проводила Шарлотта и которому охотно подчинялся Гёте, было варварской ломкой его богатой натуры (А.В. Луначарский. Соч., т. 6, с. 200). *В лесу в это время с точки зрения грибника пустынно* (В.А. Солоухин).

Определение, образующее единое сложное словосочетание вместе с фразеологической единицей, всегда имеет только одну семантику – называет лицо, которому принадлежит какое-либо мнение. Вся эта группа – с точки зрения + определение – всегда располагается в одной какой-то части предложения, очень часто этой группой начинается все предложение.

Названное значение фразеологической единицы в род. падеже с предлогом с особенно отчетливо проявляется в ее синонимических связях с сочетанием **по чьему-нибудь мнению**. Близость с этим сочетанием обнаруживается и в том, что **с точки зрения** почти всегда (в 40 случаях из 54) в предложении является вводной.

Такой путь воплощения героического характера, с моей точки зрения, вполне имеет право на жизнь (Комс. пр. 1966. 24 июля).

По нашему мнению, этот случай с Купером следует отнести к иллюзиям узнавания, обусловленным недостаточной полной поступаемой в мозг информации (Наука и жизнь. 1966. № 5).

С ее женской точки зрения представлялось только одно средство – женитьба Николая на богатой невесте (Л. Н. Толстой).

...Другие надеялись найти богатейшие данные, которые, по их мнению, могли бы объяснить многие загадки древнего мира, нечто вроде второй Атлантиды (Наука и жизнь. 1966. № 6).

Анализируемая форма фразеологической единицы вступает в синонимическую связь и с дательным падежом этой же фразеологической единицы с предлогом **согласно** (об этом речь пойдет дальше).

Сочетание **с точки зрения чьей-нибудь, кого-** в роли вводной группы имеет сложное значение обоснования, причины для каких-либо поступков, действий, суждений и значение источника. адресата такого мнения. Последнее значение – источника – придает вводной группе местоимение или существительное, подчиненное фразеологизму.

Три охарактеризованные формы падежа фразеологизма составляют 83% всех карточек, на другие три падежные формы остается 17%.

Формы дательного падежа составляют 9%.

Самыми продуктивными среди форм этого падежа являются конструкции с предлогом **согласно**:

Согласно другой точке зрения она (температура плавления – А.Ч.) должна понижаться с 1200 до 500°С от горелки к горелке... (Металлург. 1966. № 10).

В большинстве случаев эти конструкции в предложении обособлены:

Части же речи, согласно данной весьма распространенной точке зрения, – это «не понятия, отличные от лексических значений слов и сопутствующие им» (О.П. Суник). Согласно точке зрения исследователя, «грамматические моменты качественно отличны от лексических и сами по себе никак не меняют лексического содержания слова», когда же грамматические различия переходят в лексические – перед нами уже не варианты слова, а разные слова (Д.Н. Шмелев).

Здесь необходимо отметить, что наряду с конструкцией **согласно точке зрения** в речи употребляется такая модель сложноподчиненного предложения: **точка зрения + согласно которой**, где дательный падеж фразеологизма заменен местоимением. Например:

Это и позволяет считать, что наиболее близкой к истине является точка зрения, согласно которой такие слова, как ...тому назад с препозитивными винительным падежом... уже совсем готовы превратиться в предлоги (В.В. Виноградов; Е.Т. Черкасова). Противоположная точка зрения, согласно которой увеличение или уменьшение актуальной информации само по себе приводит к увеличению или уменьшению потенциальной информации, есть субъективный идеализм (К.Е. Морозов).

Фразеологическая единица с предлогом **согласно** выполняет в предложении роль дополнения со значением соответствия; на такое значение падежной формы влияет отадъективный предлог¹⁰⁹.

Следующей по продуктивности формой выражения дательного падежа являются конструкции с предлогом **к**. Эта падежная форма фразеологической единицы, как правило, занимает место подчиненного компонента глагольных словосочетаний, в которых глагол требует от подчиненного компонента только дательного падежа:

*...Пришли к той точке зрения... (В.И. Ленин. Соч., т. 9, с. 374);
...подошли к марксистской точке зрения... (А.В. Луначарский. Соч.,*

¹⁰⁹ В.В. Виноградов. Назв. соч., с. 167; Е.Т. Черкасова. Переход полнозначных слов в предлоги. – М., 1967. – С. 200 и след.

т. 1, с. 45); *...приблизиться к точке зрения...* (М.М. Пришвин); *...присоединяется к такой точке зрения...* (В.В. Виноградов).

В этих и подобных сочетаниях фразеологизм в дательном падеже выражает объектные отношения.

Дательный беспредложный по частоте употребления незначительно уступает дательному с предлогом **к**. Он встречается в глагольных и адъективных словосочетаниях и тоже служит для выражения объектных отношений. Например:

...противопоставить ее (позицию Эйнштейна – ред.) широко распространенной точке зрения... (Л.Б. Баженов); *...отдавая предпочтение... таким точкам зрения...* (Л.В. Дудников); *...противоречащие обосновываемой точке зрения...* (Е.С. Жариков); *...аналогична точке зрения...* (Л.Б. Баженов); *...противоположную точке зрения Герлаха* (В.М. Кожевников).

Иногда фразеологическая единица в дательном падеже употребляется в качестве дополнения в предложении, не образуя словосочетания с каким-либо отдельным его членом:

Точке зрения наших опытных испытателей нельзя было отказать в логичности (М. Галлай). *Этой точке зрения противостоит другая, согласно которой предлогам присущи не только грамматические значения, но также и значения лексические* (Е.Т. Черкасова).

В дательном падеже фразеологизм употребляется во втором или третьем значении.

Как видно из проанализированного материала, дательный падеж фразеологизма так же, как и у отдельных существительных, обладает грамматическим единством, проявляющимся во внутренней связи значений этого падежа в беспредложном употреблении, а также синтаксической определенностью, замкнутостью и однородностью функций тех предлогов, которые сочетаются с ним¹¹⁰.

Специфичная для дательного падежа фразеологической единицы лишь частотность предложных и беспредложных форм. Первое место по количеству цитат занимают формы с предлогом **согласно**, второе – с предлогом **к**, третье – беспредложные.

Фразеологизм в дательном падеже свободно вступает в синонимические связи со многими падежными конструкциями и сочетаниями. Это, чаще всего, дательный падеж существительных **теория**, **концепция**,

¹¹⁰ В.В. Виноградов. Назв. соч., С. 170.

мысль, мнение, с предлогами **согласно, по** или предложная конструкция типа **по + собственное имя в дат. падеже**, фразеологизм с **точки зрения чьей, кого-нибудь** или сочетание **на (наш, мой, его) взгляд**. Ср.:

*Существует довольно старая **точка зрения**, согласно которой для праязыка реконструируется богато развитая система видо-временных форм, аналогичная древнегреческой и древнеиндийской. **Согласно** другой **концепции**, в индоевропейском языке не могло быть столь развитой парадигмы видо-временных категорий, но существовало значительное разнообразие типов образования глагольных основ с различными видовыми значениями (А.В. Десницкая). Но особенно важное значение, **по мнению Г.П. Фирсова**, для решения проблем интонации в аспекте изучения синтаксической структуры русского языка имеют фонетические и грамматические труды акад. Л.В. Щербы и новое выдвинутое им понятие синтагмы (В.В. Виноградов). Июльская революция, **по мысли Жанена**, – это проблема давно случившегося кораблекрушения, отголосок катастрофы 1789 г. (Филол. науки. 1968. № 1). Героями литературных произведений нередко были «чудаки», «люди не от мира сего» с **точками зрения** их ближних (Лит. газ. 1966. 26 июля). Глубина произведения, которое «дает заряд на всю жизнь», богатство его мыслей заставляет, **по В.И. Ленину**, возвращаться к нему еще и еще раз (Филол. науки. 1970. № 1). Нельзя называть, **на мой взгляд**, пьесу героической по внешним признакам (Комс. пр. 1966. 24 июля).*

Большинство названных выше синонимических конструкций выделены в предложении как вводные; их семантика определеннее семантики фразеологической единицы в дательном падеже, особенно с предлогом **согласно**; последний фактор, вероятно, способствует вытеснению из речи данной падежной формы фразеологической единицы. Еще меньше цитат с творительным падежом фразеологической единицы – 6,5%.

Наиболее частотной является форма с предлогом **с**, которая входит в состав глагольных словосочетаний:

*...встречаешься с самыми разнообразными **точками зрения**...*

*(Н.В. Сулименко); ...познакомиться с разными **точками зрения***

*(Е.А. Седов); ...полемизуя с этой **точкой зрения**... (В.В. Кожинов).*

В качестве подчиненного компонента фразеологическая единица может образовать сочетания с кратким прилагательным, перешедшим в категорию состояния, или страдательным причастием:

...связан с... довольно распространенной точкой зрения... (Правда. 1967. 5 апреля); *...согласен с ... точкой зрения* (Наука и жизнь. 1966. № 3).

Возможны, хотя и очень редки, словосочетания с существительным, соотносительным с прилагательным:

...сходство с точкой зрения сенатора Юджина Маккарти... (Лит. газ. 1968. № 2).

Творительный падеж фразеологической единицы с предлогом **между** имеется всего лишь в двух цитатах из 23.

Фразеологизм в этих конструкциях не образует словосочетаний; в предложении выполняет роль дополнения так же, как и конструкции с предлогом **с**:

Наиболее существенно в данном отношении противоречие между двумя точками зрения... (В.А. Белошапкова).

Творительный падеж может быть оформлен предлогами **в связи с**, **в соответствии с**:

В соответствии с этой точкой зрения выделяются «прямые, номинативные», «переносные» и «производно-номинативные» значения слов (Д.Н. Шмелев). Эти значения также относительно в том смысле, что они требуют какой-то «точки отсчета», которая меняется в зависимости от определяемых соответствующими словами явлений, а также в связи с субъективной точкой зрения говорящего (Д.Н. Шмелев).

Конструкции с предлогом **в связи с** служат для выражения причинной взаимосвязи, взаимообусловленности¹¹¹ и вся предложно-падежная форма выполняет в предложении обстоятельственную, причинную функцию. Конструкции же с предлогом **в соответствии с** служат для выражения отношений соответствия¹¹², фразеологическая единица в данной форме выполняет в предложении объектную функцию. Иными словами, значение названных форм творительного падежа фразеологизма прямо зависит от значения сложносоставных предлогов¹¹³.

Творительный падеж без предлога, как правило, связан со сказуемым в предложении и выполняет роль дополнения:

¹¹¹ Е.Т. Черкасова. Назв. соч. С. 144 и след.

¹¹² Там же. С. 150.

¹¹³ В.В. Виноградов. Назв. соч. С. 167.

...Телевизионный комментатор интересен прежде всего индивидуальной **точкой зрения** на вещи (Комс. пр. 1968. 26 июня). То, что Вам и Максимову кажется неискренностью и никчемностью и проч. в «Пролетарии», объясняется совсем иной **точкой зрения** на весь современный момент (и на марксизм, конечно) (В.И. Ленин. Соч., т. 34, с. 355).

Синтаксическая функция творительного падежа фразеологической единицы находится в зависимости от структуры предложения и от характера сказуемого. Так, если в предыдущих примерах **точкой зрения** выполняет роль дополнения, то в нижеследующем примере – роль предиката:

*Развиваемый сейчас взгляд на философский статут бесконечности может быть назван негеоцентрической **точкой зрения*** (Л.Б. Баженов).

В описанных формах творительного падежа фразеологическая единица употребляется, чаще всего, во втором или третьем значении.

В предложном падеже фразеологическая единица встречается крайне редко (1,5%), оформляется он предлогами **о, в, при**.

*Точно так же и Мах **при** исходной **точке зрения** идеализма (тела суть комплексы ощущений или «элементов») нередко сбивается на материалистическое толкование слова **опыт*** (В.И. Ленин. Соч., т. 14, с. 137). ***О** разных **точках зрения** на соотношение синхронии и диахронии см. в сб.: «О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков». М., 1960 г. (В.Н. Телия). В опубликованном коммюнике говорится, что договаривающимся сторонам не удалось преодолеть глубоких расхождений **в точках зрения*** (Комс. пр. 1968. 15 октября).

Предложный падеж фразеологической единицы в приведенных и подобных предложениях выполняет объектную функцию.

Итак, фразеологизм в значениях «взгляд на что-нибудь», «особое мнение» и «научная мысль, концепция» имеет в современном русском языке полный набор падежных форм.

II. Фразеологическая единица **точка зрения** имеет также значение – ‘позиция, принципиальное отношение к кому-либо или чему-нибудь’; ‘система взглядов на что-нибудь, определяющая характер действий, поведения’¹¹⁴.

¹¹⁴ Интересно отметить, что все толковые словари современного русского языка отмечают с незначительными вариациями у слова «позиция» значение ‘точка зрения, принципиальное отношение к чему-н., определяющее характер действия, поведения’, но ни один из этих словарей не отмечает у фразеологизма **точка зрения** значения ‘позиция’. См.: Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова, т. 1, с. 117 и т. 3, с. 483; Словарь русского языка АН СССР: в 4 т. Т. 4. С. 855 и Т. 3, С. 328; Словарь современного русского литературного языка АН СССР: в 17 т. т. 4, стлб. 1339 и Т. 10, С. 786–787.

И поэтому правильная оценка Толстого возможна только с точки зрения того класса, который своей политической ролью и своей борьбой во время первой развязки этих противоречий, во время революции, доказал свое призвание быть вождем в борьбе за свободу народа... (В.И. Ленин. Соч., т. 16, с. 295). С точки зрения материализма мир есть движущаяся материя, и «движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени» (В.И. Ленин. Соч., т. 14, с. 162).

Четвертое значение фразеологической единицы отличается от предыдущих трех большей степенью фразеологичности, которая проявляется в большей «семантической растворимости» компонентов, образующих новое, более обобщенное значение фразеологического целого, и в ограничении морфологической подвижности фразеологической единицы.

Прежде всего, первый компонент ее может употребляться почти исключительно в форме единственного числа: в 120 карточках с названным значением есть только одна, где первый компонент имеет форму множественного числа. (В предложениях с описанными выше значениями фразеологической единицы формы множественного числа употребляются без ограничений.) Форма единственного числа изменяемого компонента фразеологической единицы соответствует характеру значения целого – ‘принципиальное отношение к кому- или чему-нибудь, система взглядов на что-нибудь, определяющая характер действий, поступков’.

Описываемое значение фразеологизма своеобразно связывается с категорией падежа: ее первый компонент может иметь формы только четырех падежей – именительного, родительного с предлогом **с**, винительного и предложного с предлогом **на**. Частотность этих падежных форм неодинакова: форм с именительным падежом немногим больше одного процента (3 карточки), с родительным – 53%, с винительным – 26%, с предложным – 20%. Свидетельством того, что фразеологическая единица в четвертом значении имеет формы названных падежей, являются ее синтаксические свойства и функции в предложении, а также синонимические связи.

Признаком, объединяющим все четыре значения **точки зрения**, а не разъединяющим их, является синтаксическая способность фразеологической единицы в целом управлять родительным падежом существительного или подчинять себе (согласованием или примыканием) прилагательные или местоимения.

Определение, подчиненное фразеологической единице, хотя и не является структурной ее частью, но уточняет значение всего фразеологизма, образует с ним тесное синтаксическое единство, сложное словосочетание, в котором фразеологизм занимает место и выполняет роль главного компонента. Например:

*...Он знает, что новый строй России враждебен ему, но какова должна быть **точка зрения** посла, Френсису неясно (С.А. Дангулов). ...с **точки зрения** марксизма... (А.В. Луначарский. Соч., т. 6, с. 288). **С точки зрения**... национальных интересов... (Известия. 1966. 27 июля). ...толкали крестьянина **на точку зрения** хозяина (т. е. **точку зрения** буржуазии) вместо того, чтобы толкать его **на точку зрения** революционного пролетария (В.И. Ленин. Соч., т. 15, с. 21). ...стихийно стоящего **на точке зрения** материалистической теории познания... (В.И. Ленин. Соч., т. 14, с. 33). Махизм стоит **на противоположной, идеалистической, точке зрения** и сразу приводит к бессмыслице... (В.И. Ленин. Соч., т. 14, с. 34).*

Определения, как показал наш материал, по своей семантике весьма однородны – они называют политическое, философское, научное воззрение, систему чьих-либо взглядов.

В форме именительного падежа наиболее отчетливо обнаруживается значение 'позиция'. Падежное значение этой формы можно считать синтаксически необусловленным, в предложении она (во всех трех карточках) выполняет роль подлежащего. На данное значение фразеологизма может указывать своей структурой придаточное предложение. Ср.:

*Но **точка зрения**, на которой стою я, несмотря на многочисленность моих выступлений на эту тему, никогда не менялась (М.А. Шолохов. Комс. пр. 1970. 24 июня).*

Форма родительного падежа с предлогом с оформляет причинные отношения и служит для указания на основание, повод, к какому-либо действию¹¹⁵.

Фразеологическая единица с таким значением падежной формы не объединяется в предложении с каким-либо одним его членом, не образует словосочетаний, а называет основание для каких-либо суждений, оценок, поступков и т. д. и связано со всем предложением. Ср.:

*Суд **с точки зрения** своего класса, определенная оценка события и лиц, хотя бы и прошлого, **с точки зрения** всей нашей оценки хода исто-*

¹¹⁵ Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.-Л.: АН СССР. – Т. 13. С. 17.

рии человечества – это одно, а пристрастие в ту или другую сторону, известная роль личного чувства у биографа – это другое (А.В. Луначарский. Соч., т. 6, с. 320).

Следствием утраты даже слабой связи фразеологической единицы с одним членом предложения является довольно частое превращение этой группы – с точки зрения + какой, чего во вводную конструкцию. Например:

Мы отметим только, что единственным марксистом в международной социал-демократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты, с точки зрения последовательного диалектического материализма, был Плеханов (В.И. Ленин. Соч., т. 15, с. 19).

Конечно, с точки зрения пролетарского мирозерцания, пессимизм Гарди есть болезненное мироощущение, возникшее от болезненного распада некогда крепкой английской провинции (А.В. Луначарский. Соч., т. 6, с. 35).

В литературной речи фразеологическая единица в родительном падеже выступает в качестве синонима существительному **позиция** в том же падеже, с таким же предлогом. Ср.:

С точки зрения реляционной концепции пространство и время не особые субстанциальные сущности, а формы существования материальных объектов (Л.Б. Баженов).

С позиций реляционной концепции пространству и времени можно дать следующее определение... (Л.Б. Баженов).

Синонимичность двух единиц обнаруживается еще отчетливее, если и **с точки зрения...** и **с позиций...** употребляются в одном предложении:

Опыт литературы и искусства убедительно свидетельствует, что лучшие национальные произведения искусства, как правило, несут в себе большие общечеловеческие идеалы, проблемы, осмысленные с идеальных позиций советского человека, с точки зрения наших взглядов на социальную борьбу, на историю и современность, на личность и общество (Комс. пр. 1970. 20 февраля).

Винительный падеж фразеологической единицы в значении 'позиция' употребляется, как было сказано выше, только с предлогом **на** и с семантически ограниченным кругом глаголов, образуя с ними тесную грамматическую связь. Наиболее частотны сочетания с глаголами **стать**,

становиться, встать, вставать, переноситься, перенестись; менее частотны сочетания с глаголами – **перейти, толкать;** возможны сочетания с отвлеченными существительными, например, **переход.**

*Попутчики в точном смысле этого слова – это люди, которые не стали еще окончательно **на точку зрения** коммунистическую, но которые идут к ней, часто с сомнениями, колебаниями, боями, отступлениями и падениями (А.В. Луначарский. Соч., т. 2, с. 441). Кто выступает против экономической эксплуатации, тот становится **на точку зрения интересов рабочего класса** (Лит. газ. 1968. № 16). Мы привели этот пример, чтобы наглядно показать читателю степень наивности наших Юшкевичей и Ко, берущих какую-нибудь «теорию символизма» за чистую монету **новинки** (выделено у В.И. Ленина), тогда как сколько-нибудь сведущие философы говорят просто и прямо: **перешел на точку зрения критического идеализма!** (В.И. Ленин. Соч., т. 14, с. 153).*

Фразеологическая единица в винительном падеже выполняет в предложении объектную функцию.

В предложном падеже фразеологическая единица, употребляемая тоже исключительно с предлогом **на**, сочетается с еще более ограниченным числом глаголов: здесь можно назвать лишь глаголы **стоять, оставаться** и различные их формы.

*...Толстой стоит **на точке зрения** патриархального, наивного крестьянина, Толстой переносит его психологию в свою критику, в свое учение (В.И. Ленин. Соч., т. 16, с. 302). Другими словами: люди «привыкают» **стоять на точке зрения** материализма, считать ощущения результатом действия тел, вещей, природы на наши органы чувств (В.И. Ленин. Соч., т. 14, с. 31). По необычному многословию Постникова Артемьев понял, что тот раздражен; должно быть, имел неприятное объяснение с начальником штаба и, подчинившись, остался **на своей точке зрения** (К.М. Симонов).*

Падежная форма **на точке зрения** в словосочетании с глаголом служит для выражения объектных отношений, а в целом предложении выполняет функцию косвенного дополнения. Синонимические связи двух последних падежных форм фразеологической единицы аналогичны таким же связям формы в родительном падеже.

Так, синонимами к винительному и предложному падежам фразеологической единицы являются сочетания таких же глаголов с существи-

тельными **почва, позиция** соответственно в винительном или предложном падеже с предлогом **на**. Ср.:

*Возобновившаяся международная организация рабочего движения – в виде периодических интернациональных съездов – сразу и почти без борьбы стала во всем существенном **на почву** марксизма (В.И Ленин. Соч., т. 15, с. 18); (= стала во всем существенном **на точку зрения** марксизма).*

*Как было сказано выше, авторы данной книги сходятся в главном, поскольку они стоят **на позициях** марксистской диалектической логики и разделяют ее исходные принципы (А.С. Арсеньев и др.); (= стоят **на точке зрения**...).*

Итак, значение 'позиция' у фразеологической единицы **точка зрения** может проявиться в формах четырех падежей и во всех этих формах не нарушается семантическое тождество фразеологического целого. Поэтому неправомерно помещать формы винительного и предложного падежей в статьях, посвященных глаголам **становиться, стать, стоять**, как это сделано в Словаре современного русского литературного языка АН СССР¹¹⁶.

Неправомерно помещать **на точку (-е) зрения** в данных, глагольных статьях, во-первых, потому, что не только с ними сочетаются данные формы (см. предыдущие страницы нашей работы), во-вторых, потому, что, будучи связанной с глаголом, фразеологическая единица сохраняет именное значение, а не превращается в глагольную. Показательно в этом отношении толкование значения глагольных, по мнению авторов этих статей, сочетаний: **становиться на какую-нибудь точку зрения, на точку зрения** кого-, чего-либо. Начинать занимать ту или иную **позицию** (выделено нами. – А.Ч.) при рассмотрении, решении каких-либо вопросов¹¹⁷. В-третьих, компоненты сложного словосочетания как выполняли, так и продолжают выполнять каждый свою функцию и в словосочетании, и в предложении. Поэтому глаголы и отглагольные существительные, с которыми сочетается фразеологическая единица, остаются «словами-сопроводителями» (В.П. Жуков), не входящими в состав фразеологизма.

Ш. *Пятое значение* фразеологической единицы **точка зрения** еще в большей степени фразеологично, отличается от предыдущих четырех

¹¹⁶ Т. 14. С. 727–728: С. 797, С. 976.

¹¹⁷ Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.-Л.: АН СССР. – Т. 14. С. 727–728.

значений характером семантики, полной утратой категории падежа и фиксацией первого компонента в форме одного только падежа – родительного с предлогом **с**. Но так как эта форма не может быть противопоставлена другим падежным формам и так как значение этой падежной формы нетождественно ни одному из описанных четырех значений фразеологической единицы того же компонентного состава, то фразеологизм **с точки зрения какой** или **чего** следует рассматривать как фиксированную по форме с отдельным, самостоятельным значением, образовавшимся из переносного пространственного значения предлога **с**, служащего для указания на сторону, направление, в котором предмет подвергается действию¹¹⁸ и фразеологизма **точка (-и) зрения**, называвшего в форме родительного падежа сторону, часть какого-либо изучаемого, оцениваемого, рассматриваемого и т. д. научного предмета, объекта вообще.

В целом **с точки (точек) зрения какой или чего** значит '*с какой-нибудь стороны, с каких-нибудь сторон, в каком-нибудь направлении, отношении*'. Например.

Легальная русская пресса, переполненная статьями, письмами и заметками по поводу юбилея 80-летия Толстого, всего меньше интересуется анализом его произведений с точки зрения характера русской революции и движущих сил ее (В.И. Ленин. Соч., т. 15, с. 179). ...Пропандист заранее изучает состав будущих слушателей, прежде всего с точки зрения их общеобразовательной подготовки. А потом и с других точек зрения (Комс. пр. 1968. 15 мая). Что такое смех с точки зрения физиологической? (А.В. Луначарский. Соч., т. 6, с. 37).

Очень редко (по нашим материалам, в 38 карточках из 320) **с точки зрения** употребляется с семантическим оттенком '*в каком-нибудь отношении*'. Например:

Ведь считал же, например, А. Потебня, что и целое художественное произведение может быть с известной точки зрения приравнено к слову (В.В. Виноградов). Вдумываясь в этот монолог, приходится признать, что Шекспир отводит первое место среди мотивов «злодейских дел» Ричарда тому, что он «хром и гадок» и тем самым поставлен в исключительно невыгодное с точки зрения мирной жизни, с точки зрения придворной галантной культуры (А.В. Луначарский. Соч., т. 6. с. 317).

¹¹⁸ Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.-Л.: АН СССР. – Т. 13. – С. 14.

Фразеологическая единица в *пятом значении* сохраняет одну морфологическую категорию – число: ее первый компонент сохраняет способность получать то форму единственного, то форму множественного числа, и вся единица при этом имеет соответствующее форме значение числа.

Если в предложении говорится о том, что какой-то объект изучается с одной стороны, первый компонент употребляется в форме единственного числа, если с нескольких – то в форме множественного числа. Ср.:

*Воспроизведение достоверного облика исторического деятеля минувших дней, безусловно, интересно с самых **различных точек** зрения (Наука и человечество: сб., 1965, с. 97).*

*...Эти виды могли меня заинтересовать **с точки зрения** теологической, с точки зрения формации гор, например (И.С. Тургенев).*

Фиксация фразеологической единицы в одной падежной форме свидетельствует об очень больших изменениях в ее семантике, грамматических свойствах и функциях, синонимических связях.

Названное значение фразеологической единицы более противоречиво, чем предыдущие четыре значения. С одной стороны, оно обнаруживает отчетливую этимологическую связь со значением свободного сочетания (см. начало нашей работы), а с другой стороны, утратив все падежные формы, чего не произошло ни с другими значениями фразеологической единицы, ни, тем более, со свободным сочетанием, оно называет только способ рассмотрения, изучения какого-то объекта, отвечает только на один обстоятельный вопрос **как?**, а не называет предмета в широком значении этого слова.

Согласованное или несогласованное определение во фразеологической единице, в связи с изменением характера значения и утратой категории падежа, становится **обязательной структурой частью фразеологизма**, лексическое же содержание определения в каждом предложении новое. Оно (определение) ограничивает значение фразеологической единицы, конкретизируя способ рассмотрения, изучения какого-либо объекта. Чаще всего согласованные определения выражаются относительными прилагательными, такими как **историческая, семантическая, общественная, философская** и др. подобные; несогласованные определения выражаются существительными, такими как **правдивость, категория, значимость, соотношение, характер, сфера, происхождение, техника, расчет, материал, опыт, положение, физика, кибернетика, психология** и др. под. Например:

...Умственный труд, как и физический, во-первых, можно изучать с точки зрения организации принципов и приемов работы (Наука и жизнь. 1965. № 10. С. 20). Валерий Яковлевич Брюсов как поэт очень интересен для нас с чисто социологической точки зрения, то есть с точки зрения социального анализа явлений искусства... (А.В. Луначарский. Соч., т. 1, с. 433). Он (Ефимов) занимается в основном общими вопросами «образности речи» с точки зрения семантики слова (В.В. Виноградов). Такая уверенность существует в другом полотно, которое говорят, не бог весть что с живописной точки зрения (В.А. Солоухин). ...Процесс разделения изотопов урана представлялся хотя и возможным, но очень дорогим и сложным с инженерной точки зрения (Наука и жизнь. 1967. № 11. С. 79).

Если же надо подчеркнуть, что объект рассматривается с нескольких сторон или что рассмотрение, оценка его возможны не с одной, а с другой какой-то стороны, то при одном сочетании **с... точки (точек) зрения** употребляется несколько согласованных определений, конкретизирующих способ рассмотрения. Например:

Для макроскопических систем, состоящих из большого числа частиц, переходы к менее вероятным состояниям (т.е. сопровождающиеся уменьшением энтропии), хотя и не являются абсолютно невозможными, но их вероятность настолько ничтожна, что их следует считать возможными лишь с абстрактно-математической, а отнюдь не с физической точки зрения (Л.Б. Баженов). В. Бундт указывает, что изменения значения слов рассматривались прежде со следующих точек зрения: 1) исторической, 2) логической, 3) этической, 4) телеологической (Д.Н. Шмелев).

Подобного типа объединения определений невозможны с фразеологической единицей предыдущих четырех значений. Специфика анализируемого значения особенно ярко обнаруживается в ее синонимических связях. Так, в научной речи встречаются абзацы, синтаксические целые, в которых как синонимы употребляются такие языковые единицы – **с акой-нибудь точки зрения, под углом зрения каким или чего, с какой-нибудь стороны, всесторонне.**

В.В. Виноградов подошел к характеристике лексического значения слова с разных сторон. Во-первых, он определяет значение слова с точки зрения его непосредственной направленности на предметы и явления действительности... Во-вторых, им выделяются типы значений с точки зрения сочетаемости слов, выступающих в данных значениях

(Д.М. Шмелев). А.А. Барсов рассматривает предложение, как отмечает В.В. Виноградов, **всесторонне: «с логической, структурно-грамматической, интонационно-смысловой и экспрессивно-стилистической точек зрения** (с. 65) (Г.П. Фирсов). В них (работах. – А.Ч.) фразеологические явления рассматриваются либо **под стилистическим** (экспрессивные факты языка у Ш. Балли), либо **под лексико-графическим** (Х. Касарес), либо **под логико-психологическим**, а также в большой мере **этнографическим** (Л.И. Смит) **углом зрения** (Н.Н. Амосова // ВЯ. 1966. № 3).

Названные синонимические единицы употребляются, как правило, в одинаковых или близких по структуре синтаксических конструкциях и в одинаковом стилистическом окружении. Ср.:

Роман этот (Жизнь Клима Самгина. – А.Ч.) заслуживает весьма подробного разбора **со многих точек зрения** (А.В. Луначарский. Соч. т. 2, с. 170).

Изменения значений слов, связанные с переносом наименования с одного явления на другое, должны быть охарактеризованы также и **с точки зрения их предметно-семантической направленности** (Д.Н. Шмелев).

Это неравенство нельзя рассматривать **под углом зрения** отступления от некоего абстрактного идеала всеобщей уравнительности (Лит. газ. 1968. № 3)

Любое отражение можно рассматривать **с двух сторон**: по его содержанию и по его форме (Наука и жизнь. 1966. № 1).

Концепция вероятностной причинности может быть аргументирована еще и **со стороны** соотношения динамических и статистических закономерностей (Л.Б. Баженов).

С преобразованием характера значения и утратой категории падежа фразеологической единицы ограничился круг ее синтаксических возможностей. Помимо способности иметь при себе согласованное или несогласованное определение, она может еще занимать место примыкающего компонента в глагольных и адъективных словосочетаниях, выражая при этом обстоятельственные отношения. Например:

...«Переносное» **с исторической точки зрения**... (Д.Н. Шмелев);
...целесообразен **с практической точки зрения**... (Д.Н. Шмелев);
...рассматриваются **с точки зрения расширения значения**... (Д.Н. Шмелев), ...об обыкновенных **с точки зрения психологии** способах борьбы... (Наука и жизнь. 1966. № 3. с. 90); Дело было очень просто

и легко с духовной точки зрения (Л.Н. Толстой); ...не исследуются *стилистической точки зрения*... (В.В. Виноградов); ...изучать с *разных точек зрения* (Современный русский язык, ч. 1, МГУ, с. 22).

Фразеологическая единица занимает в словосочетании обычно контактную постпозицию. Далеко не всегда фразеологизм образует словосочетание, он может, не вступая в тесную связь с одним словом, относиться ко всему предложению, являясь обстоятельством образа действия или характеризуя с какой-нибудь стороны признак. Особенно часто функцию характеристики признака фразеологическая единица выполняет в тех предложениях, где она употребляется с оттенком 'в каком-нибудь отношении'.

Церковь с точки зрения своих интересов и своей политики была в высшей степени светской (А.В. Луначарский. Соч., т. 6, с. 329). *Когда в работе отсутствуют научные методы, то применяются стихийно сложившиеся, нередко варварские с точки зрения соотношения результатов и затраченных усилий* (Наука и жизнь. 1965. № 10. с. 20). Большой интерес с *точки зрения теории* надежности представляют такие вопросы, как методы многоступенчатого резервирования, методы автоматического изменения структуры... (Наука и жизнь. 1966. № 6. с. 8).

В первом и третьем примерах фразеологизм, не образуя словосочетаний, является обстоятельством образа действия и примыкает к сказуемому. В большинстве карточек наблюдается именно такая функция фразеологизма.

Ослабление синтаксической связи с одним словом, изменение лексического состава фразеологизма за счет определения увеличивают семантическую и синтаксическую самостоятельность всей группы в предложении и приводят к изменению роли фразеологической единицы в речи. Так, она может очень часто (в 74 случаях из 320) начинать предложение. Структура начинаемых ею предложений может быть различной. Если фразеологическая единица имеет определение, выраженное прилагательным или существительным, то предложение, в начале которого стоит фразеологизм, – чаще всего простое. Например:

С точки зрения химической кинетики эта проблема была почти совершенно не тронута (Наука и жизнь. 1966. № 6. с. 19). *С точки зрения фонетической проблема аканья – это фонетические варианты реализации в первом предударном слоге* (ВЯ. 1965. № 6. с. 60).

В этой и подобных конструкциях фразеологическая единица выполняет функцию обстоятельства, вынесенного в начало предложения для подчеркнутого смыслового выделения¹¹⁹. Если же фразеологическая единица имеет согласованным определением местоимения **эта** или **такая**, то она выполняет две функции – обстоятельства в том предложении, которое она начинает, и своеобразного указателя связи содержания этого предложения и предыдущего, без которого не может быть понято предложение с фразеологической единицей. В таких случаях неважно, разделяются точкой или запятой две конструкции. Например:

...Ослабляется окисление крови, а стало быть, и активность процесса в мозгу, так что, с этой точки зрения, есть опять-таки своеобразная демобилизация. (А.В. Луначарский. Соч., т. 6, с. 38).

Остановимся прежде всего на экономической стороне дела. С этой точки зрения атлантический блок нанес народам действительно фантастический ущерб (Лит. газ. 1966. 16 августа).

Единство этих противоположностей не есть единство вне познания возникших, «чисто онтологических» характеристик, а возникает именно как единство противоположностей, складывающихся в ходе огрубления действительности и постоянного преодоления этого огрубления, единство, выражающее неисчерпаемость, сложность, противоречивость реального мира. С такой точки зрения может быть, на наш взгляд, правильно осмыслен и сформулированный Нильсом Бором фундаментальный для раскрытия физического смысла квантовой механики принцип дополненности (Л.Б. Баженов).

Но связь с одним членом предложения, и в первую очередь со сказуемым, может ослабевать до такой степени, что фразеологизм вместе с определением может стать и становится вводным сочетанием (в 22 случаях из 320). Например:

Краковская база оказалась полезной: вполне «окупился» (с точки зрения дела) наш переезд в Краков (В.И. Ленин. Соч., т. 35, с. 43). Наше необычное появление оказалось, с чисто зрелищной точки зрения, даже эффектным (М. Галлай). Отличительными чертами Короленко, с точки зрения содержания, была всегда широчайшая гуманность (А.В. Луначарский. Соч., т. 1, с. 379).

¹¹⁹ Грамматика русского языка АН СССР, т. 2, ч. 1, с. 692.

Фразеологическая единица вместе с определениями может употребляться в неполных предложениях с пропущенным сказуемым, служащих заголовками параграфов, разделов, глав в монографиях, учебных пособиях, сборниках упражнений и т. д. Такие заголовки имеют одинаковую структуру: именительный падеж, называющий объект, который будет рассмотрен, описан, + фразеологическая единица, называющая одну сторону, с которой будет рассмотрен и т. д. объект. Например:

Глава XII. Теория электролитической диссоциации

§ 93. Свойства кислот, оснований и солей с точки зрения теории электролитической диссоциации (Н.Л. Глинка. Общая химия). Лексика современного русского языка с точки зрения экспрессивно-стилистической (Н.С. Валгина и др. Сборник упражнений по современному русскому языку).

И, наконец, фразеологическая единица с определением может употребляться в качестве заголовка без какого либо другого словесного окружения. Например:

С точки зрения жизни (заголовок статьи М. Златогорова. Лит. газ. 1966. 16 августа). *С точки зрения искусства* (Лит. газ. 1966. 20 октября).

Большая фразеологичность сочетания в пятом значении сказывается и в способности фразеологизма сокращаться по объему, «редуцироваться»¹²⁰ (хотя и очень редко – в 12 случаях из 320) употребляться без определения или без второго компонента. Например:

...Косвенные падежи, относимые к определению по причинам неграмматическим, т.е. потому, что могут быть заменены согласуемыми прилагательными (сын отца – отцовский сын) или потому, что отвечают на известные вопросы (какой, чей и пр.), должны быть причислены к разряду грамматического объекта. Эти косвенные падежи с грамматической точки означают предметы, мыслимые не в другом предмете, а вне его, хотя независимо от своего словесного выражения могут быть мыслимы не как субстанции, а как атрибуты (А.А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I–II, с. 107).

– Впрочем, виноват! Я и забыл, что номера вы взяли в приданое... Виноват! Хотя, Впрочем, если взглянуть с нравственной точки, – продолжал Халявкин, покачиваясь, – то вы все-таки не должны кипятиться... (А.П. Чехов. Соч., т. 5, с. 389–390).

¹²⁰ А. М. Бабкин. Русская фразеология, ее развитие и источники. – Л., 1970. – С. 104–105.

Во всех цитатах с опущенным вторым компонентом (**зрения**) первый компонент остается с тем же значением, что и вся фразеологическая единица, в той же падежной форме, обладает теми же синтаксическими свойствами и выполняет те же синтаксические функции. Оставшийся первый компонент как бы вбирает в себя значение опущенного компонента, семантически обогащается¹²¹ и продолжает функционировать в языке так же, как и целая фразеологическая единица.

Если же фразеологическая единица употребляется без определения, то она воспринимается как неправильная, разрушенная¹²², потому что в сохранившейся форме нет обязательного для нее значения. Например:

С точки зрения бери, Анна Васильевна, свою жись (из записи говоров Шадринского района). *Капитан: Впрочем, ежели взглянуть на это с точки зрения, то Иван Николаич поступил весьма существенно* (А.П. Чехов. Соч., т. 2, с. 275).

Я человек образованного класса, при деньгах, но ежели взглянуть на меня с точки зрения, то кто я? Бобыль, все равно, как какой-нибудь ксендз (А.П. Чехов. Соч., т. 6, с. 227).

Фразеологическую единицу в таком виде, как приведено в этих цитатах, употребляют в своей речи люди, не владеющие литературным русским языком, в речь же героев художественных произведений она вводится писателем с определенной стилистической целью.

Все охарактеризованные значения фразеологической единицы **точка зрения** находятся в сложных многосторонних отношениях между собой. Так, между значениями имеется определенная семантическая связь, которая обнаруживается в том, что каждое предшествующее значение соотносится с последующим как частное с общим; например, значение 'взгляд на что-нибудь' менее обобщенно по сравнению со значением 'особое мнение по какому-нибудь вопросу', а это значение менее обобщенно, чем третье – 'научная мысль, концепция', это последнее, в свою очередь, менее обобщенно, чем значение 'позиция'.

Четвертое и пятое значения занимают несколько особое положение по отношению к первым трем значениям. Особенность этого положения заключается в том, что четвертое значение, с одной стороны, связано с третьим тем, что тоже называет предмет в широком смысле слова, и

¹²¹ А.М. Бабкин. Русская фразеология, ее развитие и источники. – Л., 1970. – С. 105.

¹²² См. об этом: В.В. Виноградов. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М., 1963. – С. 47.

в том, что включает в себя элемент значения 'концепция' как составную часть позиции, основы для каких-либо поступков, действий, оценок и т.д., а с другой стороны, уже включает в себе элемент того, что можно назвать стороной, с которой производятся действия, поступки, оценки и т. п.

Пятое значение обособляется даже от четвертого потому, что в нем развивается значение способа (стороны, с которой изучается объект) и совсем утрачивается значение предметности.

Все значения фразеологической единицы по степени связи между собой можно разделить на три группы. В первой группе оказываются значения 'взгляд на что-нибудь', 'особое мнение по какому-либо вопросу' и 'научная мысль, концепция'; во второй и третьей – соответственно 'позиция, принципиальное отношение к кому-, чему-нибудь' 'с стороны какой или чего'. Если семантическая граница между группами значений весьма отчетлива, то границы между значениями первой группы в некоторых случаях весьма неопределенны и подвижны. Здесь можно было бы привести цитаты, в которых значение фразеологизма **точка зрения** можно было бы передать и как 'взгляд', и как 'особое мнение', и как 'научная мысль, концепция'. Особенно трудно разграничивать первое и второе значения, если фразеологическая единица не управляет соответственно вин., дат., или пр. падежами отдельного имени. Например, в предложении «**Точка зрения** психолога: великий принцип гуманизма в том и состоит, чтобы дать максимум развития всем детям, а не только избранным» (Лит. газ. 1967. № 42) значение фразеологической единицы с одинаковой степенью точности можно определить и как 'взгляд на что-нибудь', и как 'особое мнение по какому-либо вопросу', а в предложении «Неожиданного... сторонника подобной же **точки зрения** я обнаружил во время войны в лице нашего командира полка...» (М. Галлай) значение фразеологической единицы можно передать и как 'взгляд на что-нибудь', и как 'особое мнение по какому-либо вопросу', и как 'концепция'.

Группы значений фразеологической единицы отчетливо различаются по функционированию в них категории падежа. Так, в первой группе значений категория падежа жива, функционирует полностью, во второй группе она (категория падежа) ограничена формой 4 падежей (им., род., вин. и пр.), в третьей – категория падежа как таковая отсутствует, сохранилась только одна форма без противопоставления ее другим падежным формам.

По приведенной ниже таблице можно судить о соотношении значения и парадигматических способностей фразеологической единицы, о продуктивности разных падежных форм¹²³.

Значение фраз. ед.	Характер значения	Падежные формы					
		Им.	Род.	Дат.	Вин.	Тв.	Пр.
III. С какой-нибудь стороны	способ действия	-	320 «С»	-	-	-	-
II. Позиция, принципиальное отношение к чему-, кому-нибудь	предмет-понятие	3	63 «С»		29 «на»	-	25 «на»
I. Взгляд на что-нибудь; особое мнение по какому-либо вопросу; научная мысль, концепция.	предмет-понятие	85	120 из них 54 «С»	30	80	23	5

Как показал имеющийся в нашем распоряжении материал, фразеологическая единица **точка зрения** во всех ее значениях и во всем разнообразии грамматических форм является принадлежностью различных стилей (научного, публицистического, художественного) современного русского литературного языка. Ее стилистическая характеристика, если судить об этом по упоминавшемуся уже исследованию Ю.С. Сорокина, не изменилась с 30-х годов XIX века.

В результате анализа семантики фразеологической единицы **точка зрения**, ее морфологических, синтаксических, синонимических и функциональных свойств мы пришли к следующим выводам:

1. Семантика фразеологической единицы находится в тесной связи с ее грамматическими свойствами. Эта связь обнаруживается в своеобразном функционировании морфологической категории падежа, присущей всей фразеологической единице как семантически целому, но формально выраженной только в одном слове-компоненте.

¹²³ Цифрой обозначено количество карточек, а кавычками выделен 'предлог, с которым употребляется данная падежная форма.

2. Падеж, как грамматическая категория, присущ не только отдельным изменяемым словам, но и фразеологическим единицам, образовавшимся из этих слов, если значение всего фразеологизма не препятствует образованию падежных форм, в которых не нарушается семантическое тождество фразеологической единицы.

3. Способы оформления падежа фразеологической единицы определяются грамматическими свойствами изменяемого главного компонента фразеологизма и остаются теми же, какие были присущи отдельному слову, ставшему главным компонентом фразеологизма, но самый набор формальных падежных средств определяется семантикой фразеологической единицы.

4. Каждая падежная форма фразеологической единицы функционирует в речи с определенными падежными значениями, которые определяются семантикой фразеологизма. Его падежные значения не отличаются от таких же значений отдельных слов, передающих значение фразеологической единицы или синонимичных ей.

5. Падеж фразеологизма, как падеж отдельного имени, проявляется в способности падежной формы быть главным или подчиненным компонентом словосочетания с определенным типом синтаксической связи и определенными синтаксическими отношениями.

6. Отдельные падежные формы фразеологизма обладают таким грамматическим значением, которое проявляется только во всем предложении, а не в сочетании с отдельным словом.

7. Для каждой падежной формы фразеологизма характерна своя система синтаксических функций.

8. Синтаксические свойства и функции падежной формы фразеологизма изменяются с изменением значения фразеологической единицы.

9. Разносторонние синонимические связи фразеологизма проясняют вопрос и о его значении, особенно если фразеологизм многозначен, и о значении данной падежной формы.

10. Полнота падежных противопоставлений фразеологизма зависит от степени обобщенности его значения, что особенно отчетливо проявляется в многозначных фразеологических единицах типа **точка зрения, поле зрения, угол зрения**. С наименее обобщенным значением (в этой работе первая группа значений) фразеологизма связан полный набор падежных форм, если изменяемый компонент обладает такой формальной способно-

стью (ср. отсутствие формы предложного падежа во фразеологизме **угол зрения**). С увеличением степени обобщенности значения фразеологизма парадигматическая подвижность его вообще уменьшается.

11. Уменьшение парадигматических противопоставлений или полное их исчезновение у фразеологической единицы связано с изменением характера ее семантики.

12. Высокая частотность отдельных падежных форм фразеологизма свидетельствует, с одной стороны, о продуктивности данной падежной формы с данным падежным значением как в отдельном слове, так и во фразеологизме, а с другой стороны, о полном соответствии значения фразеологизма его грамматической падежной форме. Наиболее частотными падежными формами для фразеологической единицы **точка зрения** являются именительный, винительный, родительный падежи. Из падежных форм, утративших противопоставленность другим падежным формам, самой частотной следует признать форму родительного падежа с предлогом **с**.

13. Категория падежа в многозначном фразеологизме движется от неограниченного функционирования ее к ограниченному и затем к утрате категории как таковой, если изменяется характер значения фразеологической единицы.

14. Грамматическая, падежная, форма находится в единстве со значением и в подчинении у значения фразеологической единицы.

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ И ЗНАЧЕНИЕ ФОРМ ИЗЪЯВИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ

I

В русской грамматике в течение XX века много внимания уделялось изучению морфологических категорий (МК). В это время стали широко известными работы В.В. Виноградова, С.Д. Кацнельсона, П.С. Кузнецова, Ю.С. Маслова, А.В. Бондарко, Н.С. Авиловой, Н.С. Поспелова, М.М. Глухман, А.А. Зализняка, П.А. Соболевой, В.Н. Ярцевой, Н.Ю. Шведовой, Г.А. Золотовой, А.И. Моисеева и др.

Во второй половине XX века объектом морфологических исследований стали фразеологизмы в работах В.В. Виноградова, В.П. Жукова, В.Л. Архангельского, фразеологов Челябинска. Выводы, полученные в результате этих исследований, позволили по-новому взглянуть на целый ряд «старых» морфологических проблем, сформулировать ряд положений, которые нельзя было вывести при анализе только лексического материала.

Некоторые достижения научной грамматики в области морфологии нашли отражение в учебных монографических и коллективных трудах этих лет. (См. монографические труды А.Н. Гвоздева, В.М. Никитевича, А.И. Моисеева и коллективные учебные пособия по курсу современного русского языка под редакцией В.В. Виноградова, Е.М. Галкиной-Федорук, Н.М. Шанского и другие).

Продолжая и развивая принципы изучения МК, заложенные в трудах классиков Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова, В.А. Богородицкого, П.С. Кузнецова, современные грамматисты построили схему анализа и описания МК русского языка. Последние рассматривают их со стороны формального устройства, внешних средств выражения, общих и частных значений.

Общепризнанными положениями считаются следующие: а) МК представляет собой совокупность форм и средств их выражения; б) каждая форма противопоставлена другой (-им) форме (-ам) внутри одной категории; в) МК имеет общекатегориальное значение, распространяющееся на все ее формы; г) каждая форма имеет общее значение и сово-

купность выражающих его грамматических средств; д) кроме общего, каждая форма имеет несколько частных значений; е) общие и частные значения форм находятся между собой в коррелятивных отношениях как основных и синонимических.

Названные принципы лежат в основе системно-структурного описания категорий лица, вида, времени глагола, числа глагола и существительного.

Однако в современной научной и учебной грамматике есть такие модели описаний МК, в которых последние получают своеобразную трактовку. Например, признается совокупность форм, составляющих какую-то категорию, но при этом утверждается, что одна обязательная форма не имеет ни внешних средств выражения, ни своего значения. Или утверждается, что МК в одной части имеет значение биологического пола, а в другой, большей, – вообще не имеет значения, является «чисто» грамматической, пустой. Отсутствие единства в осмыслении и описании МК объясняется, как мы думаем, действием многих причин, среди которых нужно выделить уровень развития языкознания, общий системно-структурный взгляд на язык с изгнанием или, вернее, с непризнанием человеческой духовности в нем [Караулов, 1, с. 19 и след.], уровень развития науки о «человеке говорящем», о языковой личности [Караулов, 1], уровень развития смежных с грамматикой разделов языкознания, мощное влияние традиции в понимании сущности тех или иных грамматических категорий.

В настоящей работе речь пойдет об изъявительном наклонении как об одной из форм одноименной категории.

На протяжении всего XX века русские грамматисты считали и считают изъявительное наклонение одной из форм категории наклонения наряду с повелительным и условным (сослагательным).

Особое место занимают классификации А.А. Шахматова и Д.Н. Овсяннико-Куликовского. Шахматов находил шесть наклонений – изъявительное, в нем вопросительное и восклицательное; недействительное, предположительное, потенциальное, повелительное, сослагательное, которому соответствуют желательное и условное [Шахматов, 24, с. 481–486].

Овсяннико-Куликовский, напротив, ограничивал категорию наклонения двумя формами – повелительным и сослагательным наклонением [Овсяннико-Куликовский, 2, с. 118, 125]. При почти всеобщем признании изъявительного наклонения оно получает по существу отрицательную

характеристику. В одних трудах его называют «нулевой, негативной грамматической категорией» [Виноградов, 3, с. 462], А.М. Пешковский называет наклонение, как и время, синтаксической категорией и, следовательно, выводит ее за пределы морфологии [4, с. 86 и след.].

Определение «нулевая» повторяют авторы учебных пособий для вузов в главах, посвященных изъявительному наклонению [Горшкова, 5, с. 347; она же с. 164; Плотникова, 7, с. 355] называет изъявительное наклонение «номинативным грамматическим значением». В других трудах не только подчеркивается связь изъявительного наклонения со временем, но объединяются эти две категории в особую категорию время-наклонение [Н.С. Поспелов, 8, с. 206 и след.], таким образом, отрицается изъявительное наклонение как одна из форм трехчастной грамматической категории.

Скрытое или явное отрицание названной формы наклонения наблюдается в освещении вопроса о средствах его выражения. Почти всеобщим является мнение об отсутствии материальных показателей у этой формы. П.С. Кузнецов рекомендует относить к наклонениям «лишь различные глагольные формы, которые выражают отношения действия к действительности» [Кузнецов, 11, с. 285]. Изъявительное наклонение он считает одной из форм категории наряду с повелительным, условным и сослагательным (там же). Однако несколькими строчками ниже приведенных рекомендаций пишет: «С морфологической точки зрения изъявительное наклонение не характеризуется никакими особыми показателями, но отличается от остальных наклонений тем, что глагол в изъявительном наклонении изменяется по временам, тогда как другие наклонения времен не имеют» (там же, с. 286). А.В. Плотникова хотя и заявляет, что категория наклонения – это система противопоставленных друг другу рядов форм, характеризующихся определенными средствами выражения, системой форм изъявительного наклонения объявляет «всю систему временных форм [9, с. 618–619]. Такого же мнения придерживался А.Н. Гвоздев [10, с. 304] и др.

А.А. Шахматов, в отличие от всех упомянутых грамматистов, не только не отрицает средств выражения наклонения, но приводит целую совокупность средств, называя их морфологическими: 1) глагольные формы этого наклонения; 2) глагольные формы вспомогательного глагола в предложениях, где сказуемое выражено существительным или прилагательным; 3) формы инфинитива; 4) повелительное наклонение для выражения прошедшего времени с оттенком внезапности и неожиданно-

сти; 5) глагольное междометие; 6) деепричастие [24, с. 481]. Не со всем названным корпусом средств согласны современные грамматисты, но это уже другой вопрос.

Нельзя сказать, что вопрос о значении форм изъявительного наклонения решался бы в XX веке непротиворечиво. Ряд ученых в монографических и коллективных трудах отрицает значение у этой формы. Так, Овсяннико-Куликовский [2] отрицал изъявительное наклонение на том основании, что оно «не выражает ничего, что должно выражаться наклонением». Кузнецов [11], как и Овсяннико-Куликовский, отрицал способность форм изъявительного наклонения выражать отношение действия к действительности [с. 285].

В гораздо большем количестве трудов форме изъявительного наклонения приписывается значение реального действия, осуществляющегося в настоящем, осуществленного или осуществлявшегося в прошлом и могущего осуществиться в будущем. Виноградов [3] в 1947 считал, что изъявительное наклонение «служит для простого констатирования, утверждения или отрицания действия в настоящем, прошедшем и будущем. В нем сообщение о действии представляется прямым отражением действительности. В формах изъявительного наклонения никак не выражено эмоционально-волевое отношение субъекта к действию. Формы изъявительного наклонения «объективны» [3, с. 462]. В принципе так же объясняет значение изъявительного наклонения А.И. Моисеев [12, с. 211]. Авторы академических грамматик отождествляли и отождествляют значение изъявительного наклонения со значением временных форм. В.М. Никитевич [13] также высказывал мысль о том, что формы изъявительного наклонения выражают реальность связи между действием и его субъектом в настоящем, прошлом или будущем [с. 181]. Однако отрицая прямо или косвенно модальные значения форм изъявительного наклонения или приписывая им значения временных форм, грамматисты, как правило, отмечают большое количество «модальных оттенков», которые в предложении выражаются сочетанием форм изъявительного наклонения с различными частицами *бывало, было, как будто, будто бы, якобы* [Виноградов, 3, с. 462–464]; Никитевич [13] называет и описывает модальные оттенки возможности/невозможности, готовности совершить действие, оттенок нежелания и др. Моисеев выделяет отдельный пункт «Частные или переносные значения изъявительного наклонения», в котором описывает модальные значения, выражаемые несколькими средствами – отрицани-

ем в сочетании с формой сов. в., буд. вр.; частицами *едва ли, чуть не, чуть было не*; частицей *было* [12, с. 213].

Как видно из обзора литературы, к концу XX века содержательная сущность изъявительного наклонения не была раскрыта, в абсолютном большинстве грамматических трудов значения этой формы наклонения приписываются значениям форм времени и вида.

В существующей теории 1) не только не решен, но даже не поставлен вопрос о причинах столь высокой частотности этой формы, несравнимой с частотностью двух других форм категории; 2) отсутствует сколько-нибудь серьезная попытка выявить языковые средства реализации основного грамматического значения этой формы – характеризовать действие «с точки зрения говорящего», 3) не выявлена причина зависимости значения изъявительного наклонения от уровня развития психологии, психолингвистики, нейропсихологии, физиологии, от границ знаний об окружающем мире у языковой личности; 4) современный уровень знаний об изъявительном наклонении не опирается на теорию о средствах выражения грамматических категорий, отсюда – заявление о том, что названная форма не имеет своих средств выражения, хотя из этого в течение века, а вернее веков, по традиции повторяемого мнения следует единственно логичный вывод – если изъявительное наклонение не имеет собственных средств выражения, значит, его нет в категории, нет в языке вообще; 5) в учении об изъявительном наклонении не используется активно разрабатываемая теория семантической структуры глагольного слова и такой же структуры слова любой другой части речи; 6) следствием неизученности природы самой частотной формы наклонения оказывается в сущности неизученной более широкая, синтаксическая категория модальности, центром которой является так называемая объективная модальность, создаваемая категорией наклонения как «грамматическим грунтом предложения, уже имеющим модальное значение» [Виноградов, 14, с. 70].

II

1. Обсуждение вопроса о средствах выражения изъявительного наклонения следует начать, по моему мнению, с выяснения особенностей флексий русского языка.

Среди известного набора средств выражения грамматических категорий аффиксация и в ней флексии занимают первое место [Кузнецов, 15, с. 19]. Не подвергая сомнению это положение, считаю необходимым обратить внимание на следующие особенности этих аффиксов.

Флексии существительного в русской грамматике принято делить на родовые, числовые, падежные, хотя одна и та же флексия выражает одновременно все категории этой части речи. Так, флексия *-ой* (вод-*ой*) указывает на женский род, единственное число, творительный падеж, флексия *-у* (стран-*у*) указывает на женский род, единственное число, винительный падеж. Не требует доказательства мысль, что категории рода, числа, падежа – разные категории. Подчеркнем еще раз – будучи разными, они выражаются одной флексией. Та же закономерность действует при выражении рода, числа, падежа прилагательных.

Флексии глагола называются личными, хотя одновременно они указывают и на совершенно другую категорию – число; в глаголе прошедшего времени флексией выражается категория рода и числа. Кроме названных категорий, флексии глагола выражают категорию времени в формах настоящего и будущего простого, и, хотя флексии в таких глаголах неоднозначны в зависимости от вида, названная форма выражения третьей, исключительно глагольной, категории ни у кого из ученых не вызывает сомнения. В трудах самого высокого научного ранга – академических грамматиках – читаем: «Личные формы настоящего времени выражаются личными окончаниями» [16, с. 474], «Будущее время глаголов совершенного вида по своим формам не отличается от настоящего времени глаголов несовершенного вида» [там же, с. 475]; в Грамматике современного литературного русского языка [7] и в Русской грамматике [9] указывается, что формы настоящего и будущего простого не имеют специальных показателей и выражаются флексиями «со значением лица и числа» [7, с. 357, с. 627].

Такого же мнения придерживаются авторы учебных пособий для вузов. Из сказанного видно: в грамматической теории XX века господствует противоречивая по своей сути концепция средств выражения грамматических категорий глагола. С одной стороны, утверждается, что каждая МК глагола состоит из совокупности противопоставленных форм, каждая из которых, в свою очередь, имеет собственную систему средств выражения; с другой стороны, без мотивации утверждается, что личные флексии имеют значение двух категорий – лица и числа; с третьей стороны, две формы категории времени – настоящее и будущее простое – не имеют специальных показателей; с четвертой – категория времени названных форм времени выражается флексиями со значением лица и числа. Противоречивость названной концепции простирается дальше:

категории наклонения, как было показано выше, тоже отказывается в собственных средствах выражения и утверждает, что последняя выражается формами времени, при этом как будто забывается, что категории времени, точнее, двум ее формам, тоже отказано в наличии специальных средств выражения. Указанное старое противоречие грамматической теории логично снимается, если признать, что флексии нужно квалифицировать не по тому, какую категорию они выражают, а по тому, в какой части речи они выполняют роль выразителей МК, то есть квалифицировать их как флексии существительных, прилагательных, глаголов и других морфологически изменяемых частей речи. Такая квалификация флексий является правомерной потому, что она покоится на концепции полифункциональности или многозначности флексий каждой изменяемой части речи, на что имеются указания как общего, так и частного характера, не получившие, к сожалению, распространения и применения в грамматической теории. Так, В.Н. Ярцева пишет: «В языке многообразию содержания противостоит ограниченное число форм. Это противоречие снимается благодаря тому, что существует широкая возможность комбинирования этих форм, что, кроме того, большинство форм полисемантически» [17, с. 25]. И далее: «Реализация и уточнение одного из значений полисемантической формы создаются контекстом, следовательно, также комбинированием ряда форм. Типы сочетания языковых форм устойчивы и определены как по отношению к каждому отдельному языку, так и по отношению к различным сторонам языка [там же, с. 26].

А.И. Моисеев, анализируя, средства выражения лица и числа глаголов, прямо указывает, что «формы категории лица в пределах настоящего и будущего времени (простого и сложного)... одновременно являются и показателями форм числа» [12, с. 204], и дальше: «Формы числа в пределах личных форм настоящего и будущего времени изъявительного наклонения ... совмещаются с показателями форм лица в одном многозначном показателе» (подчеркнуто мной. – А.Ч.) [там же, с. 295]. Концепция многозначности флексий, функционирующих в одной части речи, в нашем случае – в глаголе, позволяет по-новому взглянуть на проблему средств выражения настоящего, будущего простого времени и изъявительного наклонения и однозначно утверждать: флексии выражают все категории глагола – лицо, число, настоящее, будущее простое и изъявительное наклонение. Принимая во внимание органичную связь изъявительного наклонения со временем, к средствам выражения этой формы

наклонения следует отнести аналитическую форму будущего сложного и суффикс как показатель прошедшего времени.

2. Следующее средство выражения изъявительного наклонения является одновременно и средоточием значения этой формы. Я имею в виду глагольное слово как структурное целое, отличающееся большой сложностью. Активно разрабатываемое учение о соматической структуре глагольного слова, представленное в известных трудах Л.М. Васильева [18], Л.В. Кузнецовой [19], Л.А. Уфимцевой [20], Р.М. Гайсиной [21] и др., во многом приоткрыло завесу сложнейшего понятия «лексическое значение» и приблизило время решения другой грамматической проблемы – средств выражения изъявительного наклонения. На помощь учению о семантической структуре слова спешит не менее активно разрабатываемое учение о семантической структуре фразеологизма. К настоящему времени фразеология располагает таким количеством трудов по названной проблеме, что не представляется возможным в статье привести их список. Для решения вопроса о средствах выражения изъявительного наклонения особенно важно выделение в структуре лексического и фразеологического значения специальных коннотативных элементов значения, подчеркивание антропоморфизма и антропоцентризма этих единиц, выделение потенциальной образности в значении слова, учет его словообразовательной структуры и синтаксических связей. Ю.Н. Караулов называет следующие составляющие структуры слова: «Оно обладает определенной семантической структурой, осложнено социальным и эмоционально-экспрессивным компонентами значения, содержит начатки знания и формирует определенное понятие о мире, потенциально заряжено образностью, членится на значимые части, включает правила формально грамматической изменяемости, отражает фонетические закономерности составляющих его звуков, в нужный момент обнаруживает скрытые свои синтаксические связи» [1, с. 158]. Из приведенного доказательства действительно «невероятной сложности строения слова» (Караулов) для обсуждаемой здесь проблемы новыми и особенно значимыми являются следующие слагаемые: потенциальная заряженность образностью, членение на значимые части и способность обнаружить в нужный момент скрытые свои синтаксические связи.

3. Потенциальная образность значения глагола или процессуального фразеологизма присутствует в каждой единице в качестве элемента до тех пор, пока глагол или фразеологизм является единицей словаря или

фразеологического справочника. А когда эта единица по выбору говорящего поступает в речь, потенциальная образность, или модальность, становится реализованной образностью. Значимые части слова, в нашем случае – глагола, не остаются в стороне от выражения модальности изъявительного наклонения. Проявляется это в том, что некоторые приставки и суффиксы, не говоря уже об основе, в глаголах вне фразеологизмов и во фразеологизмах являются носителями потенциальной образности. Например, в глаголах расплескать, разбросать, приставка **раз-/рас-** создает зрительный образ действия, направляемого в разные стороны; в глаголах приплясывать, припевать приставка **при-** в сочетании с суффиксами **-ыва-, -ва-** создает зрительный и слуховой образ сопроводительного действия. Приставка **на-** в глаголах насорить, напылить, набросать является средством создания в глаголах значения высокой степени проявления действия. Когда такие единицы по выбору говорящего поступают в речь, их потенциальная образность превращается в реализованную образность. Общие замечания о роли лексического значения глаголов в выражении значений изъявительного наклонения есть у В.М. Никитевича [13, с. 184] и А.И. Моисеева [12, с. 213].

Любопытная характеристика русского глагола содержится в высказывании преподавателя Пекинского университета Хуана Сухуа, переводчика с китайского на русский: «Самое действенное, самое живое и взволнованное слово в русском языке – это глагол: он обозначает действие и состояние субъекта» [25, с. 50].

4. Потенциальные синтаксические связи глагола, реализуемые говорящим при построении словосочетания или предложения, становятся средством выражения разнообразных модальных значений.

4а. В предикативной связи глаголов с разными по характеру значения субъектами создаются и выражаются разные модальные значения. Так, в предложении *Земля вертится* (пример Фердинанда Брюно цитируется по книге В.В. Виноградова [14, с. 57]) выражается не «объективная идея», как считал Ф. Брюно, а гордость, восхищение открытым законом. В предложении *Она (девушка) вертелась возле моей квартиры: пеньё и прыганье не прекращалось ни на минуту* (М. Лермонтов. Тамань) личной формой вертелась выражено удивление от непонимания цели такого поведения девушки. В предложении *Даже рискуя надоест матери, он (Порфиша) постоянно вертелся у нее на глазах* (М.С.-Щедрин. Господа Головлевы) личной формой вертелся выражается чувство презрения.

4б. В синтаксических связях личных глаголов с наречиями и фразеологизмами также выражаются определенные модальные значения. Например, в предложении *Н.Н. хорошо поет* глагольной формой вместе с наречием выражается эмоциональная оценка удовольствия или удовлетворенности. В предложении *Н.Н. отлично поет* выражается восхищение, на высокую положительную оценку указывает наречие отлично. В предложении *Н.Н. посредственно поет* выражено чувство неудовлетворенности. В предложении *Н.Н. плохо поет* выражено чувство разочарования, досады. В каждом из приведенных примеров основное модальное значение – удовлетворенности, восхищения, неудовлетворенности, разочарования или досады в сочетании с значением оценки действия со стороны говорящего с необходимостью выражается сочетаниями личных глагольных форм с наречиями хорошо, отлично, посредственно, плохо. Аналогичную функцию выполняют качественно-обстоятельственные фразеологизмы в сочетаниях с личными глаголами. Например, *Общее внимание смутило Привалова. Он многих совсем не знал, но его, очевидно, знали все и теперь с чисто провинциальным ненасытным любопытством глядели во все глаза* (Д. Мамин-Сиб.). В сложном синтаксическом целом выражено сложное модальное содержание, объективное и субъективное. Объективное модальное значение зрительного образа в сочетании с оценкой легко извинительного осуждения выражено словосочетанием глагольной формы и качественно-обстоятельного фразеологизма, обозначающего высокую степень проявления действия – **глядели во все глаза**. В предложении *Решал дома задачки по математике, сидел на уроках, бегал сломя голову по школьным коридорам, жил, как все ребята* (В. Тендряков) словосочетанием **бегал сломя голову** выражено удовлетворение ярким проявлением здоровья, фразеологизм обозначает высокую скорость движения и создает зрительный образ.

4в. Совершенно определенные, типовые модальные значения создаются сочетанием личных форм процессуальных единиц с лексическими и фразеологическими частицами. Показателен в этом отношении ряд частиц *было, чуть было не, едва ли, чуть не*, выражающих «прерванность осуществления действия» [В.В. Виноградов, 3, с. 463] в сочетании с процессуальными единицами. Академик А.А. Шахматов называл сочетания глагольных форм с названными частицами «недействительным наклоном» [Шахматов, 24, с. 485].

Модальность уподобления, сомнения выражается сочетанием частиц как, словно, будто, как будто с процессуальными единицами. *Замок словно висит в небе. Луна как будто плывет из облака в облако. Слушатели как будто заснули. Березы словно приветствовали путников. Ты как будто не знаешь, что она уехала. И вдруг он слышит, чудесный холм как будто дышит* (А.С. Пушкин). Частица бывало в сочетании почти со всеми глагольными формами изъявительного наклонения участвует в выражении такого давно прошедшего действия, которое в спокойном воспоминании разворачивается или всплывает перед мысленным взором говорящего. Например: *Бывало, писывала кровью Она в альбомы нежных дам* (А. Пушкин. Евгений Онегин). *Ждут, бывало, с юга: глядь – Ан с востока лезет рать* (А. Пушкин. Сказка о золотом петушке). Однако частица бывало, в отличие от частицы было, является средством выражения частной модальности, а не общей.

В.В. Виноградов, несмотря на то, что квалифицировал в 1947 году изъявительное наклонение как нулевую категорию, одновременно признавал, что «сочетанием модальных слов и частиц с разными формами изъявительного наклонения выражает множество модальных оттенков высказывания. Возникает ряд модальных конструкций аналитического типа» [3, с. 460].

5. И наконец, еще одно средство выражения, имеющее непосредственную связь одновременно с несколькими сторонами языка и речевой действительностью человека и общества. Мы имеем в виду интонацию (ср. лат. *intonation otintono* – громко говорю). Как отмечается в Энциклопедическом лингвистическом словаре, в высказывании интонация выполняет несколько функций: различает коммуникативные типы высказывания – побуждение, вопрос, восклицание, повествование, импликацию (подразумевание); различает части высказывания соответственно их смысловой важности, выделенности; оформляет высказывание в единое целое, одновременно расчленяя его на ритмические группы и синтагмы; выражает конкретные эмоции; вскрывает подтекст высказывания; характеризует говорящего и ситуацию общения. Две первые функции относят интонацию к системе языка, остальные связаны с речевой сферой [22, с. 197–198]. Заметим здесь, что три последние функции интонации прямо относятся к обсуждаемому вопросу о средствах выражения наклонения.

В словарной статье, посвященной интонации, Словарь современного русского литературного языка приводит четыре значения: 1. Совокуп-

ность звуковых средств языка, организующих речь. 2. Тон или оттенок речи, выражающий какое-либо чувство. В качестве оттенка второго значения приводятся сочетания существительного *интонация* с качественными прилагательными, обозначающими чувства, социальные отношения человека: покровительственные, властные, задумчивые и т.п. 3. *Разг.* Чье-либо произношение; какая-либо особенность в произношении. 4. *Спец.* Звуковысотное соотношение тонов в мелодии. Для обсуждаемого здесь вопроса важны первые два замечания, в которых интонация характеризуется как грамматическое средство. В.В. Виноградов отмечал роль интонации в выражении модальных значений, «оттенков», как он говорил, некоторых форм времени глагола, о чем речь пойдет дальше. А.А. Шахматов связывал существование «вопросительного» и «восклицательного» наклонения с наличием у них разных интонаций [24, с.482]. П.С. Кузнецов относил интонацию к грамматическим средствам. Он писал: «Интонация используется для выражения различных отношений говорящего к высказываемому» [15, с. 37].

О большой, если не определяющей роли интонации в создании и передаче живой человеческой позиции в высказывании говорят великие мастера сцены, писатели или их герои. Например, Линев говорил медленно, и записать было нетрудно. Но нельзя было передать тех оттенков слова, тех пауз, тех сверкающий взгляда, той иронии и интонации, которые составляют настоящую музыку слова (В.Т. Короленко. История моего современника). Чтобы владеть вниманием зрительного зала, чтобы передать зрителю мысль, настроение, чувство, актер пользуется многообразными средствами – жестом, ритмом, паузами, интонациями (Н. Черкасов. Из записок актера). (Князь Василий) говорил на том изысканном французском языке... и с теми тихими, покровительственными интонациями, которые свойственны состарившемуся в свете и при дворе значительному человеку (Л. Толстой. Война и мир).

В грамматике уже решенным можно считать лишь вопрос о роли интонации в выражении воли говорящего особого типа предложения – побудительного. Здесь уместно вспомнить, что форма, похожая на побудительную, но лишенная побудительной интонации, квалифицируется как омонимичная повелительной. *Шепотки волосков лиса не пожалей, Остался б хвост у ней (И.А. Крылов). Девуца платок уронила – ты поднимай, она входит – ты вставай и давай свой стул, уходит – ты провожай (Чехов. Женское счастье).* Каждый знающий русскую грамматику скажет, что в первой фразе выражено условие. Во второй – долженствование, но ни в

одной из них не выражена воля, хотя и условие, и долженствование тоже человеческие характеристики, они устанавливаются, осмысляются и выражаются «с точки зрения говорящего», с антропоцентрической точки зрения, но окрашиваются интонацией не побуждения, а условия, долженствования. Вот такая тщательно описанная квалификация форм в их зависимости от интонации, от человеческого духа есть прорыв системно-структурной грамматики в антропоцентрическую. И таких «прорывов» мы можем вспомнить немало. Говоря другими словами, решение вопроса о роли интонации в выражении модальных значений побуждения можно квалифицировать как начало положительного решения вопроса о роли интонации в выражении модальных значений всех форм наклонения, в том числе изъявительного.

Задача изучения роли интонации в выражении модальных значений изъявительного наклонения осложняется действием нескольких объективных условий: особой материальной природой интонации, ее способностью быть не только выразительной, но и содержательной в сочетании с семантико-грамматическим составом предложения, способностью накладываться на высказывание в целом или его части, как бы окрашивает их фонетически или иным модальным отношением.

(Существенные стороны интонации называет балерина Надежда Павлова при объяснении тайн рождения образа в своем танце. – А как он рождается, ваш танец? – Чисто интуитивно. В моей работе есть вполне четкая прямая: интуиция – образ. А вот раскрыть тайну такой четкости, пожалуй, не сумею. Слово в этом процессе не участвует. Я не могу сказать: я сделаю так, так, и только так. Интуиция пластики – словно интонация у голоса. Чувствуешь, как ты сейчас должен произнести фразу. Именно сейчас, в данную минуту (Комсомольская правда, 6 марта 1985).

В этом объяснении обращают на себя внимание следующие моменты: интонация сравнивается с интуицией ('чутьем, догадкой') [23, т. 5, с. 414], осознается она как материальное свойство голоса (внешней речи, как сказали бы лингвисты), принадлежит интонация целой фразе, которую говорящий (обобщенное **ты**) должен произнести «сейчас, именно сейчас, в данную минуту».)

Интонационные характеристики возможны и существуют только как индивидуальные, на первый взгляд кажутся бесконечно разнообразными и не поддающимися какой-либо классификации, тем не менее они носят национальный характер и органично связаны с модальным значением глагола-сказуемого, эмоциональной и рациональной оценкой, вы-

ражаемой в предложении. Так, национальными являются интонации сожаления, подозрения, сомнения, опасения, страха, радости, устремленности, неодолимости, неминуемости, целенаправленности, торжественности, гордости, восхищения, напряженности, раздражения, недоумения, доверия, недоверия, уверенности, неуверенности, печали, отчаяния, скорби, тоски, доброжелательности, предостережения и все другие.

6. Изъявительное наклонение отличается от многих форм других морфологических категорий тем, что не может быть выражено каким-либо одним из названных выше средств, как, например, падеж существительного, вид, лицо глагола, число существительного и глагола и т.д. Изъявительное наклонение выражается только сочетанием средств, обязательным компонентом которого должна быть и является интонация: лексическое значение глагола + интонация, фразеологическое значение + интонация, словообразовательная структура глагола + интонация, сочетание процессуальной единицы с наречием или качественно-обстоятельственным фразеологизмом + интонация и т.д. Доля участия интонации в выражении модального значения в разных сочетаниях разная: в предложениях, где, кроме глагола, других средств нет, доля участия интонации очень большая, в предложениях, где глагол употребляется в сочетании с наречием, качественным фразеологизмом или частицей, доля участия интонации понижается; то же наблюдается в конструкциях, где в качестве сказуемого употребляется процессуальный фразеологизм, обозначающий действие высокой или низкой степени интенсивности, сочетающейся с ярко выраженной оценочностью, например, лезть на стену, днеть и ночевать, ходить ходуном, катить бочку (на кого-л.) смаывать удочки, морочить голову (кому-л.), ломать голову (над чем-л.).

Однако доля интонации в выражении модального значения никогда «не равняется нулю», интонация никогда не становится избыточной, даже если по выражаемому «смысловому тону» она оказывается близкой к модальному значению глагола-сказуемого, что следует считать закономерным, так как на глагол-сказуемое «расходуется» лишь часть интонации всего данного предложения.

III

Выше я назвала ряд причин, действием которых объясняется неразработанность учения о значении самой частотной формы наклонения. Среди них главными, на мой взгляд, являются уровень развития языко-

знания, при котором не только не решается, но не ставится вопрос о первичности интеллектуального и вторичности вербального языка, недостаточное развитие психологии и психолингвистики, недостаточный, можно сказать зачаточный, уровень развития науки о «человеке говорящем», о языковой личности.

Ниже я постараюсь охарактеризовать частные значения форм изъявительного наклонения исходя из своей многолетней педагогической практики, используя отдельные замечания в современной русской грамматике, которая никогда не была только системно-структурной, но была и есть в какой-то степени антропоцентричной; используя знания по грамматике фразеологизмов и идеи о промежуточном языке – языке мысли в изложении Ю.Н. Караулова [1]. Так как это новая концепция и она способна, по-моему, объяснить, пусть в первом приближении, феномен значения форм изъявительного наклонения, я отваживаюсь привести выдержки, которые прольют определенный свет на обсуждаемую проблему.

Существенными свойствами промежуточного языка, как считает Ю.Н. Караулов, являются универсальность, изобразительно-образная природа и, следовательно, непроизносимость, системное устройство, субъективность, нейтральность (в данном случае имеется в виду независимость от национального языка, т.е. вненациональный характер), посредничество (промежуточность) между деятельностью интеллекта и речепроизводством, предметность, знаковая сущность и, наконец, в содержательном плане опора не на семантику (значения), а на смысл (знания) [с. 185]. Промежуточный язык – это промельк искры в нашем уме, след которой иногда остается на заднем фоне нашей внешней речи [с. 188], ... мыслительный «ряд» на промежуточном языке, который при продукции речи движется параллельно внешнему ряду, с большим или меньшим... его опережением, содержит ... все – или потенциально все – типы элементов этого промежуточного языка, а вовсе не языковые знаки (слова) [с. 188–189]. Типами элементов Ю.Н. Караулов называет образы, гештальты, схемы, фреймы, диаграммы, слова (под словами имеются в виду не слова внешней речи, а слова-символы, внутренние слова, обладающие высокой смысловой емкостью, играющие роль смысловых вех при понимании и продуцировании текста. Такие слова, по Л.С. Выготскому, обладают предикативностью как главным признаком внутренней речи, или промежуточного языка).

Знак отливаётся в свою чеканную форму, становится знаком, облекшись в одежды социальности, без которой нет знаковости вообще [с. 208].

Промежуточный язык – это язык представления знаний в человеческом интеллекте, а названные типы элементов этого языка – это способы представления знаний [с. 209]. ...Вербализация, языковое оформление выступает как важнейшее знаковое средство материализации духовных знаний, причем для осуществления акта передачи, акта коммуникации знания должны быть трансформированы в значения, должны быть переданы средствами языковой семантики. Знание само по себе внеграмматично, амодально и синкретично по отношению к предмету и действию (его или над ним), значение же всегда опосредовано грамматикой, отягощено частеречными, категориальными, модальными ограничениями, на нем лежит печать межзнаковых отношений [с. 209].

Внешней языковой единицей, в которой реализуются, актуализируясь, приобретают окончательную «чеканную» грамматическую форму все или почти все структурные элементы промежуточного языка, закономерно является предложение, а в нем прежде всего и в абсолютном большинстве случаев – простое глагольное сказуемое, выраженное глаголом или процессуальным фразеологизмом в форме изъявительного наклонения.

Характер, структура, функции языка мысли, условия, пути и способы его вербализации оказались существенным основанием утверждения о наличии у изъявительного наклонения собственного общего значения, отличного от общих значений других грамматических категорий процессуальных единиц. Им следует признать значение реального образа (зрительного, акустического, двигательного и др.). Процессуальная единица русского языка может обозначать (и часто обозначает) такое действие, в котором слиты два образа или больше, например, зрительный и двигательный, двигательный и акустический и т.д. В таких случаях правомерно говорить о том, что их общим значением является значение реальных образов. Наряду со специфическим общим значением формы изъявительного наклонения имеют совокупность собственных частных значений, которые нужно квалифицировать как разнообразные рациональные и эмоциональные оценки и, шире, отношения, исходящие от говорящего. Частные значения изъявительного наклонения, в свою очередь, качественно отличаются от частных значений других грамматических категорий процессуальных единиц.

Высказанному положению не противоречит еще одно: будучи самостоятельными, общие и частные значения форм изъявительного наклонения органично связаны с общими и частными значениями других категорий, именно связаны, а не подчинены какой-нибудь из них. (Ср. мнение Поспелова [8, с. 206 и др.], Кузнецова [11, с. 286], Плотниковой [9, с. 618–619].)

Психологи и психолингвисты, занимающиеся внутренней речью и разрабатывающие учение об образном характере промежуточного языка, прежде всего называют зрительный образ, что совершенно закономерно, если помнить, что через зрение человек получает очень высокий процент информации, затем акустический, звуковой и, наконец, двигательный. Думаю, что промежуточный язык формируется на основе образов, которые соответствуют всем органам чувств человека, а не только зрению и слуху. Поэтому, кроме названных, должны быть и имеются в языке мысли обонятельные, осязательные и вкусовые образы.

Двигательный образ по своей структуре самый сложный. Он вызывается в промежуточном языке не только механическим, физическим движением, перемещением, но любой деятельностью – трудовой, физической, психической, интеллектуальной, творческой, имеющей обязательно внешние проявления, прежде всего зрительные. Однако неразработанность в психологии и психолингвистике психологических характеристик разнообразной деятельности человека, отсутствие классификации эмоций заставляют лингвистов, занимающихся проблемами грамматики, в частности квалификацией рациональной и эмоциональной оценки тех или иных действий и, шире, деятельности, оценки, исходящей от говорящего, быть в какой-то части своих квалификаций неточными, не всегда корректными. Из сказанного следует: не дожидаясь, когда в науках, смежных с языкознанием, появятся точные данные о внешнем выражении психической, интеллектуальной деятельности человека, максимально учитывать семантическую структуру лексического и фразеологического значения, роль слов, форм, конструкций, непосредственно связанных с глаголом в каждом конкретном предложении, роль ближайшего синтаксического окружения, роль интонации в ее грамматически синтезирующей и модально-дифференцирующей функциях (В.В. Виноградов, 4, с. 377).

Образ, сосредоточенный в процессуальной единице изъявительного наклонения, имеет как бы две стороны – одну, внешнюю, выраженную лексическим или индивидуальным фразеологическим значением, созда-

ющую общее значение какого-либо одного образа или сочетания нескольких образов, и другую, внутреннюю сторону, создающую рациональную или эмоциональную оценку, исходящую от говорящего. Вторая сторона образного значения может быть дополнительно выражена наречиями, частицами, окрашена специфической интонацией, избранной говорящим, а если глаголов-сказуемых несколько, то и расположением однородного ряда.

Весна входит в тундру робко и неуверенно. Останавливается. Оглядывается. Испуганно замирает под неожиданным нордом, ежится под метельным остом и все-таки идет, идет... (Б. Горбатов. Обыкновенная Арктика).

Глагольные формы входит, останавливается, оглядывается, идет создают картину из нескольких образов: двигательных – входит, останавливается, идет, зрительных и двигательных одновременно – оглядывается, замирает, ежится. Дополнительно зрительно-двигательный образ создается метафорическими значениями глаголов, особенно входит, останавливается, оглядывается, замирает, ежится, наречиями робко, неуверенно, испуганно. Частное значение неодолимости, обязательности процесса наступления весны создается частицей все-таки, повторением лексемы идет и соответствующей этому значению интонацией.

В тексте *Арсений долго еще стоит на берегу и глядит, как бредет по льду старик, перепрыгивает через трещины, обходит забереги, проваливается в бродный мокрый снег, падает, подымается и снова идет* рядом глаголов-сказуемых в придаточном предложении создается два образа – двигательный и зрительный; глаголы обходит, проваливается, падает, подымается, идет употреблены в своих основных значениях, относятся к семантической категории действия, группы движения. Характер лексического значения каждого глагола в ряду создает образ движения, совершаемого субъектом с трудом. Частное значение целеустремленности подчеркивается расположением глаголов движения: от непрямолинейного движения (обходит) через преодоление препятствий (проваливается), прекращение движения (падает), изменение положения (подымается) к прямолинейному движению (идет) и наречием снова.

Двигательный образ может сочетаться с акустическим: *Мелодия росла, подымалась, бушевала, как ветер, неслась по вершинам деревьев, срывала листья, качала траву, била в лицо прохладными брызгами (К. Паустовский. Корзина с еловыми шишками).*

Двигательный образ создают глаголы становления (росла), движения (подымалась, неслась), действия, направленного на объект (срывала листья, качала траву, била в лицо брызгами). Но, учитывая характер субъекта (мелодия), общее значение следует квалифицировать как акустический образ. Частное значение большого эмоционального напряжения создается особым расположением глаголов-сказуемых, подчеркивающих нарастающую интенсивность звучания (росла, подымалась, бушевала) и вызывающих звуковые и осязательные образы, близкие героине (неслась по вершинам, срывала листья, качала траву, била в лицо прохладными брызгами).

Потенциальная образность слова, помещенного в определенные синтаксические условия, становится реализованной образностью с определенной рационально-эмоциональной оценкой.

Так, в тексте *В подводном положении скорость стала еще большей. Росла и росла глубина погружения. Все, кто находился в центральном посту, смотрели на стрелки указателей и молчали, понимая, что присутствуют при рождении новой эпохи – эпохи советского атомного подводного флота* (Г. Савичев. Правда. 1982 г. 24 июля) глагольный ряд **росла и росла** создает зрительный образ как основу чувства глубокого удовлетворения происходящим, а глаголами **смотрели и молчали** создается зрительный образ напряженного внимания и выражается частное значение – чувство гордости за свою Родину.

В тексте ... *(Матрос) каждый раз видел на карте одну и ту же картину: белое поле, перечеркнутое сеткой меридианов и параллелей (1). И все (2). Так день за днем (3). Неделя за неделей (4). А в этот раз он вдруг на самой краешке карты разглядел очертание суши (5). Увиденное потрясло его (6)* выражено сложное образное содержание. В предложении (1) выражено чувство обыденности и чувство скрытого ожидания увидеть землю. В предложении (5) глаголом разглядел и наречием вдруг выражен зрительный образ, вызвавший мысль о скорой возможности увидеть землю. В последнем предложении глаголом потрясло выражено чувство безграничной радости, ликования, вызванного удивлением.

Обонятельные образы так же естественны в промежуточном языке, как двигательные и другие, хотя они менее развиты у современного человека и, вероятно, потому реже используются во внешней речи. В тексте *На холме он (дядя Терень) останавливается, поднимает голову и, совсем как старый седой олень, нюхает воздух. Пахнет влажной, сырой землей, болотом, стоячей*

водой, травой, перепревшей под снегом, – терпкие, ржавые запахи тундры. Ветер несет их на дядю Тереня (Б. Горбатов. *Обыкновенная Арктика*). Умение квалифицировать запахи свидетельствует, как считает говорящий, о том, что человек этот опытный, старожил здешних мест.

Звуковые образы выражаются во внешнем языке глаголами, относящимися к группе звучания. Такими лексемами в тексте *Буря мглою небо кроет, Вихри снежные крутя, То, как зверь, она завоет, То заплачет, как дитя, То по кровле обветшалой вдруг соломой зашумит, То, как путник запоздалый, к нам в окошко застучит* (А. Пушкин. *Зимний вечер*) являются глаголы **завоет, заплачет, зашумит, застучит**.

IV

В литературе, посвященной значениям форм наклонения, остро дискутируется вопрос о правомерности включения значения чувства, эмоций в состав модального значения. Шахматов, например, вообще считал значение чувства основным значением наклонения. Он писал: «Наклонением называется словесное выражение чувства связи между субъектом и предикатом» [24, с. 481]. И дальше: «Морфологические наклонения те, которые выражают чувства между субъектом и предикатом предложения в формах глагола» (там же). Виноградов, напротив, критикует Ф. Брюно «и отчасти Шахматова» за то, что первый «вслед за анализом» способов выражения таких модальных оттенков, как возможность, уверенность, очевидность, сомнение, неправдоподобие или невероятность и т.п. тут же рассматривает синтаксические и лексические формы выражения таких «модальностей чувства», как ожидание, надежда, беспокойство, боязнь, изумление, согласие, одобрение, удовлетворение, безразличие, отказ, неудовольствие и т.п. [14, с. 62] и далее в качестве вывода заключает: «Необходимо проводить принципиальную четкую грань между разными эмоциональными формами выражения реакций на действительность и модальной оценкой отношения высказывания к действительности, хотя обе эти сферы речевых явлений... находятся между собой в самом тесном взаимодействии» (там же).

Шахматов, как представитель психологического направления в языкознании, ближе стоял к пониманию антропоцентричности языка и, в частности, к пониманию сущности образного, модального значения наклонения, потому что ставил во главу угла «чувства связи между субъектом и предикатом», то есть «точку зрения говорящего», как теперь определяется грамматическое значение наклонения. Шахматовское «чув-

ство связи между субъектом и предикатом», по моему мнению, это проявление во внешнем языке универсальности и одновременно субъективности промежуточного языка (Караулов, 1, с. 185).

Грань между двумя вышеназванными рядами эмоций если и существует, то только как непринципиальная, основанная на большей или меньшей выраженности средствами внешнего языка модальных, образных значений. Образ, «модус», не может быть не связанным с эмоциональной оценкой, со значением отношения, потому что это его (образа) вторая сторона. Четкую грань надо проводить, по моему мнению, между модальным значением наклонения процессуальных единиц и модальным значением целого предложения, между так называемыми объективной и субъективной модальностями, хотя эти две модальности очень тесно связаны между собой.

Эмоциональная и рациональная оценки, исходящие от говорящего, могут отчетливо выражаться исключительно глаголами изъявительного наклонения, «без поддержки» наречий, частиц и других средств. В таких текстах большая роль в осознании выражаемой оценки принадлежит лексическому значению глаголов, шахматовскому «чувству связи между субъектом и предикатом» и интонации, которую слушающий, и особенно читающий, может осмыслить и воссоздать такой, какой ее индивидуально и одновременно социально выразил говорящий или пишущий. Модальный фундамент и модальная оценка совпадают в таких текстах, их анализ особенно труден для учащихся, драматических актеров и чтецов.

В тексте *Диспетчер объявил всем полярным станциям: «Ввиду того, что радиоузел будет все время работать с Огуречной Землей, связь с остальными станциями прекращается до... до исхода родов»*. Все замерли (Б. Горбатов. Обыкновенная Арктика) глагольными формами **будет работать, прекращается, замерли** выражаются автором чувства напряженности, ответственности, чувства опасения и страха. Двигательный, слуховой и зрительный образы в тексте *Когда все корабли отплыли, все самолеты улетели, а на бухту, скованную льдом, пал первый зимний пушистый снег, в арктическом эфире наступили тишина и порядок, радисты облегченно вздохнули, а Степан Тимофеич, впервые за три месяца, взглянул в зеркало. И обомлел* (Б. Горбатов. Обыкновенная Арктика), выражаемые глагольными формами **отплыли, улетели, пал, наступили, вздохнули**, вместе создают рациональную и эмоциональную оценку – закономерный отдых, пришедший на смену напряженному труду. А последнее предложение,

выраженное глагольной формой **обомлел**, содержит результат зрительного образа – чувства удивления.

Лексическими значениями глаголов, выражающих двигательные, зрительные, слуховые образы в нижеприводимом тексте, создается глубокое чувство фантастичности, сказочности происходящего: *К черным озерам ночью сходятся индийские женщины. Со свечами. Звонят в тонкие колокольчики. Вызывают из воды священных черепах. Их кормят. В ореховую скорлупу свечи вставляют. Пускают по озеру. Ищут судьбу. Гадают. Живет в Индии красота* (Н. Рерих).

Выявить эмоциональную или рациональную оценку намного легче, если в тексте употреблены однородные сказуемые, которые своим лексическим или фразеологическим значением, «чувством связи между субъектом и предикатом» создают ту или иную модальную оценку. Используя глаголы, в промежуточном языке связанные с двигательными и зрительными образами, автор передает читателю чувство глубочайшего уважения к «хирургу по профессии и складу души», приехавшему в осваиваемую Арктику, когда пишет: *...больница ему нужна не какая-нибудь, а вполне благоустроенная... Потому он сам при разгрузке баржи таскал на своей спине ящики с оборудованием... Он сам и строгал и пилил, мастерил какие-то палочки, сутился около плотников, сам выкрасил белой масляной краской стены, покрыл линолеумом пол* (Б. Горбатов). Чувство связи между субъектом и предикатом (хирург работал как грузчик, столяр, плотник, маляр, строитель) и лексические значения глаголов-сказуемых являются средством создания оценки хирурга, основанной на определенных образах.

В следующем отрывке из воспоминаний А.А. Леонова о выходе в космическое пространство глаголы, оформившие двигательные, зрительные и слуховые образы, выражают чувство ликования, которое испытал сам говорящий. Реальной основой такого отношения к действительности, кроме лексических значений глаголов, является фразеологическое значение единицы **дух захватило**. Во всем отрывке чувство ликования выражается еще наречиями, частицами, восклицательными местоимениями и восклицательной интонацией неглагольных предложений.

Уже в конце первого витка, над Камчаткой, открыли шлюз. Я в него перешел. И вот уже по пояс торчу из наших космических «сеней». Первое впечатление? Солнце. ... Слепит невозможно. (...) А небо при этом очень черное, звездное. Звезды и вверху, и внизу. Солнечная ночь! Или звездный день? Вышел очень просто. Встал на обрез люка, и ... дух захватило. Все Черное море целиком видно.

Кавказ подо мною! Да еще слева просматриваются Балканы, Италия, справа на горизонте – Балтика... Такую красоту до сих пор ни один человек не видел! (...) Оттолкнулся от порога, поплыл на длину фала. (...) Плыву и слышу в наушниках торжественный голос Павла: «Я – Алмаз! Человек вышел в космическое пространство! Находится в свободном плавании!» Никак не соображу сначала: кто же это такой туда вышел? (Комс. пр. 1983. 18 марта).

О таких рациональных оценках, как напряженность, тщательность, длительность умственно-физической деятельности говорящего, приводящей исследователей к новым знаниям, информируют глаголы в следующем тексте: *Вцепившись в стену короткими лапками и опершись на развернутый хвост, он (самец шурки. – А.Ч.) **принимается** долбить твердую глину чуть приоткрытым клювом, как бы выщипывая ее, с яростью **дергает** тонкие травяные корешки. Маленькая ниша на глазах превращается в штольню, птица **забирается** в нее и там **работает** уже в другом положении, выбрасывая искрошенный грунт лапками. Самка в это время **сидит**, прицепившись рядом с выходом, тихонько и нежно журча – все, мол, спокойно. Щепотки песка или пыли **могут лететь** из норы прямо ей на голову, она только **щурится** и **отряхивается**, не покидая поста. Вдруг самец, прервав работу, **вылезает** хвостом вперед, **делает** над обрывом широкий **вираж**, **схватывает** на лету какого-то жучка, **преподносит** его самке и снова **забирается** в нору. Поработав еще немного, **уступает** место в тоннеле ей, а сам **занимает** ее пост, негромко и ласково щебеча по-своему. На такую двухсменную работу **уходит** минут двадцать-тридцать, а потом оба **улетают** охотиться, стряхивая в полете приставшие к перу пылинки (Наука и жизнь. 1983. № 6. С. 169).*

Характерные для данного класса птиц сложнейшие инстинкты орнитолог передает, кроме общенациональных, неспецифических глаголов движения, зрительного и слухового восприятия, использованных в прямых значениях, с помощью сочетаний фразеологизмов, наречий, частиц с глагольными формами: **на глазах превращается, вдруг вылезает, снова забирается, только щурится и отряхивается.**

В тексте *Как и все радисты узла, Степан Тимофеич **дневал и ночевал** на радиостанции, а между вахтами **спал** в аккумуляторной, скорчившись на узкой скамейке, подложив форменную тужурку под голову. Через несколько часов его уже **будили**; он **окунал** голову в пожарную бочку со студеной тундровой водой, **фыркал**, как морж, **обтирал** усы и **заступал** на вахту (Б. Горбатов. Обыкновенная Арктика)* рациональная оценка реального труда как напряженного, вызывающего у говорящего чувство гордости за одного из тех, кто осваивает Арктику, передается фразеологизмом **дневал и ночевал**

(‘находился постоянно’) и глаголами разных семантических категорий, основанных в промежуточном языке на двигательных, слуховых, зрительных образах.

V

Изъявительное наклонение, как самая богатая по грамматической семантике форма категории, способно обозначать побуждение, выражаемое лексическим значением глаголов речи или такими же по значениям фразеологизмами. В значениях таких единиц содержатся семы рационально-эмоциональной оценки, избираемой говорящим. Например, **велеть, советовать, рекомендовать, наказывать, приказывать, указывать, просить, разрешать, (с)командовать, запрещать, требовать, молить, (от)дать приказ, дать обет (обещание), давать/дать совет, давать/дать (честное) слово.**

Царь Салтан с женой протяся, На добра коня садяся, Ей наказывал себя Поберечь его любя (А.С. Пушкин. Сказка о царе Салтане). Дал гонцу такой приказ: Ждать царева возвращенья Для законного решенья (А.С. Пушкин. Там же). Прощай, письмо любви! Прощай: она велела. Как долго медлил я! Как долго не хотела Рука предать огню все радости мои!.. (А.С. Пушкин. Сожженное письмо).

При названных и подобных единицах нередко употребляется инфинитивная форма, обозначающая действие, которое должно совершаться другими лицами: велела ему сжечь, наказывал ей поберечь себя; наказала мне купить ей платок; просила его узнать. Интонация в таких конструкциях констатирующая, передающая звуковой образ реального жесткого, умеренного или мягкого побуждения.

Формами изъявительного наклонения может быть выражено значение желания, то есть такое грамматическое значение, которое является общим значением форм сослагательного наклонения. При этом модальные различия создаются исключительно грамматическими средствами: формами изъявительного наклонения выражается активно проявляемое и четко осознаваемое желание, страсть. Например: *Хочу я с небом примириться, Хочу любить, Хочу молиться, Хочу я веровать добру (М. Лермонтов. Демон). Я новым для меня желанием томим: Желаю славы я, чтоб именем моим Твой слух был поражен всечасно (А.С. Пушкин. Желание славы).* Формами сослагательного, желательного наклонения теми же глаголами **хотеть, желать, жаждать** и подобными, напротив, говорящий выражает пассивное или неотчетливо осознаваемое им то же чувство. *Желал бы я быть вашим другом. Хотел бы он приехать ненадолго.*

Таким образом, только приведенные выше факты, исключая все другие, о которых шла речь в настоящей статье, свидетельствуют, во-первых, о том, что все три формы наклонения, а не только повелительное и сослагательное, имеют свойственные только каждой из них грамматические и антропоцентрические образные значения, и, во-вторых, формы изъявительного наклонения исключительно своими средствами могут выразить значения, закономерные для повелительного и сослагательного наклонения.

VI

Наречия на *-о*, *-е* выполняют важнейшую функцию конкретизатора, уточнителя, более четкого выразителя того или иного образа, заложенного и большей частью обозначенного формой изъявительного наклонения. Сами названия этого ряда наречий: качественные, определительные, образа действия – как нельзя более точно указывают на основную их роль в глагольном предложении. Глагольные формы, не будучи способными точно выразить образ, заложенный в лексическом или фразеологическом значении, как бы «поручают» выразить эту часть модального значения наречию (*-ям*), превращая его (*их*) в синтаксическое средство выражения морфологической категории; наречия в таких конструкциях «отбирают» на себя часть интонации целого предложения, о чем речь шла выше.

Так, в тексте *Он (Игнат) льет бензин осторожно, бережно, боясь пролить хоть каплю...* (Б. Горбатов. Здесь будут шуметь города) наречия **осторожно, бережно** уточняют двигательный образ и выражают эмоциональную и рациональную оценку. В тексте *Он (Игнат) долго стоит и насмешливо смотрит на горы, тундру, на небо* наречие **долго** выражает временную, рациональную оценку, а наречие **насмешливо** соответственно – эмоциональную оценку зрительного образа.

Костик кашляет долго и мучительно (Б. Горбатов. Там же). Наречия **долго** и **мучительно** выражают рациональную оценку длительности двигательного образа и чувство острого сожаления говорящего к обозначенному глаголом болезненному состоянию.

Глаголы, сочетающиеся с качественными наречиями, являются в большинстве своем базовыми, общеупотребительными, имеют чрезвычайно сложную семантическую структуру, которая позволяет им иметь широкие синтаксические связи и реализовать разные рационально-эмоциональные или эмоционально-рациональные оценки в каждом кон-

кретном сочетании. Например: *Радист спокойно записывает*; *Радист лихо записывает*; *Радист размашисто записывает*; *Радист внимательно записывает*; *Радист быстро записывает*; *Радист отчетливо записывает*. Или *Н.Н. удовлетворенно засмеялся*; *Н.Н. весело засмеялся*; *Н.Н. торжествующе засмеялся*; *Н.Н. вызывающе засмеялся*.

Во всех приведенных примерах глаголами **записывает**, **засмеялся** выражены реальные двигательный и звуковой образы. Во всех примерах широта обозначенных глаголами двигательного и звукового образов ограничивается, конкретизируется наречием.

Рассматриваемая под таким углом зрения функция наречий позволяет по-иному решать ряд грамматических вопросов. Например, о причинах преимущественно контактной позиции наречий на -о, -е в сочетании с глаголами или вопрос о расширении корпуса лексических средств, создающих аналитические глагольные конструкции.

(В современной грамматике считается, что аналитические конструкции создаются только сочетанием неполнозначного слова с полнозначным (Н.В. Солнцева, В.М. Солнцев. 26, с. 83). Думается, точнее говорить, что эти все вопросы не имеют пока однозначного решения в русской грамматике. Положение осложняется тем, что в теории по изъявительному наклонению бесспорным считалось и считается то, что оно есть в системе форм наклонения, но лишено своих собственных форм и значений, о чем речь шла в начале работы.

VII

Предлоги, союзы, частицы как служебные части речи получили в современной грамматической теории разную по глубине характеристику. Так, предлоги характеризуются как средство выражения формы и значения категории падежа имен с предметным значением, союзы – как средство связи компонентов, слов и форм в различные синтаксические конструкции и связи между частями сложного предложения. Частицы же, как класс, не имеют такой четкой характеристики. Между тем признается бесспорным то, что формообразовательные частицы «служат» глаголу и являются средством создания аналитических форм наклонения – условного и повелительного. Все же многообразие других частиц русского языка в настоящее время «не приписано» ни к морфологии, ни к синтаксису. Во многих грамматических трудах о частицах говорится как о словах, выражающих различные значения: сомнения, нерегулярной второяемости, осуществившегося действия, высокой степени и длительно-

сти эмоционального состояния и многие, многие другие (Шведова Н.Ю., 9, с. 723–731). Однако при этом не обращается принципиального внимания на то, что частицы – служебные слова и при выражении разнообразнейших значений обязательно связаны с одной и той же формой одной части речи или с разными формами разных частей речи и занимают либо свободную, либо закрепленную синтаксическую позицию.

На наш взгляд, частицы следует делить на два типа формообразовательные и модальные. К формообразовательным, кроме тех, которые образуют формы условного и повелительного наклонения, закономерно отнести большую группу частиц, употребляющихся исключительно с формами изъявительного наклонения и выражающих определенные, закрепившиеся за каждой из них модальные значения. К таким частицам относятся **было, бывало, чуть (было) не, только и, едва не, так и, так и не** с формами прошедшего времени, **бывает, только что не, так и, не** между двумя формами глагола (типа **едет / не едет**) с формами настоящего времени, частицы **как, нет-нет (да) и** – с формами будущего времени.

Так, частица **было** вносит значение действия осуществившегося, но или прерванного, не доведенного до конца, или не приведшего к желаемому результату, не достигшего цели. *Рассказывали, что князь Василий и старый граф взяли было за итальянца; но итальянец показал такие записки от несчастной покойницы, что его тотчас отпустили* (Л. Толстой. Война и мир).

Частицы **чуть (чуть-чуть) (было) не, едва (было) не, только что не** обозначают близкое к осуществлению, но не осуществившееся действие. *Через двенадцать лет станция «СП-24», которую вы также организовали, чуть не повторила «эксперимент» с островом Жанетты. Она тогда почти столкнулась со скалами* (Правда. 1982. 10 апреля).

Частица **знай** придает значение необусловленности, свободы действия: *...река знай звенит свое* (Б. Горбатов). *Чему обрадовался сдуру? Знай колет: всю испортил шкуру* (И. Крылов. Крестьянин и работник).

Вероятно, многозначная, частица **как бы** в сочетании с глагольными формами настоящего времени выражает значение уподобления: **как бы продолжают, как бы соперничают, как бы получает**. *Со стороны кажется, что эта необычная гонка как бы пульсирует: то ускоряет, то замедляет бег* (Комс. пр. 1985. 24 февраля). *Памятник о многом напоминает и как бы вселяет надежду* (Правда. 1985. 6 марта).

Есть частицы, которые не ограничены связью с одной формой времени глагола изъявительного наклонения. *Лефорт не раз пытался склонить Петра снять осаду. Но воля Петра будто закаменела* (А.Н. Толстой. Петр I). *Идет и словно не видит никого* (из разг. речи).

Многозначная частица **как** в сочетании с глаголом изъявительного наклонения создает значение внезапности, неожиданности действия: **как вскрикнет, как засмеется, как ударил, как принялся**. *Как пустился я по улице бежать* (К. Чуковский).

К модальным следует относить все те частицы, которые выражают разнообразные рациональные и эмоциональные отношения говорящего к высказываемой или высказанной мысли, сочетаются с формами разных частей речи и с разными неизменяемыми частями речи, в том числе и с непредикативными формами глагола, занимают разные позиции в предложении, способны, особенно если это фразеологические частицы, образовывать определенные типы предложений – восклицательные, вопросительные – или употребляться в качестве отдельного предложения. ...*Человек, стоящий за кафедрой, все же мало похож на академика. Не то чтобы ровесник, но все же привычнее смотрелся бы по эту сторону кафедры. А он* (Р. Сагдеев) – *ни мало ни много – директор института космических исследований* (Комс. пр. 1974. 1 сентября). (Частица **ни мало ни много** подчеркивает значимость высказывания, внутри которого она употреблена. Частица **все же** придает значение усиления.) *Так вот на территории Адыгеи находится ни много ни мало – несколько тысяч древних курганов, каждый из которых может принести неожиданный сюрприз* (Л. Репин. Комс. пр. 1982. 2 сентября). (Частица **так вот**, употребленная в начале сложного предложения, указывает на продолжение прерванного разговора; частица **ни много ни мало** располагается непосредственно после глагола и подчеркивает значимость количества, обозначенного сочетанием несколько тысяч.)

Значение и функции одной и той же по звучанию модальной частицы могут изменяться в зависимости от характера разных значений или от омонимичности другим частям речи – союзам, наречиям, модальным словам.

Различия между частицами, относящимися к морфологии, и частицами, относящимися к синтаксису, в конечном счете, не являются полярными, между ними имеется глубинное сходство: как те, так и другие участвуют в выражении модальности, только первые создают так называемую объективную модальность и жестко связаны с определенными

формами наклонения, а вторые создают так называемую субъективную модальность и не имеют жесткой связи с какой-либо одной частью речи или ее формами. Так или иначе «модальная окрашенность характерна для класса частиц в целом» (Шведова, 9, с. 728).

VIII

Роль частиц в выражении модальных значений форм изъявительного наклонения переоценивать невозможно. Академик В.В. Виноградов уже в 1950 году в работе, посвященной категории модальности и модальным словам, пишет: «...присоединение частиц (а также наречий) значительно расширяет пределы модальных функций форм изъявительного наклонения» (Виноградов, 14, с. 63).

Частицы, употребляющиеся с формами изъявительного наклонения в тексте более широко, чем отдельное предложение, становятся текстообразующими и выражают вместе с глагольными формами одну какую-либо развернутую модальную характеристику. Например, в тексте *Собственно, Арктики он (доктор. – А.Ч.) так и не видел. Больница, кают-компания, квартиры зимовщиков, больница... Собирался было на охоту сходить, да не собрался. Думал было промысловые избушки объехать, да не на кого было больницу оставить... и по промыслам поехал фельдшер. Один раз только, осенью, во время хода белухи, увязался доктор с молодежью на промысел, но только мешал всем, промок, чуть было сеть не упустил и мокрый, но очень довольный, вылез на берег* (Б. Горбатов. Роды на Огуречной Земле) глагольные формы изъявительного наклонения, обозначающие двигательные, зрительные, звуковые образы, характер лексических значений глаголов **собирался, увязался, мешал, промок, упустил, вылез**, частицы **так и не, было, только, чуть было не**, ряд однородных сказуемых, создающих динамичность повествования, – все вместе выражают добродушное подтрунивание автора над доктором, большим мастером своего дела, занявшимся несвойственной ему экзотической деятельностью.

IX

Формы изъявительного наклонения выражают различные модальные значения не только в сочетании с описанными выше средствами, но и в зависимости от наличия у них (процессуальных единиц) определенных личных, видовых, временных характеристик, в зависимости от того, многозначная или однозначная эта единица, имеет или не имеет она омоним (-ы). Эти проблемы ждут своего систематического исследования,

хотя сами по себе они уже поставлены, их заметили грамматисты. Ждут своего решения вопросы о взаимоотношении наклонения и модальности, субъективной и объективной модальности и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987.
2. Овсяннико-Куликовский, Д.Н. Синтаксис русского языка / Д.Н. Овсяннико-Куликовский. – М., 1902.
3. Виноградов, В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – Изд. 2.
4. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М.: Учпедгиз, 1956.
5. Галкина-Федорук, Е.М. Современный русский язык / Е.М. Галкина-Федорук, К.В. Горшкова, Н.М. Шанский. – М.: Учпедгиз, 1957.
6. Современный русский язык. Часть 2 (Морфология, Синтаксис) / под ред. Е.М. Галкиной-Федорук. – М.: Изд-во МГУ, 1964.
7. Грамматика современного русского литературного языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1970.
8. Поспелов, Н.С. Прямое и относительное употребление форм настоящего и будущего времени глагола в современном русском языке / Н.С. Поспелов // Исследования по грамматике русского литературного языка: сб. статей. – М.: Изд-во АН СССР, 1955.
9. Русская грамматика: в 2 т. – М.: Наука, 1980.
10. Гвоздев, А.Н. Современный русский литературный язык / А.Н. Гвоздев. – М.: Учпедгиз, 1958. – Ч.1.
11. Кузнецов, П.С. Категория наклонения / П.С. Кузнецов // Современный русский язык. Морфология / под ред. акад. Виноградова В.В. – М.: Изд-во МГУ, 1952.
12. Моисеев, А.И. Русский язык. Фонетика. Морфология. Орфография / А.И. Моисеев. – М.: Просвещение, 1980.
13. Никитевич, В.М. Грамматические категории в современном русском языке / В.М. Никитевич. – М.: Учпедгиз, 1963.
14. Виноградов, В.В. Синтаксис русского языка акад. А.А. Шахматова. Избранные труды. Исследования по русской грамматике / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1975.
15. Кузнецов, П.С. О принципах изучения грамматики. Материалы к курсам языкознания / П.С. Кузнецов. – М.: Изд-во МГУ, 1961.
16. Грамматика русского языка: в 2 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – Т. 1.

17. Ярцева, В.Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка / В.Н. Ярцева // Исследования по общей теории грамматики. – М.: Наука, 1968.
18. Васильев, Л.М. Очерки по семантике русского глагола / Л.М. Васильев. – Уфа, 1971. Его же. Семантика русского глагола. – Уфа, 1981. Его же. Современная лингвистическая семантика. – М.: Высшая школа, 1990.
19. Проблемы глагольной семантики: сб. науч. тр. / под ред. Э.В. Кузнецовой. – Свердловск, 1984.
20. Уфимцева, А.А. Слово в лексико-семантической системе языка / А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1968. Ее же. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики. – М.: Наука, 1986. Ее же. Семантика слова // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980.
21. Гайсина, Р.М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке / Р.М. Гайсина. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1981.
22. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990.
23. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – Т. 5.
24. Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. – Л.: Учпедгиз, 1941. – Изд. 2.
25. Русский язык за рубежом. – 1989. – № 1.
26. Солнцева, В.Н. Анализ и аналитизм / В.Н. Солнцева, В.М. Солнцев // Аналитические конструкции в языках различных типов. – М.-Л.: Наука, 1965.

СИСТЕМА ТЕРМИНОВ, В КОТОРОЙ ОПИСЫВАЕТСЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ ВРЕМЕНИ

Время, как одно из универсальных свойств объективного мира и одна из универсальных категорий в философии, в языке имеет свои формальные, содержательные и функциональные свойства, соотносящие его как с объективным временем, так и с философским понятием о нем.

В языке понятие о времени выражается несколькими средствами: лексическими (лето, летний, завтра), фразеологическими (чуть свет), обозначающими отрезок объективного времени, и грамматическими (делает, делал, будет делать; имею в виду, имел в виду, будем иметь в виду), обозначающими протяженность материальных объектов. Время, выраженное грамматическими средствами, является ядром грамматической категории времени. Причастия, как глагольно-именные формы, обозначая протяженный признак, не связывают его с лицом или с моментом речи.

Деепричастия, как глагольно-наречная неизменяемая форма, обозначая тоже протяженный признак, относятся к действию, обозначенному личной формой, как способ или другое обстоятельство его совершения. Деепричастия лишены формальных показателей времени.

Категория времени личных форм процессуальных единиц имеет трехчастную структуру (прошедшее, настоящее, будущее), центром которой является настоящее время с его отправным понятием момент речи.

Время причастных форм имеет двухчастную структуру.

В процессуальных единицах принято различать морфологическое время, сосредоточенное в самой личной форме, и синтаксическое, выражаемое сочетанием связки **БЫТЬ** с причастием.

Содержательная сторона категории времени описывается в терминах значение категорий, значение каждой из трех форм и частное значение данной формы процессуальной единицы.

Функционально-семантическая сторона категории времени описывается в терминах абсолютное и относительное время.

Изъявительное наклонение и грамматическое время процессуальных единиц русского языка

Категорию наклонения глагола в русской грамматике до сих пор нельзя считать полностью изученной, потому что в целом она не рассматривается как совокупность форм и совокупность закрепленных за формами общих и частных значений. Точности ради следует сказать, что из признаваемых трех форм две, повелительное и условное, рассматриваются с формальной и содержательной сторон, третьей же форме, изъявительному наклонению, принято отказывать в своих средствах выражения и значении. Здесь трудно и не нужно перечислять названия трудов, в которых отрицаются формальные и содержательные свойства изъявительного наклонения, потому что это общие места в грамматике. Целесообразнее обозначить причины существования такого взгляда на категориальную форму. Здесь видны несколько причин бытующего в науке положения. Первой из них, на мой взгляд, является подход к предложению как к единице языка, как к средству формирования, выражения и сообщения мысли, второй причиной считаю долгое игнорирование данных психологии и психолингвистики о внутренней речи. И наконец еще одна, на первый взгляд неожиданная, причина, – неразработанность проблем, связанных с содержательностью интонации.

Следствием действия первой причины явилась и до сих пор остается традиция рассматривать предложение только с точки зрения его синтаксического строения, типов синтаксических связей между его (предложения) элементами; с содержательной точки зрения был принят и теперь остается принцип интересоваться в каждом отдельном предложении логическим содержанием, выраженным данной структурной схемой. Недалеко в 50-х годах XX века очень остро стоял вопрос о необходимости разграничения суждения и предложения, о недопустимости их смешения. Названная традиция не была преодолена ни в 50-е годы, ни позднее. Показательно, что в академическом «Энциклопедическом лингвистическом словаре» (1, с. 395) предложение характеризуется как одна из основных единиц синтаксиса, являющаяся сообщением о чем-либо». Неоправданным при еще существующем понимании предложения является включение в число его признаков интонации и модальности, так как эти две категории появляются и функционируют в предложении только при наполнении грамматической схемы лексико-фразеологическим материалом, поставляемым из головы думающего, говорящего, беседующего че-

ловека. Данные психолингвистики, появившейся в 50-х годах XX века, и данные психологии о внутренней речи позволяют лингвистам, в частности грамматистам, окончательно утвердиться в понимании предложения как единицы речи, выражающей отношение к действительности говорящего и построенной по структурным схемам национального языка. Такое понимание сущности предложения требует другого толкования понятий – наклонение, время, модальность, интонация.

Наклонение – единственная из морфологических категорий, которая по сущности своего значения полностью антропоцентрична, она выражает отношение говорящего к высказываемым им мыслям, чувствам, квалифицирует отношение высказываемого к объективной действительности. Отношения эти разделены в языке на три типа: 1) связанные с изъяснением мыслей и чувств говорящего о действительности, 2) с различными проявлениями воли говорящего и 3) проявлений его желаний, предположений. Антропоцентричность наклонения поддерживается с новой стороны категорией лица, которая распространяется на все формы наклонения, причем в двух формах наклонения, повелительном и условном, субъектом действия является почти исключительно человек говорящий, желающий, мечтающий, предполагающий. Связь с еще одной категорией – временем обязательна только для форм изъявительного наклонения. Строго антропоцентричный характер значения форм повелительного и условного наклонения и отсутствие связи с «бесстрастной», «неэмоциональной» категорией времени послужили, на мой взгляд, своеобразным «разрешением» изучать эти две формы с структурной, содержательной, модальной, интонационной и функциональной сторон, выявлять их взаимные связи и отношения в соответствии с их содержательной и структурной особенностью, вопреки «запретам» системно-структурного принципа не изучать конкретное содержание предложения. В результате мы имеем разностороннюю грамматическую теорию, описывающую такую специфически человеческую черту, как *воля*, и теорию, характеризующую переживание, перешедшее в действительную мысль о возможности чем-либо обладать, что-либо осуществить – *желание*. Однако доля представленности воли и желания, с одной стороны, так различны, что можно с уверенностью утверждать, что категория наклонения в грамматике в основной, главной своей части остается неизученной. В теоретической грамматике до сих пор называются два признака изъявительного наклонения: связь со временем и способность обо-

значать реальность действия. В конце XX века можно и нужно говорить об особых свойствах наклонения и времени, о связях наклонения, времени с интонацией.

Категория грамматического времени является количественной категорией, указывающей на последовательность смены всякого действия вне зависимости от оценки его говорящим: для грамматического времени важен только момент речи – точка в объективном времени, выбираемая говорящим. По отношению к этой точке единое, неделимое время говорящий делит на три части – прошедшее, настоящее, будущее. Итак, время придает глаголу или процессуальному фразеологизму любого лексического или фразеологического значения лишь количественное значение последовательности: действие происходит в момент речи или в такой период, который включает и момент речи; действие происходило или произошло до момента речи, и теперь его уже нет, и наконец, действие будет происходить или произойдет после момента речи. Время связано с личными процессуальными единицами, имеющими форму изъявительного наклонения, но не поглощает последнее, а лишь устойчиво взаимодействует с ним. Так как грамматическое время не связано с лексическим или фразеологическим значением процессуальной единицы, оно не может выразить отношение говорящего к обозначенному действию, не может оценить его, не может выразить его образность (модальность), поэтому не может быть эмоциональным; время «бесстрастно», безвучно.

Изъявительное наклонение, как одна из форм трехчастной категории, появляется только в предложении-высказывании для выражения точки зрения говорящего, его позиции, его оценки происходящего действия. В этом качественное своеобразие наклонения, в этом его отличие от категории времени. Значение отношения формируется несколькими средствами и в первую очередь лексическим или фразеологическим значением личной формы. В этом второе отличие наклонения от времени. В свою очередь семантическое ядро каждой лексемы или фразеологизма, возникая во внутренней речи индивида, уже связывается с определенным звуковым обликом, который во внешней речи окончательно оформляется в мелодику слова. Из мелодики слов и форм, составляющих предложение, формируется интонация целого предложения. Интонационным центром глагольного предложения являются глаголы и процессуальные фразеологизмы изъявительного наклонения. Из сказанного следует, что изъявительное наклонение, как категориальная форма, связано с интонацией.

По этому признаку оно тоже отличается от времени. Высказанное положение подтверждается тем, что и две другие формы наклонения, не обладая категорией времени, имеют каждая свой интонационный тип и его разновидности.

К числу причин, ввиду действия которых изъявительное наклонение лишалось своего категориального и частных значений, необходимо добавить по крайней мере две – чрезвычайно широкий круг модальных значений, который кажется безграничным, хотя, конечно, не является таковым, потому что соответствует количеству лексических и фразеологических значений процессуальных единиц и количеству других средств выражения модальности в каждом национальном языке определенного временного периода, и отсутствие классификаций эмоций и чувств, кроме классификации, в соответствии с требованиями которой все эмоции и чувства делятся на положительные (со знаком +) и отрицательные (со знаком -).

Новые направления в языкознании второй половины XX века, новые концепции и тенденции – психолингвистика, учение о языке мысли, поворот от изучения предложения как языковой единицы к изучению его (предложения) как речевой единицы, использование в грамматике достаточно развитого, продуктивного учения о семантической структуре слова и фразеологизма, активные поиски решения вопроса о содержательности интонации, – позволяют с новой стороны подойти к решению такого «старого-престарого» вопроса грамматики, как вопрос о форме и значении изъявительного наклонения и его соотношении с категорией времени.

В настоящей работе предпринимается попытка сформулировать новый взгляд на формы выражения и значение изъявительного наклонения и его соотношение с категорией грамматического времени.

1. Средства выражения изъявительного наклонения и времени

В современных грамматических трудах изъявительному наклонению отказывается в наличии у него собственных средств выражения. В действительности же морфологическими средствами выражения изъявительного наклонения являются прежде всего полифункциональные флексии, которые принято называть личными, суффикс *-л*, который считается только оформителем прошедшего времени и глагол *быть* в форме будущего времени, который одновременно образует форму будущего сложного. К средствам выражения изъявительного наклонения прибав-

ляются многообразные синтаксические средства: многочисленные лексические и фразеологические частицы в сочетании с личными формами (*едва не упал, чуть было не упал, пошел было*), повторение одной и той же лексемы (*ходил, ходил*), своеобразные междометные формы (*прыг, скок, хват*). А если иметь в виду характер значения этой категориальной формы, то к числу средств ее выражения правомерно отнести разнообразнейшие сочетания глагольных форм с наречиями.

Категория времени, как известно, имеет ограниченный набор средств выражения: флексии, суффикс *-л* и глагол *быть* в форме будущего времени.

Как видим, время и изъявительное наклонение имеют частично совпадающий круг средств выражения; количественный и качественный состав формальных средств выражения наклонения гораздо шире.

2. Общее значение времени и форм изъявительного наклонения

Время, как было сказано выше, количественная категория, она обозначает последовательность в смене действия относительно момента речи. Это общее значение временных форм, его имеют все личные формы глаголов и процессуальных фразеологизмов независимо от качества своего индивидуального значения.

Что же касается общего значения форм изъявительного наклонения, то вопрос о нем в грамматике до сих пор не поставлен. В Энциклопедическом лингвистическом словаре утверждается, что, как и в латинском, где «индикатив служил для объективной констатации действия, относимого к определенному временному плану», в современном русском языке формы изъявительного наклонения, относя действие в настоящему, будущему или прошедшему времени, представляют его как объективный факт и указывают на лицо и число («я читаю», «мы читаем») [1, с. 321]. В трудах, посвященных категориям времени, вида, модальности называются «модальные оттенки» форм изъявительного наклонения, но нигде не называется общее значение этой категориальной формы. (См. работы В.В. Виноградова [2, с. 462 и след., 3], Н.С. Поспелова [4], А.В. Бондарко [5, 6], В.М. Никитевича [7], С.Д. Никифорова [7] и др.). В таком положении грамматики особенно отчетливо проявляется сущность системно-структурного принципа изучения языка, при следовании которому игнорируется, фактически исключается человек думающий, говорящий, выражающий отношение к действительности лексико-фразеологическим составом своего национального языка, при этом современная грамматика

пытается обойтись в сущности без категориальной формы, выражающей это человеческое отношение к действительности. При названном понимании изъявительного наклонения теория модальности лишается своего морфологического центра, «модального грунта» (В.В. Виноградов, 3), более чем в 90% глагольных предложений.

Решение вопроса об общем и вообще о значении изъявительного наклонения невозможно обойтись без ставших известными данных психологии о внутренней речи и без решения вопроса о содержательности интонации. Данные же психологии о месте, этапах формирования внешней речи из внутренней и мысли об особенностях содержательности интонации и способе ее связи с лексическим значением слова (см. об этом нашу работу 9) позволяют утверждать, что общее значение изъявительного наклонения качественно отличается от общих значений всех и каждой морфологических категорий глагола, его следует определить как образ (модус), квалифицированный говорящим (пишущим). Этот образ непосредственно связан с лексическим или фразеологическим значением процессуальных единиц и с мелодикой их семантических ядер.

3. В теории морфологических категорий утвердившимся является положение о том, что каждая форма какой-либо категории имеет общее и частное значения. В частности, каждая из трех форм времени имеет свое общее значение: прошедшее время имеет общее значение действия, совершившегося или совершившегося до момента речи и отсутствующего в настоящем; общим значением настоящего времени является выражение настоящего современности («и сейчас, в момент речи»); общим значением форм будущего времени является обозначенное действие, которое будет совершаться после момента речи.

Что касается частных временных значений, которые перечисляются во всех трудах, посвященных этой теме, то, на мой взгляд, необходимо сначала выяснить, какие формы времени могут иметь частные значения в соответствии со своей природой, о чем шла речь выше.

Если исходить из того, во-первых, что время необратимо, направлено от прошедшего через настоящее к будущему, что единое, «монолитное» время может делиться человеком на части только соответственно их связи с моментом его речи, то следует признать, что лишь те формы времени могут иметь частные значения, которые так или иначе соотносятся с моментом речи, то есть только формы настоящего времени.

Если исходить из того, во-вторых, что формами прошедшего времени обозначаются действия, которые предшествуют моменту речи, а формами будущего времени обозначаются действия, которые наступят после момента речи, то следует признать, что названные две формы времени не могут иметь частных значений.

И наконец, если исходить из того, что время не связано с лексическим и фразеологическим значением процессуальной единицы, то следует признать, что оно (время) не может иметь никаких переносных значений с «модальными оттенками».

Из всех значений, приписываемых формам настоящего времени, собственно временными, на мой взгляд, являются следующие описываемые ниже.

Первое, самое широкое частное значение – настоящее постоянное. Формой с таким значением выражается вечность, непрерывность времени, его нескончаемость, его продолжительность, «всевременность»; это настоящее всегда было, и так же, как миллионы лет тому назад, оно происходит и в момент речи. Значение настоящего постоянного получают такие глагольные формы, которыми человек обозначает сущностные, внутренне присущие объективной физической, социальной, психологической и другой реальности свойства. Обозначаемые настоящим постоянным действия, процессы не могут стать прошедшими, так как это привело бы к уничтожению, разрушению, отрицанию носителя, источника соответствующих действий, процессов. Ср. *реки текут в океан* при невозможности *реки текли в океан*. В настоящем постоянном проявляется цельность, непрерывность объективного времени, отсутствие в нем интервалов.

Свет распространяется со скоростью 300 000 км/сек. Звук распространяется в воздухе со скоростью 330 м/сек. Десятки, сотни тысяч лет вода обмывает и обмывает гранитные скалы, отрывая от них крупинку за крупинкой. Всё, что удаётся отделить, река уносит с собой (Н. Фадеев. Наука и жизнь. 1978. № 1. С. 138).

Белая речка рождается в глухом болоте, где растёт мелкая, хилая сосна. Такая местность с мелкой сосной или березкой по болоту называется светлой радой. Белая речка вытекает из светлой рады (М.М. Пришвин. Корабельная чаща).

Человек, рождаясь, движется из темной утробы в страну лучезарного света, и настоящий человек всю жизнь движется вперед, продолжая свое путешествие. Вот почему чувство родины не есть только любовь к месту своего рождения, но содержит в себе устремление

вдаль. Но всякое и самое отдаленное путешествие **кончается** тем, что человек **возвращается** на свою родину (домой) и **обогащает** и **расширяет** ее своими находками (М.М. Пришвин. Глаза земли).

Под влиянием течений и ветра лед непрерывно **движется**. Массы льда в миллионы тонн даже при небольших скоростях **обладают** огромной энергией. Движение льдин неравномерное, и сталкиваясь, они **разламываются**, куски **громоздятся** друг на друга, образуя гряды торосов (А.Ф. Трешников. У полюсов Земли).

...Трудно привыкнуть ... к тому, что здесь солнце **совершает** свой путь по небосводу не по часовой стрелке, как в родном северном полушарии, а наоборот (А.Ф. Трешников. У полюсов Земли).

Не о былом **вздыхают** розы И соловей в ночи **поет**. Благоухающие слезы Не о былом Аврора **лет**, – И страх кончины неизбежной Не свет с древа ни листа: Их жизнь, как океан безбрежный, Вся в настоящем разлита (Ф.И. Тютчев. Лирика).

Настоящее постоянное в предложении-высказывании проявляет себя и как вечное, непрерывное, и как сиюминутное, совершающееся и в данный момент, такое, которому говорящий является со-временником, в котором он со-участвует, которое он осмысливает, оценивает, квалифицирует, утверждает.

...цвет воды в океане **зависит** от мельчайших организмов, так называемого планктона. А количество планктона **зависит** от наличия в воде питательных веществ (А.Ф. Трешников. У полюсов Земли).

Морские льды **находятся** в непрерывном **движении** – **дрейфуют** под воздействием ветра и течений, **тают** под влиянием солнечной радиации и тепла, приносимого воздушными и морскими потоками. Течения и состав водных масс в океане **зависят** от глубин и строения дна (А.Ф. Трешников. У полюсов Земли).

Рука женщины каждый день **покрывает** особым рисунком песок перед входом в дом. Это символ того, что в доме всё благополучно, нет ни болезни, ни смерти, ни ссоры. Если нет счастья в доме, то и рука женщины **замолкает**. Как бы щит красоты в час благополучный **полагает** перед домом рука женщины. Уже девочки в школах **учатся** разнообразию узоров для знаков счастья. Невыразимая красота **живет** в этом обычае в Индии (Н.К. Рерих. Алтай – Гималаи).

Формой настоящего постоянного обозначаются процессы, явления, свойства окружающего мира, проявления социальной, культурной жизни людей, знания о которых добыты усилиями, напряжением, человеческого

разума, трудом одного человека, а порой трудом коллектива или нескольких поколений людей.

Человеческий прогресс складывается из суммы трудолюбия, из суммы способностей людей (Н.И. Кондратенко. Сов. Россия, 1998. 2 июля). *Культура сердца не отрицает культуру ума* (В.И. Сидоров. 7 дней в Гималаях).

... причины существования Арктической магнитной аномалии, открытой в 1948 году, лежат в глубинных слоях Земли (А.Ф. Трешников. У полюсов Земли).

... космические радиации «представляют собой прежде всего электромагнитные колебания различной длины волн и производят световые, тепловые и химические действия. Проникая в среду Земли, они заставляют трепетать им в унисон каждый ее атом, на каждом шагу они вызывают движение материи и наполняют стихийной жизнью воздушный океан, моря и суши. Встречая жизнь, они отдают ей свою энергию, чем поддерживают и укрепляют ее в борьбе с силами неживой природы...» «... солнечные пертурбации оказывают непосредственное влияние на сердечно-сосудистую, нервную и другие системы человека, а также на микроорганизмы» (В.А. Чивилихин, т. 3. Память: Роман-эссе, кн. 1. Из предисловия книги А.Л. Чижевского «Земное эхо солнечных бурь»).

Глагольные формы во всех предложениях имеют одно и то же временное значение настоящего постоянного, совершающегося и в момент речи. О модальных значениях таких предложений в отечественном и зарубежном языкознании существовало и теперь не преодолено ложное мнение – они не имеют модальности, не связаны с эмоционально-рациональным отношением человека к их содержанию, поэтому должны быть выведены за пределы модальности (В.В. Виноградов, 3). Любопытно в этом отношении высказывание М.М. Пришвина: «Всё, что рождается, оно само собою рождается и лично; всё, что выводится (или является на свет, как логический вывод), выводится действительно и безлично». (Т. 5. Глаза земли). Это принципиально ошибочное мнение возникло в головах отдельных людей, которым открытый другими объективный закон стал известен давно, так давно, что потерял лично для них модальность управления, восхищения силой разума, упорством, настойчивостью человека, открывшего тот или иной закон. Тогда как, например, открытый Николаем Коперником закон вращения Земли вокруг оси и вокруг Солнца вызвал бурную реакцию современников. Со времени появления этой работы Коперника ис-

следование природы по существу освободилось от религии и началось гигантское развитие естествознания. Все события, связанные с появлением закона, были сначала для Коперника в высшей степени модельно значимыми, затем тоже в высшей степени положительную модальную оценку это открытие получило среди последователей астрономов, особенно Д. Бруно и Г. Галилея, потом в течение нескольких веков оно было основанием для ученых разных отраслей естествознания. И только через несколько веков, к нашему времени, острота модального восприятия закона сгладилась, потому что человечество сделало это открытие одной из ступенек в своем восхождении от незнания к знанию. В наши дни лишь для впервые узнающих об открытии Коперника, особенно для молодого поколения землян, предложение с таким содержанием вызывает и будет еще вызывать яркое модальное отношение. Мнение о внемодальности рассматриваемых предложений несостоятельно потому, что объективные законы *формулируются лично*; в научном языке выработаны даже специальные формулы: закон (далее идет имя ученого(-ых), сформулировавшего(-их) этот закон) всемирного тяготения Ньютона, закон Бойля-Мариотта и т.д. Личное высказывание не может быть немодальным еще потому, что выведение закона требует от ученого(-ых), мыслителя, общественного деятеля многолетнего упорного труда, многочисленных опытов, проверок и т.п. А.В. Чивилихин об открытии А.Л. Чижевского (см. цитату выше) говорит: «К своему открытию Александр Леонидович шел двадцать лет. ... За этим выводом – сотни опытов, наблюдений, долгие раздумья над обширными статистическими материалами...» (В.А. Чивилихин, т. 3). Открытия, касающиеся свойств льдов, течений, подводного хребта в Арктике, открытия, касающиеся природы Антарктики и Антарктиды, высказанные А.В. Трешниковым, добыты не только напряженным, но самоотверженным, героическим трудом коллективов советских полярников. Закон социального развития человечества, высказанный Н.И. Кондратенко (см. цитату выше), является результатом его личного опыта, обобщения опыта многих народов многих стран, экономического опыта человечества, закон содержит модальность, заключающую в себе высшее рациональное чувство понимания трудности человеческого прогресса. Закон нравственного поведения (см. цитату В.М. Сидорова), выработанный в течение веков народами Востока и особенно отчетливо проявляющийся в Индии, постепенно был принят народами Запада и прежде всего русским народом, также содержит модальности глубокого положительного чувства, сохраняющегося до сих пор.

Иллюзия «безличности», немодальности таких предложений поддерживается двумя обстоятельствами: 1) человечество не сохранило имен авторов многих законов, 2) закон(ы) формулируются всегда так, что формой 3-го лица глагола в предложении обозначается носитель выведенного свойства, процесса, а тот, кто вывел этот (эти) закон(ы), как бы устраняется. И в результате получается, что, например, закон о воде, состоящей из водорода и кислорода, был всегда, все его знали, никто его не открывал, не ставил опытов и т.д.

Второе частное значение принято называть настоящим расширенным, или настоящим определенным промежутка времени. Этой формой обозначается время действия, начавшегося в прошлом и продолжающегося в настоящем, в момент речи. В предложениях процессуальные единицы с таким временным значением нередко определяются наречиями, количественно-именным сочетанием, фразеологизмами со значением времени: *сейчас, теперь, давно, пять лет, с тех пор, со школьной скамьи* и т.п.

С чувством большой тревоги приходится констатировать, что гордость советского народа – мощнейший топливно-энергетический комплекс в результате бездумных ельцинских «реформ» деградирует и разрушается. ...В отраслях ТЭКа происходит падение производства энергоносителей, запасы вырабатываются, а новые не разведываются; мощности изнашиваются и выбывают, замена их новыми – мизерная (В.М. Видьманов. Сов. Россия, 2000. 11 мая).

В геологических исследованиях Антарктики советские ученые в настоящее время, бесспорно, занимают ведущее положение (А.Ф. Трешников. У полюсов Земли).

Со многими из ученых и специалистов разных рангов до сих пор поддерживаю деловые отношения (В.М. Видьманов. Сов. Россия, 2000. 11 мая).

Коллектив историков-аграрников Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР и Ленинградского государственного университета... в течение многих лет работает над разрешением различных аспектов аграрной истории северо-запада России XV–XVI вв. (Ежегодник Наука и человечество. 1980. С. 367).

На берегу Ушковского озера, соединенного с рекой широким протоком, Н.Н. Диков и его сотрудники более 10 лет ведут раскопки многослойного стойбища древних охотников и рыболовов (Наука и человечество. 1980. С. 375).

Названное временное значение похоже на настоящее постоянное в том, что тоже является цельным, единым, тоже происходит и в момент речи, но принципиально отличается от первого значения, во-первых, тем, что имеет в прошлом какую-то точку, с которой начиналось действие, чего нет у настоящего постоянного, во-вторых, тем, что может употребиться в форме и значении прошедшего времени, если изменяются обстоятельства. Например, *Я живу в Челябинске 45 лет* и *Я жила в Челябинске 45 лет*.

Формами настоящего расширенного выражаются разнообразные модальные значения. Так, в первом из приведенных выше предложений выражено чувство тревоги за ухудшающееся состояние в топливно-энергетическом комплексе, названное модальное значение дополнительно выражается детерминантом **с чувством большой тревоги**; во втором – чувство законной гордости, твердой уверенности в истинности сказанного выражается, кроме сочетания **занимают ведущее положение**, модальным словом **бесспорно**; в третьем – чувство глубокого удовлетворения от сохраняющихся контактов; в четвертом и пятом предложениях процессуальными единицами **работает, ведет раскопки** вместе с определителями *в течение многих лет* и *более 10 лет* говорящий высоко оценивает самоотверженный, напряженный труд ученых.

И наконец, третье частное значение, которое обычно называется первым, настоящее, совпадающее с моментом речи. Время действия, обозначенного формой процессуальной единицы, тоже цельное, единое, как и у двух первых частных значений, но в отличие от них оно как бы не имеет прошедшего, сколько бы ни длилось, и весь этот временной отрезок воспринимается говорящим и слушающим как только настоящее. Эти формы употребляются в основном в устной монологической и диалогической речи. Например. *Тсс! Ребенок спит* (Пример Ю.С. Маслова). *Чем занимаешься? – Вяжу кофту. Волнуешься за результат выступления? Мать радуется нашему приходу.* Формы настоящего при изменении условий, обстоятельств получают форму прошедшего времени – *ребенок спал, чем занималась?, вязала кофту, волновался за результат выступления, мать радовалась нашему приходу.* По своим модальным значениям характеризуемые формы самые разнообразные, самые живые, волнительные, «трепетные», потому что непосредственно связаны через индивидуальное значение процессуальной единицы с рациональным и эмоциональным миром говорящего, беседующего.

Признание в качестве частных временных значений настоящего времени только трех, описанных выше, заставляет нас сформулировать

положение, вытекающее из анализа многочисленных речевых фактов и учета общих значений категорий наклонения и времени, – выделяемые в литературе так называемые повествовательное, живописное, изобразительное, потенциально-качественное, сценическое, настоящее эпистолярное, дневниковых записей и др. являются средствами выражения разнообразных исключительно модальных значений изъявительного наклонения.

Рассмотрим так называемое настоящее историческое (*praesens historicum*), повествовательное (нарративное – от лат. *narrātes, narrātion* – рассказ, повествование). Нелогичным представляется сам термин *настоящее историческое*: если это настоящее, то почему оно историческое, если оно историческое, то почему настоящее?

Этой формой личных глаголов излагаются прошедшие события как современные читателю, вызывающие в нем разные умственные и чувственные образы, а значение образа есть собственное значение изъявительного наклонения. В таких текстах может быть изложено научное открытие, вызывающее удивление современного читателя новым знанием, новым картинами. При этом глагольные формы настоящего времени не имеют временного значения. Таков, например, текст И.М. Дьяконова, излагающего часть «Эпоса о Гильгамеше», IV-III тысячелетия до н.э.

...Такое общество **рисует** нам эпос. Быт этого общества во многом еще примитивен (...) Дома – без окон, свет в помещения проникает через дверные проемы, ведущие во внутренний двор; на этом дворе и на плоской крыше **проходит** вся жизнь обитателей дома. Деревянная дверь – ценность; когда **покидают** дом, ее **уносят** с собой. Грубая глиняная посуда самых различных форм и размеров **служит** и для варки пищи и для еды; в глиняных корчагах **хранят** мелкие вещи. **Сидят** на глиняном полу, но хозяин дома и почетные гости – на табуретках из связок тростника; **спят** на полу и на кровати, обычно единственной в доме. **Едят** ячменный чурек и ячменную кашу с кунжутным маслом, вяленую рыбу, финики, лук, чеснок, различные растительные приправы; свежая рыба (хотя ее много в реках и каналах) и баранина в пищу **попадают** редко: их трудно сохранять в жарком климате. **Пьют** сикеру (род крепкого пива), знатные люди пьют также привозное вино, но холодная вода, утоляющая жажду во время зноя, – самое желанное питье. Из шерсти **ткнут** широкие полотнища одежды, которую **носят** и в виде препоясания, и в виде колоколовидной юбки – с нашитой на нее бахромой, – и в виде плащей; женщины **носят** еще и покрывала. Льняные одежды редки

и дороги. Все *ходят* босые, лишь изредка *привязывают* кожаные подошвы – сандалии (С. 95). Как видно, в приведенном тексте рисуется быт шумеров. Господствующими являются зрительные образы, за ними следуют двигательные образы или зрительно-двигательные. Ср.: *покидают, уносят, хранят, спят, едят, пьют, ткнут, ходят, носят, привязывают*, причем образы, обозначенные глагольными формами, конкретизируются другими образами, выраженными лексемами других частей речи. Текст в целом и в отдельных предложениях не прикреплен к какому-либо временному отрезку. В тексте выражена только категория наклонения, точнее, изъявительное наклонение формами 3 л. мн. ч. настоящего времени.

А в следующем тексте формами «настоящего исторического» передается чувство изумления широтой научных интересов, объемом сделанного М.В. Ломоносовым за короткий период научной деятельности.

Если посмотреть, что сделано Ломоносовым за немногие годы жизни, то прежде всего *приходится* поражаться невиданному объему сделанного. (...) М.В. Ломоносов *работает* в качестве начальника Географического департамента Академии наук, с головой *входит* в интересы картографии, мореплавания, *выдвигает* проект Великого северного пути, *пишет* «Рассуждение о большей точности морского пути». Ломоносов – физико-химик, естествоиспытатель и техник – *успевает* вместе с тем быть вполне компетентным и оригинальным историком и словесником. Он *пишет* «Краткий российский летописец с родословием» и «Древнюю российскую историю от Начала Русского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года», *составляет* «Российскую грамматику», по которой учились лет сто спустя после Ломоносова (С.И. Вавилов. Ломоносов, М.: Изд-во АН СССР, 1961, С. 35).

Тоже невременное, исключительно модальное значение имеет так называемое потенциально-качественное настоящее время. Такими формами обозначается какое(-ие)-либо индивидуальное(-ые) свойства(-а) одного человека или нескольких лиц – его(их) умения, способности что-либо делать, навыки. Структура термина «потенциально-качественное» позволяет определенно утверждать, что ни первая его часть – *потенциальное*, ни вторая – *качественная* – не могут характеризовать настоящее время, оно не может быть ни потенциальным, ни качественным, а только совпадающим с моментом речи. Формой настоящего времени подчеркивается наличие индивидуального(-ых) качеств(-а) человека (лиц), а не процесс совершения действия в момент речи.

(Фамусов – Скалозубу): Жаль, очень жаль, он малый с головой; и славно **пишет, переводит** (А.С. Грибоедов).

Читая научную прозу Ломоносова, его русские и латинские диссертации, **слышишь** голос поэта и, наоборот, в одах и политических размышлениях его **сквозит** философ, физик, химик и естествоиспытатель в самом широком и благородном смысле этих слов.

История русской науки **показывает**, что ее гениям свойственна особая широта задач и результатов, связанная, однако, с удивительной почвенностью и реальностью и вместе с тем простотой подхода к решениям. Эти черты, этот стиль работы, который мы **встречаем** и у Менделеева, и у Павлова, и у Лобачевского, особо выразительны у Ломоносова (Вавилов С.И. Ломоносов, С. 49).

За находчивость и сметку его (М.С. Комарова) называют полярным Кулибиным и комендантом ледовых аэродромов. Комаров всегда чем-то занят: то **собирает** трактор, то **готовит** к нему запасные детали, то **налаживает** буры (Трешников А.Ф. У полюсов Земли, С. 45).

Пустых минут, как для многих из нас в лесу, у Мануилы никогда **не бывает**: непременно во всякую минуту **совершается** хоть что-нибудь, да все-таки новое, и это небывалое **прибавляется** постоянно к бывалому, и этим, наверное, весь мир **растет** (Пришвин М.М., т. 5, С. 227).

Человек должен быть непременно твердым, а то злые **любят** мягких, добрых и **делают** их своими костылями. Так и надо помнить, что настоящее зло хромое и ходит всегда на костылях добродетели (М.М. Пришвин, т. 5, С. 486).

И вдруг так получается, что это у меня **звучит! Я принадлежу** к числу людей, не отрицающих вдохновения. **Доверяю** первоначальным импульсам и всегда **стараюсь дать** им **волю** (Свиридов Г.В. // Сов. Россия. 1998. 29 января).

... и в новой Монголии **знают** действительность Шамбалы. Место для будущего дуканга (тибетский храм, дом собраний) Шамбалы уже огорожено в Улан-Батор-Хото. **Знают** монголы о приездах Владыки Шамбалы в Эрдени-Дзо и в Нарабанчи. **Знают** о Держателях. **Знают** о великих временах. **Знают** о чаше Будды, которая после Пешавара хранилась в Карашаре и временно исчезла. **Знают** о приходе Благословенного на Алтай. **Знают** о значении Алтая. **Знают** о Белой Горе. **Знают** о священных знаках над древним субурганом около Хотана. **Знают** и о вестях из

Китая. Знают вести из Индии. Через все молчаливые пространства Азии несется голос о будущем (Рерих Н.К. Алтай – Гималаи, С. 294).

*Смелый к победе **стремится**, / Смелого **любит** народ, / Смелого пуля **боится**, / Смелого штык **не берет*** (Из песни).

Примеры из книги А.В. Бондаренко «Вид и время русского глагола»: *Вы **танцуете**? – **Танцую**, только плохо* (Тургенев И.С. Отцы и дети).

*Княгиня, услышав о том, что Варенька хорошо **поет**, попросила ее прийти к ним петь вечером. – Кити **играет**, и у нас есть фортепьяно...* (Толстой Л.Н. Анна Каренина)

Показательно, что А.В. Бондаренко, характеризуя это значение, отмечает его «модальную окраску», «модальный оттенок», сочетаемость глагольных форм с наречиями *хорошо, плохо* и даже указывает на связь этого значения с определенной лексической группой глаголов (она *хорошо пишет, рисует, чертит, вышивает, вяжет, шьет*) и на невозможность связи с другой группой глаголов *она *хорошо беспокоится, надеется, находится, зависит, зябнет, почитывает* и т.д., но тем не менее относит потенциально-качественное значение к временному, хотя и неактуальному, переносному (6, с. 71).

Одним из переносных значений времени принято считать так называемое настоящее в значении ближайшего будущего. Например. *Вечером уезжаю в Петербург. Весной будущего года уезжаю за границу. Завтра записываюсь в библиотеку. В марте Надежда Михайловна заканчивает диссертацию.* Невременное значение таких форм содержится в противоречивости сочетаний форм настоящего времени с определителями, которые обозначают такие отрезки времени, которые наступят *после* момента речи. Строгими, грамматически правильными можно считать только сочетания типа *завтра поеду, в будущем году поступлю, послезавтра зайду* и т.п. Конструкции вроде *завтра иду(-ем)* являются в сущности формулой выражения модального значения предрешенности, твердой запланированности какого-то действия, поступка для говорящего в отличие от значения предположения, нетвердой уверенности, выражаемой конструкцией *завтра пойду(-ем)*.

Выделяется и такое переносное значение форм настоящего времени – сценическое. В большинстве работ, отмечающих существование такого значения, только указывается, что оно употребляется в ремарках сценических произведений, такими формами обозначаются действия, совершаемые не в момент речи, который можно обозначить определенным часом, днем, месяцем, годом и т.д., а в момент сценического дей-

ствия. Эстетик Г.Д. Гачев [10, с. 214–215] объясняет сущность такого значения форм настоящего времени: время, в течение которого идет спектакль (два-три часа), в течение которого происходят какие-то события, вершатся судьбы людей, проявляются их чувства, состояния, это *время*, каким бы оно ни было отдаленным, *совмещается с временем*, в течение которого *зритель смотрит спектакль*. Совмещение двух потоков времени, прошедшего и настоящего, возможно только на сцене. Настоящее время спектакля является таким образом прошедшим, на сцене оживляется перед зрителями только модальность событий: чувства, борьба мнений, устремления, оставшиеся как опыт предшествующих поколений, передаваемый потомкам. С окончанием спектакля прошлое и настоящее расходятся – прошлое возвращается в прошлое, настоящее остается настоящим, чаще всего обогащенным эмоциональным, рациональным, нравственным и другим опытом прошлого.

Принято выделять так называемое изобразительное (повествовательное) значение форм настоящего времени. Особенностью этого значения является то, что оно тоже прошедшее, как и сценическое, оставившее в говорящем глубокий эмоциональный или рациональный след. Прошедшие события изображаются как происходящее в момент речи, тем самым они оживляют прошлое, модально восстанавливая его таким, каким оно наблюдалось, переживалось. Употребляется такое настоящее, как правило, в развернутых текстах, рисующих сложные картины, ряд событий. Модальность развивается, усложняется за счет индивидуального значения каждой последующей процессуальной единицы развернутого текста. На то, что изображаемые события были в прошлом, указывают иногда используемые формы прошедшего времени.

Подшли к самой подошве Санджу. Слышно, на перевале снега нет. Но не успеваем получить это сведение, как кашмирский дракон до-летает и все начинает покрываться снегом. Пронзительный шторм. Жмемся в ожидании запоздалых палаток. В темноте доходит караван. Из-за перевала приваливает черная лавина яков и с разбега чуть не сокрушает весь стан. Гомон и шум. Снег и холод. Но стан, прижавшийся в ущелье, имеет необычайно живописный вид. Пламя освещает бронзовые лица. Из тьмы выдвигаются рога черно-невидимых яков. Крылья палаток вспархивают, как птицы (Рерих Н.К. Алтай – Гималаи, с. 127).

Вечером на Рангатуе **происходят** любопытные сцены (...) Отдохнувшие здесь утки и гуси **собираются** на плесах в плотные путевые стаи и **ждут** какого-то сигнала, чтобы подняться в воздух. Этот сигнал время. Солнце **оповещает** птиц своим последним оранжевым лучом, что время пришло! Перелет **начинают** чирки. Они **поднимаются** над озером целыми тучами, **делают** широкие **круги**, **набирают** высоту и **устремляются** к северу. Стая за стаей **взлетают** с озера и **наполняют** освежевший воздух свистом и хлопаньем крыльев. За чирками **идут** связы, шилохвосты, **проносятся** косяки нырков. **Летят** гоголи, и в небе **слышится** мелодичный перезвон их крыльев, как будто к каждой к каждой птице привязан серебряный колокольчик. Позднее **идут** кряквы, солидно и неторопливо. Уже в темноте, огласив окрестные тростники неистовым гоготаньем, **отправляются** в путь гуси гуменники (Успенский Г.А. Смеющийся остров, с. 129–130).

Как всегда, посетили колонию императорских пингвинов. Странные существа, коренные жители этих мест! В начале зимы, когда **наступают** морозы, пингвинихи **несут** яйцо и **держат** его на лапах, закрывая сверху складкой нижней части живота. Так **спят** они целыми днями, в жесткую пургу, в мороз, лишь иногда неуклюже **передвигаются** на пятках. Вероятно, они единственные в мире существа, которые в самую жесткую стужу **выводят** птенцов. Всюду много утерянных и треснувших от мороза яиц, но пингвины совершенно равнодушно **ходят** вокруг (Трешников А.Ф. У полюсов Земли, с. 125).

В каждом из трех приведенных выше текстов авторами рисуется особая картина – эпизод из беспримерного пятилетнего путешествия по Азии – в первом, наблюдения за одним из вечных проявлений живой природы – перелетом птиц на север – во втором, поведение пингвинов, жителей Антарктиды, малоизвестной или совсем неизвестной многим нашим соотечественникам – в третьем. Модальность каждого текста создается прежде всего глаголами и фразеологизмами в форме настоящего времени, передающими двигательные, зрительные, слуховые и другие образы. Дополнительно модальность выражается наречиями на -о – необычайно (живописный), солидно и неторопливо (идут) неуклюже (передвигаются), совершенно равнодушно (ходят); существительными, обозначающими мифическое существо (дракон в первом тексте), действия, процессы и одновременно звуковые образы: шторм, гомон, шум, свист, хлопанье, перезвон, гоготание; прилагательными, разными в каждом тексте – кашмирский (дракон), пронзительный (шторм), черная (лавина яков), бронзовые

(лица), *черно-невидимые* (яки), *живописный* (вид) в первом тексте; *плотные* *путевые* (стаи), *последний оранжевый* (луч), делают *широкие* круги, *мелодичный* перезвон, *серебряные* (колокольчики), *неистовое* (гоготание) – во втором тексте, *жестокая* (пурга, стужа), *страшные* (существа), *единственные в мире* (существа) – в третьем.

В особых условиях оказывается форма настоящего времени в эпистолярном жанре. С одной стороны, в письме, как форме письменной речи, точкой отсчета или моментом речи является время написания письма по отношению к которому описываемые действия, события, выраженные формой настоящего времени, осознаются автором как имеющие временное или невременное значение, с другой стороны, адресат узнает об изложенных событиях после времени написания письма, поэтому те же формы настоящего времени им (адресатом) могут восприниматься как сохраняющие прежние грамматические значения или как уже получившие другие грамматические значения – временные модальные или только модальные, что полностью определяется характером индивидуально-значения процессуальной единицы и окружающим контекстом. Есть еще третья сторона в восприятии значений форм настоящего времени в письме – позиция читателя, для которого формы настоящего времени почти полностью превращаются в средство выражения модальности, как в случае с настоящим сценическим. И только настоящее постоянное сохраняет временное значение, связанное через индивидуальное значение процессуальной единицы с определенной модальностью.

Так, А.П. Чехов в письме к М.П. Чехову употребляет такие формы:

Теперь о текущих делах. Живем мы в Ялте. Построили дом. Дом небольшой, но удобный. Забираем в лавках по книжкам, каждое утро дворник шагает на базар. Целый день звонит телефон, надоедают посетители. Сидим дома, никуда не ходим, и я всё жду, когда можно будет уехать в Москву, и нельзя ли будет как-нибудь удрать за границу... На себя я трачу немного, дом берет пустяки, но мое литературное представительство, мои литературские (или не знаю, как их назвать) привычки отхватывают себе ¼ всего, что попадает мне в руки. Теперь работаю.

...Меня здесь одолевают больные, которых присылают сюда со всех сторон...

... Теперь насчет Полевого. С Питером я не переписуюсь, к Марксу не обращаюсь...

... «Дядя Ваня», пишут, в Москве идет очень хорошо.

... Ты бы стремился не в управляющие, а поближе к Москве, а то бы и в самую Москву. Провинция *затягивает* нервных людей, *отсасывает* у них крылья. ... Твой А. Чехов. 3 декабря 1899. Ялта.

Формы *живем, забираем, шагает, звонит, надоедают, сидим, не ходим, жду* в первом отрывке, *трачу, берет, отхватывают, попадает, работаю* – во втором, *одолевают, присылают* – в третьем, *не переписуюсь, не обращаюсь* – в четвертом, *пишут, идет* – в пятом с учетом момента речи 3 декабря и характером лексического значения каждой словоформы они имеют значение настоящего определенного промежутка времени с разнообразными модальными значениями. Форма *не знаю* употреблена в значении настоящего, совпадающего с моментом речи; глагольные формы последнего предложения – *затягивает* и *отсасывает*, на мой взгляд, сохраняют значение настоящего постоянного, которыми А.П. Чехов квалифицирует социально-нравственную и культурную обстановку в провинции не только своего времени.

И.Н. Крамской в письме Ф.А. Васильеву 11 апреля 1873 года писал:

У нас пока всё слава богу: мальчишки учатся и не слушаются, Софья Николаевна хворает, как всегда, я ничего путного не делаю и бью баклуши (Крамской И.Н., т. 1, с. 176–177).

В приведенной части письма все пять форм процессуальных единиц – настоящего времени несовершенного вида, как и проанализированные выше формы из чеховского письма. У форм, за исключением *хворает*, выражено значение настоящего определенного промежутка времени, формой *хворает*, на мой взгляд, выражено невременное значение качественной характеристики субъекта. При одинаковом временном значении формы имеют разные модальные значения: *учатся, не слушаются* оцениваются автором письма как благополучие, о чем дополнительно свидетельствует лексико-грамматический состав в первой части бессоюзного предложения, формы *не делаю, бью баклуши* окрашены тонкой, легкой самоиронией, которая поддерживается словосочетанием *ничего путного*. В форме *хворает* заключена модальность печали, известная автору давно, что подчеркивается модальным фразеологизмом *как всегда*.

Из описанных в настоящем пункте фактов можно сделать следующие обобщения. Пока формы настоящего времени сохраняют категориальное временное значение, в них взаимодействуют, не уничтожая друг друга, значения двух категорий – времени и наклонения. При этом одно и то же временное значение способно сочетаться с почти неограничен-

ным кругом модальных значений, обусловленных связью изъявительного наклонения с лексико-фразеологическим составом языка. Когда же эти формы утрачивают свое категориальное временное значение в определенных речевых условиях, они одновременно резко сужают круг модальных значений, хотя и остаются многозначными, становятся формой выражения исключительно категории наклонения, в чем проявляется глубинное свойство форм морфологических категорий.

Выше мы говорили о том, что формы прошедшего времени имеют только общее временное значение, потому что ими обозначаются действия, которые говорящий, читающий, слушающий воспринимает как осуществившееся или осуществлявшееся, может быть, задолго до момента речи. О прошедшем говорит, слушает, пишет, читает, думает, беседует человек, живущий, действующий «сейчас», в настоящем, человек, который обогащается прошлым эмоционально, рационально, социально, профессионально, психически, эстетически и во многих других отношениях. Причина такого воздействия прошедшего времени в том, что оно, не имея частного временного, полностью *сохранило* модальное значение, которое «впечатано» в индивидуальное значение каждой процессуальной единицы. Особенность модального значения форм прошедшего времени в том, что оно тождественно модальному значению формы настоящего времени того же глагола, употребленному в том же по лексико-грамматическому составу предложении-высказывании. Разница модальных значений двух форм возможна лишь количественная: модальность форм настоящего времени ярче выражена, потому что она непосредственно связана с сопереживанием говорящего, с его *соучастием, присутствием*, а такое же модальное значение форм прошедшего времени более или менее спокойно, потому что это событие или эти события уже были, сейчас не происходят. Однако такой разницы может не быть, и модальное значение форм прошедшего времени может вызывать такое же глубокое, острое переживание, как и модальное значение формы настоящего времени.

Когда перешли границу, ощутили триумф, но и очаги остервенелого сопротивления зверя. У Балатона много людей потеряли. Одна из группировок противника, здорово укрепившись, окрысилась. Нас спасли женщины-зенитчицы! Враг пустил около 500 танков и прорубил наши рубежи, но напоролся в глубине своего выступления на 200 (примерно) наших зенитчиц. Неимоверно бесстрашные девчата положили

*горизонтально стволы и **шарахнули** по танкам из зениток. Героями стали человек 30-40...* (Из воспоминаний генерал-майора Губенко Александра Алексеевича // Сов. Россия. 1998. 07 мая).

Как видим, время описываемых событий было более 50 лет назад, но модальность форм прошедшего времени сохранилась в памяти А.А. Губенко очень ярко, так, как будто это происходит 7 мая 1998 г. Лексическими значениями форм прошедшего времени передается современному читателю целая гамма сложнейших образов-оценок: двигательных – *перешли, пустил*, образов-действий – *прорубил, окрысился, напоролся, шарахнули, спасли*, разнообразных чувств – триумфа, утраты, признательности, восхищения. В выражении сложнейшей модальности участвуют, кроме глагольных форм, многие другие лексико-грамматические компоненты текста.

В следующем тексте, тоже формами прошедшего времени, передается чувственный и мыслительный образ протеста, возмущения.

*Ее (Г.С. Улановой) протест и возмущение сполна **выразился** в том, что она все последние годы **не принимала** журналистов, **не давала интервью**, **не участвовала** в модных тусовках, шумных пирах во время чумы* (Ягункова Лар. // Правда России. 1998. 8–14 апр.).

Характер модального значения, яркость и определенность его не изменилась бы, если бы были использованы формы настоящего времени: *выражается, не принимает, не дает интервью, не участвует*.

В тексте *Сотрудники станции («Северный полюс – 2», или «СП-2») **вели наблюдения** за погодой, регулярно **передавая** сводки по радио полярным бюро погоды и дальше, в органы службы погоды Советского Союза. **Запускали** радиозонды с целью изучения нижних слоев атмосферы. **Измеряли** скорость и направление течений на разных глубинах, **определяли** во всей толще воды температуру и соленость. **Изучали** жизнь подводного мира, физические свойства льдов разного возраста. С помощью точных магнитных приборов **регистривали** поведение магнитного поля, его колебания* (Трешников А.Ф. У полюсов Земли, с. 31–32) лексическими значениями форм прошедшего времени передается информация о добытии знаний о неизвестных ранее человеку свойствах Арктики, высказывается глубокое уважительное отношение к высококвалифицированному, планомерному разнообразному труду полярников на хрупкой льдине. Дополнительными средствами выражения названной модальности являются наречия на -о. В лексических значениях

форм прошедшего времени может заключаться информация, которая вызывала у говорящего сначала острое чувство страха, сменяющееся потом разрядкой напряжения, благополучным концом. Например, в следующих двух цитатах.

Механик осторожно повел трактор по деревянному настилу. И в тот момент, когда он достиг уже середины замерзшего разводья, лед под ним начал опускаться. Но Комаров дал полный газ, тяжелая машина дрогнула и быстро выбралась на другую сторону. Я снял шапку и рукавом ватника вытер мокрый лоб (Трешников А.Ф. У полюсов Земли, с. 69).

Мы видели, как один гружёный як сорвался и стремительно полетел по гладкому ребру ледника. Но на самом краю пропасти як весь сжался и крепко уперся своими короткими, крепкими ногами (Рерих Н.К. Алтай – Гималаи, с. 112).

В выражении названной модальности участвуют наречия на -о и прилагательные. Лексическим значением форм прошедшего времени может передаваться мысль о состоявшемся открытии, которое стало источником больших творческих свершений

Именно тогда, в середине 50-х годов, я открыл для себя в этом (хоровом. – А.Ч.) искусстве непочатый край возможностей (Свиридов Г.В.).

Или воспоминание о явлении в природе и в мире животных, вызвавшем у говорящего яркое чувство прекрасного.

Лучшее было, что на близкие острые скалы утром выходили олени и долго стояли, поводя головой навстречу солнцу (Рерих Н.К. Алтай – Гималаи, с. 101).

Модальность суровой необходимости принимать самостоятельно ответственное решение может выражаться особым синтаксическим построением, при котором сталкиваются лексические значения глагольных форм. В таких конструкциях роль форм времени отступает на последний план: модальность остается одинаковой с формами прошедшего или настоящего времени.

Он (Макаров) прислал Гаврилову радиограмму, в которой предлагал экипажу поезда оставить технику на Востоке и вылетать в Мирный. Предлагал, а не приказывал (Санин В. 72⁰ ниже нуля, с. 7).

Кроме прошедшего, способного иметь такой же широкий круг модальных значений, какой имеет настоящее, в русском языке есть формы с

одним модальным значением: так называемое давнопрошедшее, прошедшее мгновенное и прошедшее, омонимичное повелительному наклонению. Каждая из названных форм имеет специальное морфологическое выражение. Давнопрошедшее имеет суффикс *-ыва/-ива* со значением многократной повторяемости – *дельвал, сиживал, хаживал*, формы прошедшего мгновенного, называемого еще междометным, представляют собой чистую основу – *прыг, скок, стук, хватъ, щелк*, третья форма, омонимичная повелительному наклонению, типа *случись, окажись* и др. под. См. об этом: В.В. Виноградов (2, с. 431 и след.; 11, с. 489 и след.). За каждой из этих форм закрепилось одно модальное значение: за давнопрошедшим – значение задумчивого спокойного воспоминания о приятных, милых сердцу бывших действиях, поступках.

Я дельвал с ними грибные набег: Раскапывал листья, обшаривал тни... (Некрасов Н.А. Крестьянские дети). *Я, признаюсь, редко слыхивал подобный голос: он был слегка разбит и звенел как надтреснутый...* (Тургенев И.С. Певцы). *Цена-то ведь человеку по работе дается; у спорого мастера, говорят, руки золотые. Знавала я таких мастеров. Они за работу брались с чистой душой* (Гладков Ф.В. Повесть о детстве). *Старушка ей: «а вот каман; Здесь барин сиживал один. Здесь с ним обедывал зимою Покойный Ленский, наш сосед... И старый барин здесь живал...»* (Пушкин А.С. Евгений Онегин). *Здесь в необыкновенно жаркие дни, и то раз в год, и то в прежние времена, пивали чай* (Тургенев И.С. Дневник лишнего человека).

За прошедшим мгновенным закрепилось значение зрительного, двигательного, звукового образа очень быстрого действия, которое представляется говорящему не дпящимся.

Что силы есть, хватъ друга камнем в лоб! (И.А. Крылов. Пустынный и медведь). *...Легче тени Татьяна прыг в другие сени* (А.С. Пушкин. Евгений Онегин). *Эта полячка, бывало, даже руку на него поднимала: сделает, бывало, истерику, да мах его рукою по очкам* (Н.С. Лесков. Воительница). *На цыпочках пройдет он в спальню, бесшумно разделется и – бултых в постель!* (А.П. Чехов. Учитель словесности). *Он хлоп, и вдавит муху в стену!* (А.С. Пушкин. Выстрел).

За прошедшим, омонимичным повелительному наклонению в форме 2-го лица единственного числа, закрепилось модальное значение внезапного неожиданного действия.

В эту-то Дуняшу и влюбись Аким! Да так, как прежде никогда не влюблялся (И.С. Тургенев. Постоялый двор). Вот он ходил-ходил мимо окон-то, да, не будь дурень, амурное письмо и напиши... От этого письма она и приди в чувство... А я и не случись тут, как он письмо-то в окошко бросил (А.Н. Островский. Свои собаки грызутся, чужая не приставай). Покажись молодому, будто молодая до него гуляла, он ее и поколотил (П.И. Якушкин. Путевые очерки).

Наблюдение над модальностью форм прошедшего времени показывает то, что хотя они обозначают уже совершившиеся или совершавшиеся действия, тем не менее остаются в языке хранителями чувственного, мыслительного, социального, культурного и всякого другого опыта человечества; прошедшее учит, воспитывает современников, которые к нему обращаются, и потомков, которые понимают и переживают прошедшее как бы заново потому, что оно «впечатано» в индивидуальные значения процессуальных единиц. Говоря другими словами, в прошедшем время умерло, а модальность осталась, живет для настоящего и готовит будущее.

С точки зрения общей теории грамматики в описанных фактах взаимодействия общего временного с общим и частными модальными значениями форм прошедшего времени обнаруживается несколько глубоких закономерностей. Во-первых, модальные значения форм прошедшего времени на *-л* по качеству и количеству сохраняют модальные значения форм настоящего времени таких же по лексическому или фразеологическому значению процессуальных единиц, употребленных в тождественных по лексико-фразеологическому составу текстах. Во-вторых, формы на *-л* и специфические формы давнопрошедшего, междометного и омонимичного повелительному наклонению являются в русском языке «чистой» формой выражения общего и частных значений изъявительного наклонения, подтверждая тезис грамматистов о том, что морфологическая форма полисемантична [Ярцева, 12, с. 25].

Традиционным в грамматике является рассмотрение форм и значения будущего времени по такому же принципу, по какому рассматриваются формы и значения настоящего и прошедшего, тогда как будущее среди форм грамматического времени занимает особое место и выполняет особую роль в языке. Будущее – это специальное средство выражения особого свойства человеческого сознания – способности планировать свою жизнь и деятельность, готовиться к тому, что будет после настоящего.

го, предполагать свою деятельность в будущем как продолжение, развитие осуществляющейся деятельности, способности мечтать. Мысль о возможности будущего, уверенность в его наступлении, сознание обязательности его наступления после настоящего свойственно человеку думающему, говорящему.

Язык отражает эту черту человеческого сознания в специальных словах и фразеологизмах номинативного и формах грамматического времени. Осуществление действия, обозначенного формой будущего времени, после настоящего делает это действие реальным только частично, пока оно относится говорящим, пишущим к моменту, следующему за настоящим, само же предположительное, планируемое действие остается в мыслях, чувствах, желаниях, планах, помыслах, как говорят русские люди, говорящего, пишущего и станет реальным только тогда, когда будущее станет настоящим. Иначе говоря, временным значениям, связанным с изъявительным наклонением в формах будущего, можно считать момент признания того, что действие совершается или будет совершаться после речи, а не «сейчас», всякая же квалификация действия с какой бы то ни было стороны, его оценка являются полностью модальными. Изложенное понимание сущности будущего времени объясняет особые взаимоотношения категорий времени и наклонения: формы будущего времени имеют лишь общее значение времени данных форм и не имеют (не могут иметь!) частных временных значений. Те же частные значения, которые отмечаются в современных грамматических трудах (Виноградов, 2, с. 448–456; Поспелов, 4, с. 229–246; Бондарко, 6, с. 154–170; Бондарко, Буланин, 5, с. 106–107, 11, с. 486–489, 13, с. 634–636) как временные «с модальными оттенками», являются собственно модальными.

Круг модальных значений будущего времени настолько широк и разнообразен, насколько широк и разнообразен круг человеческих квалификаций, оценок, желаний, помыслов, выражаемых прежде всего индивидуальными значениями процессуальных единиц и дополнительно поддерживаемых действием нескольких факторов – видовой характеристикой процессуальных единиц, наличием / отсутствием отрицания перед ними, особенностями лексико-фразеологического состава всего предложения или целого текста, мелодикой отдельных слов и форм, типом и особенностями интонации всего предложения и др.

Морфолого-синтаксический характер наклонения вообще и изъявительного наклонения в частности, как было отмечено выше, отчетливо про-

является и в речевых произведениях с формами будущего времени. То или иное модальное значение имеет только своим основанием значение процессуальной единицы, полностью же раскрывает свое содержание в условиях всего предложения или более широкого текста, создавая в них модальность как синтаксическую категорию. Сложность или простота модального значения зависит от объема и структуры предложения, текста.

Так, твердая уверенность в неизбежности будущих действий высказана в предложениях: *В веках, конечно, весы прошлого уравниваются. Народный суд уберет* многое, что сорило глаза ближайших зрителей. (Н.К. Рерих. Нерушимое, с. 150). *В походе добром различатся и великие добрые облики и оцелятся* дела по справедливости (Там же, с. 153). В первой из трех приведенных цитат значение твердой уверенности дополнительно выражается модальным словом *конечно*.

Одинаковое модальное значение уверенности в обязательности будущих действий, состояний в двух следующих цитатах имеет разные лексико-грамматические и структурные проявления:

Чем пристальнее будете осматриваться, – тем больше светлых проблесков найдете (Н.К. Рерих. Нерушимое, с. 172). *Истинная профилактика будет заключаться не в глотании химических таблеток, но в оздоровлении, прежде всего, условий быта* (Там же, с. 179).

В первом предложении модальное значение уверенности в обязательности наступления действия дополнительно выражается употреблением градационных союзов *чем – тем* и сравнительных форм *пристальнее* и *больше*. А во втором предложении – употреблением разделительного союза *не – но* и модального фразеологизма *прежде всего*.

Модальные значения нескольких форм будущего времени, употребляясь в сложном предложении, могут различаться друг от друга и служить средством создания противоположной по содержанию модальной характеристики каждой части предложения:

... На мою могилу нанесут кучу мусора, но ветер истории безжалостно *развеет ее!* (И.В. Сталин).

В первой части выражена модальность печального предположения, а во второй – твердая уверенность в победе справедливости.

Модальные значения форм будущего времени могут быть связаны с модальным значением форм настоящего времени как подтверждение правильности постоянно действующей закономерности:

В истории *остаются* от столетия два, три, пять человек. От нашего столетия тоже *останется* немного. *Останется* через пять-сот-тысячу лет, может быть, пять-шесть человек. *Останется* и Шолохов среди этих избранных. *Останутся* созидатели, творцы народной души, *останутся* строители государства. Это Шолохов, это Жуков, это Сталин, несмотря на все претензии к нему. *Останутся* созидатели, разрушители *уйдут*. И обязательно *уйдут* клеветники. История *сметет* их (П.И. Проскурин. Сов. Россия. 2000. 25 мая).

Модальность непоколебимой убежденности в правоте своего мнения автор подчеркивает использованием после одной формы настоящего времени 9 форм будущего времени, 6 из которых – формы глагола *останется(-утся)*.

Утверждение о том, что результаты деятельности способны вызвать чувство крайнего удивления, дополнительно выражается модальным словом, а факт, который вызовет крайнее удивление, раскрывается в следующем предложении:

Его (Стива Джоунса) открытие, несомненно, приведет в замешательство многих граждан Соединенного Королевства, которые считают себя чистокровными европейцами... Многие белокожие люди, – отметил Джоунс, – хотя бы они это признать или нет, имеют черных предков (Сов. Россия. 1999. 26 окт.).

Предложение может строиться так, что в нем формой будущего времени выражается сложная модальность – убежденность в истинности высказывания и наказ слушателям, читателям:

Строительство потребует не только вашей физической силы и энтузиазма, но и напряжения вашей мысли, инициативы, технической выдумки, недюжинных знаний (В. Кетлинская. Комс. правда. 1961. 27 дек.).

Сложное модальное значение – уверение в невозможности действия, выраженного формой с отрицанием *не пропадет* и страстное предсказание обязательного окончания страданий и воплощения самых высоких дум и надежд выразил Пушкин в стихотворении «Во глубине сибирских руд»:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет
ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:
Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.
Оковы тяжкие *падут*,
Темницы *рухнут* — и свобода
Вас *примет* радостно у входа,
И братья меч вам *отдадут*.

В каждом четверостишье употребляется(-ются) форма(-ы) будущего времени, называющая(-ие) последовательные этапы обязательного освобождения друзей в будущем из каторжных нор.

В высшей степени совершенными, краткими формулами выражения модального значения форм будущего времени являются в русском языке пословицы. Будучи способом выражения народной мудрости, народного опыта, народной нравственности, философии, выработанных и сохраненных русским народом за столетия своей жизни, пословицы заключают в себе разной степени обобщения. Эти обобщения имеют созидательный характер – они всегда правдивы, достоверны, помогают мудро жить человеку в настоящем. Главной составляющей сложного модального значения пословиц является значение убежденности, уверенности в правдивости, истинности народного опыта. К этому общему модальному значению добавляется частное модальное значение наказания, предупреждения, предостережения, предсказания, адресованное современникам и особенно потомкам: в сходных положениях все и каждый получают только такой результат.

Общее модальное значение убежденности или уверенности сочетается, например, с частным модальным значением

– невозможности получения положительного результата деятельности: *Без ножниц платье не скрочишь. Без топора хоромины не срубишь. Из ежовой кожи шубы не сошьешь.*

– бесполезности предпринимаемых усилий: *Криком не возьмешь. Кадку утлу не наполнишь.*

– правильности осуждения поступка: *Кто на кабак поведится, тот наг находится.*

– обязательности тождественного результата: *Как аукнется, так и откликнется.*

– обязательности отрицательного результата: *И лучшее кушанье приестся.*

– в неизбежности отрицательного проявления социального закона: *Глазом не досмотришь – мощною доплатишь.*

– подтверждения правильности нравственных требований: *Жена не сапог, не скинешь. Ср. еще у Пушкина: Но жена не рукавица, С белой ручки не стряхнешь, Да за пояс не заткнешь* (Сказка о царе Салтане).

– отрицательной оценки решения эмоциональных затруднений: *Ветер кручины не развеет.*

– положительной оценки закономерной связи природных явлений: *Будет дождь – будет и ведро. Будет зима – будет и лето. Будет хлеб – будут и мыши.*

– высокой оценки закона почитания хлеба главным продуктом питания у русских людей: *Голоден при хлебе не будешь. Будет хлеб – будет и обед.*

– положительной оценки вывода о малом или нулевом влиянии внешних положительных качеств на внутренние качества человека: *Красота разума не придаст.*

– отрицательной оценки способа решения проблем личных отношений: *Крестом любви не свяжешь.*

– положительной оценки большого философского вывода об определяющей роли труда в жизни человека: *Без труда не вынешь рыбки из пруда. Без труда ничего не сделаешь.*

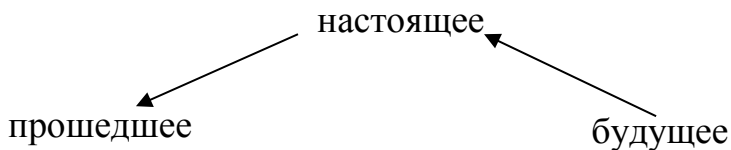
Анализ даже этих немногочисленных примеров способен, на наш взгляд, показать, что при разнообразии модальных значений пословиц будущее время остается с одним грамматическим значением – действие произойдет после момента речи, какой бы промежуток времени ни отделял будущее от настоящего.

4. Грамматическое время своей трехчастной структурой обязано человеку думающему, говорящему. Он выделил прежде всего настоящее, обозначающее такие действия, которые совершаются, происходят «сейчас», такие действия, которым он сам является наблюдателем, деятелем, сам действует. Эта форма времени по сущности полностью совпадает с философским пониманием настоящего как становления, развертывания

движения тела. Второй формой человек назвал время тех действий, процессов, которые были, совершались или совершились до его речи, свидетелем, современником которых он уже не может стать, так как действий этих нет. Эту форму времени – прошедшее как материализованное настоящее, – признавали и признают все ученые, ее изучали и изучают, считают сильной формой. В философии же считается, что «прошлое время – это уже не время» [14, с. 158]. Третьей формой названо время, которое наступит после момента речи человека, им обозначится предполагаемое, планируемое, только еще готовящееся, будущее действие, такое, которое перейдет из настоящего, разовьется из действий в настоящем или возникнет как новое. Понятие будущего времени в грамматике и в философии не совпадает: философы считают, что будущее время – это еще не время [14, с. 158].

Все формы грамматического времени находятся между собой в отношениях взаимоперехода: настоящее переходит в прошедшее, если формы настоящего обозначают конкретные во времени действия, и не переходят в прошедшее, если обозначают объективные, естественные процессы, состояния, о чем речь шла выше; настоящее переходит в будущее, если говорящий планирует продолжение своей деятельности или предполагает возникновение новой деятельности, будущее становится настоящим при реализации планов, предположений и при наступлении сроков, которые считались будущими.

Направления взаимных связей форм времени можно представить таким образом

Модальные значения форм изъявительного наклонения, лежащие в совершенно другой плоскости, чем временные, связаны с последними, взаимодействуют с ними, сочетаясь с значениями форм настоящего времени или выходя на первый план в формах прошедшего и будущего, имеющих только общие временные значения.

5. О цельном устойчивом единстве трех форм времени в русском языке и о проявлении яркого модального эффекта их одновременного употребления в речи дополнительно свидетельствуют часто используе-

мые в публицистическом стиле предложения, в которых одна и та же процессуальная единица употребляется во всех трех временных формах или в двух из них. Сочетания форм при этом могут быть четырех видов: прошедшее – настоящее – будущее; прошедшее – настоящее; прошедшее – будущее; настоящее – будущее.

В предложениях, где употреблены три формы одной процессуальной единицы, проявляются общие значения каждой временной формы и одно из частных значений формы настоящего времени.

*Люди, трудящиеся для поддержания жизни, всегда **есть**, и **были**, и **будут**, потому что без них не будет жизни* (Л.Н. Толстой, т. 15, с. 392).

*... Ведь Саратов – в зоне рискованного земледелия, там до Аяцкова и после Аяцкова – в четыре года один урожай. Ни больше, ни меньше. Четыре года будешь сеять, а убирать один раз. Так **было**, **есть** и **будет*** (Н.И. Кондратенко. Сов. Россия. 1998. 2 июля).

Утверждал, утверждаю и буду утверждать: никто из демократов, начиная с президента, не выдержал испытания властью (М. Климов. Сов. Россия. 1999. 16 марта).

Маяковский принадлежал, принадлежит и будет принадлежать эпохе борьбы человечества за социальные преобразования (А. Софронов. Лит. газ. 1973. 18 июля).

*Поразительно, что говорит это не неуч, а человек, досконально изучивший русскую и мировую историю и должный понимать, что все это (западный путь развития единственный. – А.Ч.) абсолютно не так. И Россия всегда **шла** и **будет идти** собственным путем, переплавляя, как в тигле, западные и восточные влияния и опыт. И мир **знал**, **знает** и **будет знать** не только западный путь прогресса, (по мнению многих – тупиковый, уже исчерпывающий себя), а и китайский, индийский, арабский... И, разумеется, великий русский путь* (Л. Николаев. Сов. Россия. 2000. 17 авг.).

Трехкратным употреблением одной процессуальной единицы говорящий подчеркивает свою убежденность в истинности высказываемого, твердую уверенность в обязательном проявлении названного конкретного действия, свойства, качества в будущем. Причем убежденность в истинности своей позиции говорящий противопоставляет мнению своего возможного или реального оппонента. В первых двух и последней цитатах форма настоящего времени имеет частное значение настоящего по-

стоянного, выражающего природную или социальную закономерность, а в третьей и четвертой – значение совпадения с моментом речи.

Предложения, в которых формы прошедшего, настоящего, будущего выражены глаголом-связкой *быть*, обнаруживают модальное значение уверенности говорящего в том, что признак, обозначенный прилагательным или причастием, внутренне свойствен данному грамматическому субъекту, является сущностным для последнего.

...цинизм был, есть и будет формой разложения (В.М. Сидоров. На вершинах, с. 100). *Великий Октябрь был, есть и будет* одним из самых любимых народных праздников (Сов. Россия, 1998. 10 нояб.). *Все равно, минет нынешняя Смута, и Россия опять станет великой державой, и даже могущественнее, чем прежде. Мол, таковой она была, есть и будет. Так мыслят сегодня до 60 процентов россиян...* (С. Васильев, С. Обухов. Сов. Россия, 1999. 16 мар.).

Модальность убежденности говорящего в своей правоте высказываемого, выражаемая употреблением трех форм времени, сочетается с определенной структурой предложения – два первых сказуемых связаны рядоположной бессоюзной связью, а последняя форма соединяется с предыдущими сказуемыми союзом *и*, подчеркивающим значение цельности и обязательного продолжения названных действий, мыслей, квалификаций в будущем.

Предложения, в которых одновременно употребляются формы прошедшего и настоящего, оказались наиболее представленными в нашей картотеке. Временные значения форм во всех таких предложениях одинаковые – форма прошедшего времени имеет общее значение, форма настоящего, кроме общего, имеет частное значение действия, совпадающего с моментом речи или настоящего расширенного. В предложениях с названным сочетанием временных форм в указанных значениях тоже выражается модальность убежденности, как и в предыдущей группе предложений, но отличается тем, что модальное значение более или менее спокойного утверждения, выраженное формой прошедшего времени, усиливается, продолжаясь в настоящем, остается в нем, формируя значение убежденности, в ряде случаев твердой, эмоционально напряженной.

Убежденность говорящего может заключаться

– в правильности высказанных мыслей, идей: [А. Зиновьев] *Я утверждал и утверждаю, пока жив, что эта политическая система, которая у нас сложилась, навязана нам искусственно со стороны Запада и со стороны*

предателей, пятой колонны Запада. Она, эта система, противоречит интересам русского народа (Сов. Россия. 1999. 25 нояб.). Никто **не препятствовал** и **не препятствует** тому, чтобы вывезенные 300 млрд долларов направлялись в отечественную промышленность (А.И. Амосов. Сов. Россия. 1999. 24 апр.). Власть **боялась** и **боится** народных выступлений, и это наглядно продемонстрировали события последнего месяца (Сов. Россия. 1998. 16 апр.).

– в правильности квалификации обозначенной деятельности: Для российского менталитета характерна склонность к смелым, но мало фундированным идеям. Этим **грешили** ранее, **грешат** и теперь (А.И. Амосов. Сов. Россия. 24 апр. 1999.).

– в правильности квалификации бытия: Всегда **были** и **есть** архитектурные украшения на крышах, окнах изб в России, и вырезные скворешницы, и вырезные петушки на крышах и воротах, вышивки узоров на полотенцах (Л.Н. Толстой, т. 15, с. 393). Ведь с точки зрения геополитической Российская Империя – это форма существования объединившихся народов во главе, конечно, с коренным русским народом. С этой точки зрения, Империя **была** и **есть**. Да, территория сократилась, но осталось ядро Империи, если угодно, мини-Империя (И.Я. Фроянов. Сов. Россия. 2000. 8 апр.).

– в правильности поступков: Нам не за что стыдиться перед своими товарищами, перед всеми честными тружениками. Мы **выступали** и **выступаем** за честность и открытость перед народом (Сов. Россия. 1998. 28 апр.).

– в правильности деятельности: Между тем российское уголовное законодательство **проводило** и **проводит** в настоящее время четкое различие между организацией преступления и участием в нем (В.Д. Филимонов. Сов. Россия. 1999. 15 мая)

– в истинности анализа, наблюдения: Но не достигнутое тогда, изю всех сил пытаются реализовать все последующие годы. Мы воочию **видели** это и **видим** (В. Кожемяко. Сов. Россия. 1999. 18 мар.).

Сочетанием форм прошедшего и настоящего в названных значениях выражается модальное значение более или менее спокойного подчеркивания

– продолжающегося проявления чувства-отношения к кому-, чему-либо: Во время Великой Отечественной войны русская нация, сплотившая вокруг себя народы Советского Союза в деле защиты нашей Родины от иноземных захватчиков, совершила бессмертный подвиг, которым **восхищался** и **восхищается** весь мир (Сов. Россия. 1998. 7 мая).

– продолжающегося интереса к чему-либо: *Писали и пишут о «путях Рериха», об истоках его творчества, о выраженном в искусстве художника «очаровании России»* (М. Бабенчиков. Мысли о Рерихе. Держава Рериха, с. 125).

– возможности / невозможности в прошлом и настоящем какой-либо квалификации. При этом именная часть составного сказуемого выражается прилагательным: *В соответствии со ст. 13 УК РСФСР (с. 37 УК Российской Федерации) они, как действия, направленные на защиту государственных и общественных интересов, не могли и не могут считаться преступными* (В.Д. Филимонов. Сов. Россия. 1999. 15 мая).

В сочетаниях прошедшее-будущее обе формы имеют только общее временное значение, поэтому в каждом предложении выражается сложная модальность: формами прошедшего времени обозначается активная эмоционально и рационально напряженная целенаправленная деятельность, осуществлявшаяся или осуществившаяся в прошлом, а формами будущего времени выражаются разные модальные значения, зависящие от характера индивидуального значения процессуальной единицы, ее видовой характеристики, наличия / отсутствия отрицания и других лексико-грамматических факторов предложения.

– Значение решимости продолжать деятельность в будущем в следующих предложениях: *Придет время – не «отцы», так «дети» оценят тех трезвых, тех честных русских, которые одни протестовали – и будут протестовать – против гнусного умиротворения* (А.И. Герцен. – И.С. Тургеневу. Письма, т. 9. с. 500). *Что же касается нашего мировоззренческого ответа, то мы повторяли и будем повторять: мы, современные коммунисты, являемся ответственными не только за историческое семидесятилетие* (Г.А. Зюганов. Сов. Россия. 1999. 19 янв.). *Мы утверждали и будем утверждать, что в недрах советского общества неуклонно вынашивалось, зарождалось и развивалось удивительное дитя, имя которому – русская цивилизация новых веков* (подчеркнуто автором) (Г.А. Зюганов. Сов. Россия. 1999. 19 янв.).

– Значение неизбежности действия в будущем: *Перестройка и реформы нанесли и будут еще наносить смертельные удары по всем этим составляющим* (спортшколам, спортивному инвентарю, выращиванию талантов, системе подготовки тренеров. – А.Ч.) (Сов. Россия. 1999. 10 июля). *И ... снова все тихо, будто и не было ничего. Понятно, что враждебные народу СМИ молчали и будут молчать о прозрении обманутого ими народа* (Сов. Россия. 1998. 16 апр.).

– Значение уверенности в невозможности действия: *За ней* (компартией России. – А.Ч.) стоят мощные структуры, народная поддержка, миллионы людей, в которых никогда **не умирали** и **не умрут** представления о социализме, о справедливости как о норме человеческого бытия (Г.А. Зюганов. Сов. Россия. 1999. 19 янв.).

– Значение убежденности в отсутствии определенного(-ых) признака(-ов) в прошлом и уверенности в невозможности появления его(их) в будущем характерно для предложений с именным сказуемым со связкой *быть*: *Георгий Свиридов – в отличие от некоторых своих собратьев по искусству, лишенных мелодического дара и потому увлеченных технологическими экспериментами, призванными прикрыть отсутствие музыкального естества, – никогда **не был** и **не будет модным*** (выделено автором) композитором (П. Бекетин. Сов. Россия. 1998. 29 янв.).

В предложениях третьей группы очень отчетливо выражается позиция говорящего, который, находясь в настоящем, как бы на высоте настоящего, модально оценивает свою или чью-либо деятельность в прошлом и выражает свое отношение к осуществлению или продолжению такой же деятельности в будущем.

В предложениях, где одновременно употребляются формы настоящего и будущего, формой будущего времени подчеркивается твердая решимость, почти обет заниматься той же деятельностью, испытывать те же чувства, какие характерны для субъекта в настоящем.

*Как бы я ни наслаждался Италией, – писал он (П.И. Чайковский) в одном из писем, – какое бы благотворное влияние ни оказывала она на меня теперь, а все-таки я **остаюсь** и навеки **останусь** верен России...* (Е. Литовченко. Сов. Россия. 11 мая 2000.).

В сложном предложении или в тексте, объединенном одной темой, модальные значения разных форм времени процессуальных единиц создают одну сложную модальную картину, которая оказывается следствием сочетания частных модальных значений, находящихся в разнообразных отношениях между собой. Характер каждого частного модального значения зависит, как уже отмечалось выше, от характера индивидуального значения процессуальной единицы, избираемой говорящим (пишущим). Временные формы процессуальных единиц в таких синтаксических условиях могут сохранять частное или общее грамматическое значение, но могут не иметь временного значения вообще, а быть лишь

средством выражения модальности, что касается форм настоящего и будущего времени.

*Исследования **показали...**, что гора Эверест **движется** в северо-восточном направлении со скоростью 6 сантиметров в год (Сов. Россия. 1999. 4 дек.).*

Чувство огромного удивления у читателя, слушателя вызывает сообщение об открытии природной закономерности. Модальность всего предложения образована из модальности главной и придаточной частей, в главной утверждается строгая достоверность поразительного явления: глагольной формой *показали* подчеркивается длительность исследований в прошлом, сопряженных с настойчивым, напряженным, возможно драматическим трудом, в процессе которого открывались, повторяясь, разные стороны описываемого явления – сам факт движения, его направление, скорость. В придаточной части средствами, создающими модальность удивления, граничащего с потрясением, является лексическое значение глагольной формы, жестко подчиняющей себе все компоненты придаточной части

движется гора Эверест
движется в северо-восточном направлении,
движется со скоростью 6 сантиметров в год.

Временная форма главной части имеет общее значение прошедшего времени, временная форма придаточной части соответственно значение настоящего постоянного.

Южный магнитный полюс *приближается* к океану.

*Со средней скоростью 2 метра в час «**дрейфует**» южный магнитный полюс Земли по материку Антарктиды. Как **показали** наблюдения магнитологов на шестом континенте, общее направление движения северо-западное – от Земли Виктория к Земле Адели. Уже на 800 километров **переместился** полюс за последние 50 лет. По расчетам геофизиков, в ближайшие годы южный магнитный **покинет** Антарктиду и **займет** место в Индийском океане, а лет через 200 **окажется** на новом континенте – на юге Африки. Это общее направление движения полюса **подтверждается** наблюдаемым в последнее время усилением так называемой южноафриканской аномалии (Наука и человечество. 1965, с. 173.).*

В приведенном тексте говорящий (слушающий) сообщает об открытии неизвестного человечеству планетарного явления. Чувства удивления и победной гордости говорящий выразил комплексом средств: про-

цессуальными единицами с семантикой движения (*приближается, «дрейфует», переместился, покинет, займет место, окажется*), именными формами и сочетаниями с пространственным значением (по материку Антарктиды, от Земли Виктория к Земле Адели, в Индийском океане, на новом континенте – на юге Африки) количественно-именными сочетаниями (со скоростью 2 метра в час, на 800 километров за 50 лет, лет через 200). Заботясь о том, чтобы читатель (слушатель) поверил в достоверность приводимых сведений об открытом поразительном для землян явлении, говорящий (пишущий) употребляет конструкцию «как показали наблюдения магнитологов на шестом континенте» и сочетание «по расчетам геофизиков», в которых большую модальную нагрузку несут отвлеченные существительные *наблюдения, расчеты* и глагол *показали*, который, как и в предыдущем тексте, содержит в своем лексическом значении информацию о длительности, сложности наблюдений в прошлом, сопряженных с настойчивым, напряженным, возможно, драматическим трудом, но приведшим к открытию. К группе средств с названной модальной нагрузкой относится сочетание в последнем предложении – «направление движения подтверждается наблюдаемым усилением ... южно-африканской аномалии».

В этом тексте обращает на себя внимание заключенный в кавычки глагол «дрейфует». В современном русском языке это глагол имеет значения: 1. Отклоняться от курса под влиянием ветра или течения. Мор. Непроизвольно двигаться, плыть по направлению ветра, течения (о льдах, судне и т.п.). 2. Безл. перех. Мор. Сносить с места ветром или течением (судно, стоящее на яоре) (СРЯ, т. 1., с. 605). Как видно, в приведенном тексте глагол использован не в своих значениях. Это дает нам право высказать следующее предположение: пишущий понимает, что перемещение Южного полюса только внешне похоже на дрейф, причины же перемещения принципиально другие, скрытые от ученых, возможно, пока неизвестны им, а если известны, то трудны, по предположению пишущего, для понимания читателя-неспециалиста, щадя его, автор обращает внимание на такие проявления движения, которые понятны всем читающим и одновременно подтверждены наблюдениями, показаниями приборов, расчетами.

Утверждению мысли об огромных возможностях человека в познании законов природы способствуют точно использованные все формы времени. Формами прошедшего времени утверждается результативность

активной человеческой деятельности (*показали, переместился*), формами настоящего времени (*приближается, «дрейфует»*) выражается глубокое и высокое чувство гордости за открытие проявляющегося и сейчас закона; формами будущего времени, отделенного от настоящего десятилетиями и столетиями, выражается предположение о возможном направлении движения Южного полюса Земли.

Модальные значения всех глагольных форм текста выражают цельную модальную картину того, как человек открывает законы природы.

В следующем ниже тексте выражена сложная природа человеческого чувства – отношения к Родине.

«...Как бы я ни наслаждался Италией, – писал П.И. Чайковский в одном из писем, – какое бы благотворное влияние ни оказывала она на меня теперь, а все-таки я остаюсь и навеки останусь верен России. Знаете, мой дорогой друг, что я еще не встречал человека, более меня влюбленного в матушку Русь вообще и в ее великорусские части в особенности... Вот почему меня глубоко возмущают те господа, которые готовы умирать с голоду в каком-нибудь уголке Парижа, которые с каким-то сладострастием ругают всё русское и могут, не испытывая ни малейшего сожаления, прожить всю жизнь за границей на том основании, что в России удобств и комфорта меньше. Люди эти ненавистны мне, они топчут в грязи то, что для меня несказанно дорого и свято». Эти строки написаны более ста лет тому назад... (Е. Литовченко. Сов. Россия. 2000. 11 мая).

В приведенном тексте особенно экспрессивно, открыто выражена модальность сложнейшего эмоционального и рационального высшего чувства – патриотизма, что объясняется в первую очередь жанровой принадлежностью текста, прямым обращением автора письма к другу, который, в чем уверен Чайковский, глубоко его поймет.

С позиций рассматриваемых в настоящей работе проблем приведенный текст характеризуется цельностью, стройностью, сложным единством выражаемых эмоций и мыслей, определенным соотношением модальных значений форм изъявительного наклонения и значений грамматического времени. Главным, объединяющим весь текст средством выражения модальности являются падежные формы местоимения первого лица и глагольные формы первого лица, которыми излагаются чувства и отношение пишущего к России, к другим городам и странам, к лицам, состояниям, действиям: Как бы я ни наслаждался, какое бы благотворное

влияние ни оказывала она *на меня, я остаюсь* и навеки *останусь* верен России, *мой* дорогой друг, я еще *не встречал* человека, более *меня* влюбленно-го, *меня* глубоко возмущают, люди эти ненавистны *мне*, что для *меня* несказанно дорого и свято. Вторым средством можно назвать лексику, обозначающую и выражающую положительные и отрицательные эмоции и чувства: *наслаждался, благотворное* (влияние), *верен* (России), *дорого* (друг), *влюбленный* (в мамушку Русь), *возмущают* (господа), *ругают* (всё русское), (не испытывая) *сожаления*, (люди эти) *ненавистны* (мне), (они) *топчут в грязи* (то), (что) *дорого* и *свято*.

Разнообразные средства использует Чайковский, чтобы выразить свое отношение к людям, покинувшим Россию и говорящим о ничтожных причинах нелюбви к ней: сочетания с неопределенными местоимениями – *в каком-нибудь* уголке Парижа, *с каким-то* сладострастием ругают, процессуальные фразеологизмы – *не испытывая ... сожаления, топчут в грязи*, целые конструкции, в которых автор письма высказывает презрение к тем господам, *которые готовы умирать с голоду*, особенно показательно адъективное словосочетание *ненавистны мне*.

Большую модальную нагрузку в тексте выполняют наречия, характеризующие силу чувств Чайковского – *навечно* останусь верен России, *глубоко* возмущают, *несказанно* дорого и свято.

Глубокую всеохватывающую любовь к России Чайковский отличает, с одной стороны, от ситуативного восторга, наслаждения, которое вызывает в нем Италия теперь, «а все-таки я остаюсь и навеки останусь верен России», с другой стороны, признает, что это чувство любви осознанно противостоит в нем чувству ненависти к антипатриотам, которые основным условием любви к Родине считают наличие внешних удобств, комфорта в родной стране.

Описанное сложное модальное содержание текста организовано совокупностью употребленных глагольных форм изъявительного наклонения, являющихся самостоятельными сказуемыми или частями сложных.

Экспрессия существующего теперь и всегда и твердая уверенность в том, что это чувство останется в будущем, выражена сочетанием форм настоящего и будущего времени: «я *остаюсь* и *навечно останусь* верен России».

Экспрессия исключительного средоточия этого чувства только у автора письма выражается формой прошедшего времени с отрицанием: «Я еще не встречал человека ...» Форма настоящего времени *возмущают*

имеет грамматическое значение настоящего определенного промежутка времени, близкого к настоящему постоянному. Формы настоящего времени фразеологизма *топчут в грязи*, глаголов *ругают*, *могут* (прожить) имеют модальное значение действия, характерного для данного субъекта.

Глагольные формы своими грамматическими и модальными значениями усиливают модальные значения, выраженные другими языковыми средствами, придают всему тексту цельное значение динамичности, устойчивости, значение утверждения, уверенности автора в глубине своих чувств и правильности своего резко отрицательного отношения к тем, кто не любит свою Родину.

Проделанный анализ взаимодействия изъявительного наклонения и грамматического времени в процессуальных единицах помог выявить специфические черты целой категории и одной формы, определить, в чем схожи и различны они между собой, увидеть особенности их функционирования в речи.

За общепризнанным положением о том, что изъявительное наклонение связано с категорией времени, должно следовать, по нашему убеждению, признание того, что каждая из этих грамматических категорий имеет свои собственные средства выражения и свои собственные значения.

Грамматическое время имеет известный узкий набор формальных средств. Изъявительное наклонение к средствам, выражающим время, добавляет широкий круг других средств, внутрисловных и синтаксических, – сочетаний личных глаголов и фразеологизмов с разнообразными частицами, повторы лексемы, междометные формы глаголов, отрицание, суффиксально-префиксальные образования типа *махануть*, *поддакивать*, сочетания глаголов с наречиями на *-о* и др. Таким образом, время и наклонение лишь частично совпадают по средствам выражения.

Различаются две грамматические категории и значениями. Время имеет значение длительности в смене событий, связанных с моментом речи; изъявительное наклонение – значение образа, квалифицируемого говорящим.

Анализ многочисленных фактов показал, что время, как собственно количественная категория, не связано с индивидуальным значением процессуальной единицы, оно (время) беззвучно, необразно. Изъявительное наклонение, напротив, прямо связано с индивидуальным значением процессуальной единицы, в него (значение) «впечатана» мелодика этого слова, являющаяся частью интонации предложения. Отсюда следует – изъяви-

тельное наклонение озвучено, содержит в мелодике процессуальной единицы элементы оценки, квалификации, сообщаемой говорящим. Определить модальное значение личной формы значит выявить заложенную в ее индивидуальном значении позицию говорящего (пишущего).

Значения грамматического времени и изъявительного наклонения лежат в разных плоскостях, время не поглощает изъявительного наклонения, а только устойчиво взаимодействует с ним.

Каждая из трех форм времени имеет общее значение, обусловленное ее соотношением с моментом речи. Частные же значения имеет только форма настоящего времени; прошедшее и будущее не могут иметь частных значений. Эта наша позиция противоречит позиции, излагаемой в современных трудах по русской грамматике.

Из множества приписываемых формам настоящего времени частных значений собственно временными, соответствующими природе этой категории, являются только три, названные в настоящей работе (актуальное настоящее, по А.А. Бондаренко, б). Все другие по существу являются модальными, в них форма настоящего времени утратила временное значение и стала средством выражения значения другой категории, подтверждая известный общеграмматический закон о способности одной формы быть средством выражения нескольких разных грамматических категорий.

Подчеркнем здесь еще раз – конструкциями, в которых временная форма имеет одно какое-либо грамматическое значение, выражается широчайший круг модальных значений, чем подтверждается качественное различие временных и модальных значений, устойчивое взаимодействие двух категорий, а не поглощение одной из них другой.

Показателями разного характера значений изъявительного наклонения и времени являются также сохранность модальных значений при переходе настоящего времени в прошедшее, в «уже не время», и их качественная тождественность при возможном уменьшении степени воздействия на слушателя, читателя.

Именно трехчастность категории времени, подвергавшаяся сомнению некоторыми лингвистами XIX в., с новой стороны подтверждается антропоцентрической категорией наклонения, которая в формах настоящего времени квалифицирует, утверждает обозначенную процессуальной единицей деятельность, в формах прошедшего времени сохраняет для будущих поколений эмоциональный и рациональный опыт предшествующих действий, событий, а формой будущего времени подчеркивает

желание, готовность, решимость, стремление человека что-либо сделать после настоящего. Трехчастность времени и роль его форм в выражении особых модальных значений ярко проявляется в случаях одновременного употребления одной глагольной лексемы в сочетаниях с разными временными формами – прошедшего-настоящего-будущего; настоящего-будущего; прошедшего-настоящего.

В сложном предложении, в целом текстеб, посвященных одной теме, формы двух категорий вступают в сложные отношения друг с другом и позволяют легче выявить позицию говорящего (пишущего).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
2. Виноградов, В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. Изд. 2. – М.: Высшая школа, 1972.
3. Виноградов, В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. Избранные труды. Исследования по русской грамматике / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1975.
4. Пospelов, Н.С. Прямое и переносное употребление форм настоящего и будущего времени глагола в современном русском языке: Исследования по грамматике русского литературного языка: сб. ст. / Н.С. Пospelов. – М.: АН СССР, 1955.
5. Бондарко, А.В. Русский глагол / А.В. Бондарко, Л.Л. Буланин. – Л.: Просвещение, 1967.
6. Бондарко, А.В. Вид и время русского глагола / А.В. Бондарко. – М.: Просвещение, 1971.
7. Никитевич, В.М. Грамматические категории в современном русском языке / В.М. Никитевич. – М.: Учпедгиз, 1963.
8. Никифоров, С.Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века / С.Д. Никифоров. – М.: АН СССР, 1952.
9. Чепасова, А.М. Интонация пушкинских стихов / А.М. Чепасова // Альманах «Пушкин». – Магнитогорск, 2000. – Вып. 2.
10. Гачев, Г.Д. Содержательность художественных форм. Эпос, лирика, театр / Г.Д. Гачев. – М.: Просвещение, 1968.
11. Грамматика русского языка: в 2 т. – М.: АН СССР, 1953. – Т. 1.
12. Ярцева, В.Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка / В.Н. Ярцева // Исследования по общей теории грамматики. – М.: Наука, 1968.
13. Русская грамматика: в 2 т. – М.: Наука, 1980. – Т. 1.
14. Арсеньев, А.С. Анализ развивающегося понятия / А.С. Арсеньев, В.С. Библер, Б.М. Кедров. – М.: Наука, 1967.

Формирование филологических понятий у учащихся школ и студентов вузов: тезисы докладов Всероссийской науч.-практ. конф. «Методология и методика формирования научных понятий у учащихся школ и студентов вузов». – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 1999. – С. 51–53.

ФОРМИРОВАНИЕ И СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ВНЕШНИЙ» И «ВНУТРЕННИЙ» ОБЪЕКТ

В современной научной грамматике под понятие *объект* подводят наименование предмета или лица, на которое направлено действие, выраженное глаголом. В грамматике и энциклопедическом словаре добавляется, что объект противопоставлен субъекту. Это определение страдает неточностью и узостью одновременно. Во-первых, объектом может быть не только предмет или лицо, но и отвлеченное понятие или идеальный объект, как считается в философии, и действие. Формой выражения объекта могут быть не только существительные, хотя это классическая форма, но и другие имена, глаголы и фразеологизмы. Во-вторых, объектные отношения существуют не только в глагольных словосочетаниях, но и в субстантивных, адъективных, наречных, не говоря о том, что объектные отношения имеют место в сложных предложениях. В-третьих, в настоящее время уже нельзя согласиться с тем, что объект всегда находится вне субъекта, особенно если им является лицо. Отвлекаясь от обширного круга вопросов, связанных с объектом, остановимся на понятиях *внешний* и *внутренний объект* в глагольных и некоторых субстантивных словосочетаниях.

В последние десятилетия XX века активно разрабатывается теория семантической структуры слова, особенно глагольного, чаще стали обращаться лингвисты к данным психологии. Из первой концепции мы используем ту часть, где речь идет о делении глаголов на обозначающих физическую и психическую деятельность. Из психологии мы берем сведения о человеке как единстве физического, или физиологического, и психического, о видах проявления психического Я в разных условиях человеческой деятельности и человеческих отношений. До последних десятилетий, можно сказать, отсутствовало учение о семантических категориях, субкатегориях, группах глаголов. Было только учение о переходных и

непереходных глаголах, и было понятие только об объекте, противопоставленном субъекту. В учении о залоге не обращалось внимания на сочетания глаголов с местоимением *себя*, не описывались соотношения возвратных глаголов и сочетаний с *себя* типа *лишился* и *лишил* себя, *преобразился* и *преобразил* себя. Учет достижений лингвистики, данных психологии и наш анализ значения и роли местоимения *себя* в сочетании с глаголами и отглагольными существительными позволяют заявить, что в сочетаниях объектных глаголов, обозначающих всякую физическую деятельность, с существительными, обозначающими предметы, лица, отвлеченные понятия, последние являются *внешними объектами*, противопоставленными субъекту, а в сочетаниях с глаголами или отглагольными существительными, обозначающими психическую деятельность, местоимение *себя* представляет собой активно действующий *объект*, «спрятанный» в субъекте. Этот объект, в зависимости от конкретных условий, захватывает весь субъект, все психическое *я*, тогда местоимение *себя* употребляется в сочетании с местоимением *сам*, если же захватывается только часть психического *Я*, тогда местоимение *себя* употребляется без местоимения *сам*. Психологические термины типа *самовоспитание*, *самовосприятие*, *самоконтроль*, *самонаблюдение*, *самообладание*, *самоопределение*, *самоотчет*, *самооценка*, *самосознание*, *самочувствие*, *воля* и другие, за исключением термина *воля*, включающие в словообразовательную структуру основу *сам-*, обозначают разнообразнейшие функции психического *Я*, осуществляемые *в самом субъекте как в другом человеке, то есть*, выражаясь грамматически, *как в объекте*.

Описанное понимание психического *Я* служит основанием для выдвижения и определения в лингвистике понятия *внутренний объект*. Действительно, объект, выраженный местоимением *себя*, не существует вне *Я*, обозначающего целостную личность; если психическое *Я* в какой(-их)-то функции(-ях) «работает» над одним центром сознания и только этот центр является объектом для целого психического *Я*, то употребляется только местоимение *себя* в разных косвенных падежных формах, если в какой-то функции психическое *Я* «работает» над многими (хотя и не над всеми) центрами, то в языке это выражается сочетанием местоимений *«всего себя»*. Если в тексте говорящий подчеркивает цельность субъекта и объекта, то употребляется сочетание местоимений *сам себя*. Но в каких бы сочетаниях или без них ни употреблялось местоимение *себя*, оно обозначает объект внутри субъекта, оно представляет собой *внутренний объект*. В

сочетаниях с отглагольными существительными, сохраняющими логическую категоризацию процесса, местоимение *себя* выражает объектные отношения и является внутренним объектом (верить в себя – *вера в себя*, бороться в самом себе – *борьба в самом себе*). Названные выше психологические термины являются по существу частными залоговыми значениями словосочетаний с *себя*, о чем свидетельствует сопоставление их с сочетаниями с внешним объектом: заботиться, забота *о себе* и заботиться, забота *о семье, о друге, о товарище*; верить, вера *в себя* и верить, вера *в товарища, в друга, в коллегу*.

КАТЕГОРИИ ВОЗВРАТНОСТИ И ОБЪЕКТНОСТИ

Анализируя состояние вопроса о категории возвратности и объектности в отечественной лингвистике и рассматривая взгляды ученых на эту проблему, автор излагает свою концепцию возвратности глаголов в русском языке, опираясь на теоретические положения в том числе и других гуманитарных наук – философии и психологии.

I

1. Название категории, особенно первой, вынесенное в заголовок статьи, не является общепринятым и заменяется сложным, лишенным цельности, логичности сочетанием возвратные глаголы [8, с. 1]. В.В. Виноградов, характеризуя взгляды К.С. Аксакова на категорию залога, употребляет сочетание *понятие возвратности* [4, с. 482]. Древнерусская грамматика XII–XIII вв. на стр. 465 в термин *залоговые отношения* включает понятия *переходность*, *возвратность* и *собственно залог*, а на стр. 470 заявляет, что четкое формальное выражение возвратности «еще не дает оснований рассматривать ее как грамматическую категорию, поскольку оппозиции, возникающие между возвратными и невозвратными глаголами, слишком разнообразны, чтобы их можно было свести к нескольким однородным значениям» [9]. Автор раздела «Возвратные глаголы» в книге «Грамматика современного русского литературного языка» определенно утверждает: «категория возвратности является не грамматической, а семантико-словообразовательной категорией» [7, с. 353].

Мы думаем, что такое положение объясняется отсутствием осмысления сущностных формальных семантических и грамматических свойств категории, охватывающей огромный разряд русских глаголов. Отсутствие же осмысления связывается с действием ряда глубинных причин. Во-первых, господством формально-грамматического принципа анализа, который предписывал любое явление рассматривать с точки зрения его формального устройства, а формальные отношения между

возвратными и невозвратными глаголами «слишком разнообразны, чтобы их можно было свести к нескольким однородным значениям» [9, там же]. Здесь интересно отметить аналогичное объяснение отсутствия классификации фразеологизмов [20, с. 13] в самом начале развития теории о фразеологическом составе. Во-вторых, отсутствие теории категории возвратности связано с отсутствием концепции семантической структуры слова, в нашем случае – глагола, начавшей развиваться лишь во второй половине XX века. Здесь имеются в виду труды Л.М. Васильева [23], Р.М. Гайсиной [6], Э.В. Кузнецовой [11, с. 12], А.А. Уфимцевой [22]. В-третьих, серьезным препятствием на пути создания теории возвратности является изолированность языкознания, отсутствие его связей с другими гуманитарными (смежными) науками. Мы имеем в виду связь с филологией и психологией.

В последней по счету, но не по значению причиной «пробуксовывания» теории возвратности является отсутствие «единой, четкой квалификации единиц – *ся*, *-си*: что это – частицы, суффиксы, аффиксы, постфиксы, рефлексивные частицы»; возвратные местоимения краткой формы, каково соотношение последних с местоимениями *себя*, *себе*?

Примечание. Последовательность причин, приведенных выше, мы не считаем твердой, больше того, эти причины действуют одновременно, каждая по-своему влияя на концепцию категории возвратности, которая существует с «праславянского периода» [9, с. 506].

2. Вопрос о средствах выражения возвратности на первый взгляд кажется банальным, потому что, как считают все современные грамматисты, «возвратность имеет совершенно четкое формальное выражение» [9, с. 470]. Такой четкой формой считается форма глагола, имеющего морфему *-ся(-сь)*. Обращение к историческим данным заставляет усомниться в полноте и логичности такого вывода. Во-первых, местоимение *ся* в древнейшую доисторическую эпоху функционировало в речи, зафиксированной в памятниках как отдельное слово, *тяготевшее* к глаголу, но располагающееся препозитивно и постпозитивно [16, с. 105], контактно и дистантно по отношению к глаголу. Процесс присоединения возвратного местоимения к концу глагольного слова, начавшийся в «историческую эпоху» [17, с. 169], следовал за тем периодом в древнерусском языке, в котором местоимение *себя*, *себе* и их краткие формы только тяготели к глаголу, но не соединялись с ним. Процесс же объединения, или, как говорит С.Д. Никифоров [15, с. 16], агглютинации к глаголу, начался

позднее, как свидетельствует С.П. Обнорский [17, с. 168] и в «историческую эпоху широко размножились возвратные глаголы» [там же].

Таким образом, модель *глагол + себя (себе, ся, си, съ)* является древнейшей, доисторической, сохраняющейся до сих пор формой в других славянских и неславянских языках, а глагольная форма с морфемой *-ся* является позднейшей, исторической, характерной только для русского языка. Эмоциональным высказыванием отмечает это явление Н. Некрасов: «Соединение *-ся* с глаголами представляет самую замечательную особенность русского языка» [14]. Процесс образования глаголов с возвратным, рефлексивным элементом [9, с. 173] и др. начался отдельными употреблениями с XII в. и полностью еще не закончился ко второй половине XVI в. [15; 17].

Исходя из приведенных кратких свидетельств историков, средствами выражения категории возвратности следует считать две формы: первую синтаксическую – *глагол + себя, себе* (и др. падежные формы), дожившую до нашего времени, и вторую морфемную – *глагол + морфема -ся* в конце глагольного слова.

Первая закрепилась в русском языке за определенными семантическими группами слов, вторая же стала самой продуктивной, способной присоединяться к глаголам практически любой семантической категории. «Возвратные глаголы своим существованием в одном ряду с невозвратными глаголами возбудили сложнейший клубок вопросов у лингвистов» [17, с. 59].

Проблема значения возвратных глаголов и сочетаний глаголов с местоимением *себя*

Одним из сложнейших вопросов в категории возвратности, от решения которого зависит понимание многих проблем категории залога, является выяснение природы возвратного значения.

С.П. Обнорский писал, что возвратными глаголами обозначается «большая активность глагольного признака при возвратной, соответственно, форме» [17, с. 63]. На той же странице, несколько ниже, о глаголах *мыться, стираться* Обнорский говорит, что у них значение «усиленного обнаружения действия в интересах субъекта» (там же).

На пути решения этого вопроса стояли, как мы считаем, несколько препятствий. Первым из них назовем отсутствие теории семантической структуры глагольного слова. В научных монографических трудах, академических грамматиках, учебных пособиях, когда речь заходит о значе-

нии глагола, то говорят, что он обозначает действие, процесс. Под понятие действия, процесса подводились любые действия, процессы, без анализа семантической структуры этих понятий, без учета словообразовательных, морфологических, синтаксических свойств разных объединений глаголов. Положение было «терпимым», когда анализ касался таких категорий, как лицо, вид, время, наклонение. Но когда доходила очередь до категории залога, то такая общая семантическая квалификация глагола как части речи оказывалась недостаточной. Этим объясняется наличие многочисленных разнообразных, нередко противоречащих друг другу теорий залога.

Вторым препятствием на пути решения проблемы залога в целом и проблемы значения возвратных глаголов, на наш взгляд, является жесткое следование теориям греко-латинской грамматики, в соответствии с требованиями которой и все русские глаголы делились на переходные и непереходные. Переходные невозвратные глаголы охватывались залогом действительным и соотносительным с ним страдательным, они определенным образом связывались с объектом в винительном падеже без предлога и творительным действующего лица.

Все непереходные, в том числе возвратные, глаголы оказались вне залога. Хотя возвратные глаголы, утрачивая связь с винительным падежом без предлога, могли развивать, по законам русской грамматики, способность устанавливать синтаксическую связь с объектами, выраженными другими косвенными падежами, они (возвратные глаголы) тем не менее считались непереходными и объединялись учеными в разные, индивидуально созданные или введенные из древнегреческого языка, залоговые значения на разных основаниях – то на основе особенностей лексического значения (взаимное), то на основе определенных семантических или грамматических особенностей (пассивно-качественный, активно-безобъектное, среднее и др.).

Залог русского глагола рассматривался сам в себе, без учета его органичной связи с сформировавшейся уже в древнерусском языке падежной системой, в которой *пять косвенных падежных форм имени с предметным значением* имеют, наряду с обстоятельственными и определительными функциональными значениями, *объектные*. В существующей концепции залога не учитывалось и не учитывается, что возвратные глаголы способны иметь и имеют объектные, залоговые значения, выражаемые

пятью (и только пятью!) падежными формами, включающими и винительный падеж с предлогами.

Третьим препятствием на пути решения проблемы значения возвратных глаголов мы считаем недооценку в лингвистической теории идей антропоцентризма, в которых человек, владеющий национальной речью, не только рассматривался как начало, источник всех языковых процессов, явлений, законов и т.п., но как существо, мыслительная деятельность которого является регулирующим фактором всей и всякой его собственной деятельности. Для обозначения этой функции языком выработана специальная конструкция (*глагол + себя*) и позднее – морфема *-ся, -си, -сь*, присоединяемая к концу глагольного слова. Для решения этой интересующей нас проблемы отрицательным было и остается отсутствие данных психологии, в частности теории Я-концепции.

Со второй половины XX в. и до сих пор отечественные лингвисты активно изучают семантическую структуру глагольного слова. Выше мы называли труды Л.М. Васильева, А.А. Уфимцевой, Р.М. Гайсиной, Э.В. Кузнецовой. Семантической структуре глагольного слова посвящены тематические межвузовские сборники научных трудов: серия сборников «Исследования по семантике», издаваемых в Уфе (1975, 1980, 1982, 1983, 1985, 1986, 1988, 1991 и др.), сборник «Классы слов и их взаимодействие», созданный в Свердловске в 1979 г., книга «Русская глагольная лексика: пересеканность парадигм», вышедшая в Екатеринбурге в 1997 г. и др. По названным авторским монографиям и коллективным трудам легко можно восстановить путь исследования проблемы: одни ученые на основании общей категориально-лексической семы малых объединений выделяли лексико-семантические группы (ЛСГ), например, соответствия, покрытия, удивления, одевания, давления, однонаправленного перемещения и т.п., изучали их семантические, грамматические свойства. Другие исследователи выделяли более крупные объединения, например, глаголы речи, звучания, поведения (Л.М. Васильев) и тоже выделяли их глубинные семантические и грамматические свойства и отношения групп между собой. Позднее изученные группы объединялись в классы, классы в семантические категории на основании общности более абстрактной семы. Постепенно вырисовывалась открытая семантическая система русского глагола, которая состоит, по мнению одних ученых, из пяти субкатегорий – *бытия, становления, действия* и, шире, *деятельности, состояния и отношения*, по мнению других ученых – их трех субка-

тегорий – *действия и деятельности, бытия, состояния, качества*, в которую включены глаголы *становления, субкатегории отношения*.

Для обсуждаемой здесь проблемы принципиально важны следующие положения:

1) возвратные глаголы входят не во все семантические группы и подгруппы, но во все семантические субкатегории, наряду с невозвратными глаголами; (148)

2) возвратные глаголы не образуют «своих», только возвратных субкатегорий.

Таким образом, результаты даже начального периода изучения семантической структуры глагольного слова (а 50 лет – это действительно короткий период в изучении такой огромной проблемы) свидетельствуют о том, что возвратные глаголы по семантической природе не отличаются от такой же природы невозвратных глаголов.

Роль лексического значения в образовании значения возвратных глаголов

Роль лексического значения невозвратного производящего глагола вообще переоценивать нельзя, потому что невозвратный и возвратный глаголы, имеющие одну основу, могут стоять в одном семантическом ряду и, часто, относятся к одной группе или подгруппе. Значение каждого возвратного глагола определяется не его грамматической связью с залогом, а прежде всего его индивидуальным лексическим значением, связанным с лексическим значением производящего глагола без *-ся*.

О зависимости лексического значения возвратных глаголов от лексического значения производящего невозвратного глагола говорит Виноградов в целом ряде параграфов своего фундаментального труда, хотя тогда, в 1946 г., еще не было теории семантической структуры глагольного слова.

Дело в том, что значения и оттенки аффикса *-ся* зависят от лексических значений тех глагольных основ, к которым этот аффикс присоединяется. Общая функция *-ся* – устранение переходности или усиление его непереходности – осложняется разнообразными оттенками соответственно лексической природе тех или иных разрядов глаголов, соответственно их семантической дифференциации [4, с. 495].

Большая часть исследователей русского языка связывала с категорией залога деление глаголов на различные типы соответственно различиям в лексических, реальных значениях глаголов [4, с. 501].

Совокупность значений возвратной формы зависит от взаимодействия значений аффикса -ся и лексических значений переходного глагола в каждом отдельном случае [4, с. 509].

Развитие ... значений и оттенков возвратности зависит от лексического содержания, синтаксических свойств и грамматических возможностей основного, производящего, невозвратного глагола [4, с. 510].

Любопытным кажется такой факт: Виноградов ставит словосочетания *залоговое значение, возвратный глагол, невозвратный глагол* в кавычки [4, с. 509]. Этот факт дает возможность лишней раз убедиться в том, что сам Виноградов сочетание *лексическое значение* возвратного глагола считал более отвечающим существу проблемы значения, чем сочетание «залоговое значение».

В связи с обсуждаемой проблемой нелишне вспомнить еще об одном принципе: в языкознании принято различать лексическое и грамматическое значения слов любой части речи, в том числе и глаголов. Но почему-то забывали и забывают об этом принципе, когда речь заходит о значении возвратного глагола, и лексическое значение подменяется грамматическим, что прослеживается не только в XIX в., но и до последних лет XX в. См. об этом: В.В. Виноградов [4, с. 476–509], Г.А. Стахова [19, с. 288–306], Н.А. Янко-Триницкая [26], И.М. Волчкова [5, с. 240–280].

Роль местоимения *себя* в формировании значения сочетания с глаголом

Сущность возвратности, на наш взгляд, можно объяснить, исходя из роли человеческого фактора при обозначении действия.

Из исторических грамматик [9] известно, что местоимение *себя, себе* и его краткая форма *-ся, -си* образовались одновременно с личными местоимениями, что возвратное местоимение, употребляясь свободно препозитивно и постпозитивно по отношению к глаголу, содержательно тяготело к нему (*ся* сопрут, *ся* не вступаем, *ся* не делят, съгужати *си*, отчаяти *си*, пожалиша *си*). В литературе такие глаголы назывались возвратными, хотя формальных оснований к этому не было, потому что это были **синтаксические конструкции**.

В современном русском языке тоже есть конструкции, соотносительные с возвратными глаголами:

Останавливать/остановить себя – останавливаться/остановиться

Вооружать/вооружить себя – вооружаться/вооружиться

Закалять/закалить себя – закаливаться/закалиться

Хвалить себя – хвалиться
Мыть/вымыть себя – мыться/вымыться
Защищать/защитить себя – защищаться/защититься
Пугать/испугать себя – пугаться/испугаться
Беречь себя – беречься
Развивать в себе, себя – развиваться
Охранять/охранить себя – охраняться/охраниться
Готовить/подготовить себя – готовиться/подготовиться
Отвлекать/отвлечь себя – отвлекаться/отвлечься
Тренировать себя – тренироваться
Отказывать/отказать себе – отказываться/отказаться
Запасать/запасти себе – запасаться/запасть
Удивлять/удивить себя – удивляться/удивиться

Во все конструкциях левого ряда местоимение *себя, себе*, являясь внешне, формально объектом по отношению к связанному с ним глаголу, одновременно и вместе с тем является вторым субъектом, своеобразным «регулятором», «высшим судьей», который «поддерживает», *волевыми усилиями направляет* действия, вообще деятельность субъекта-лица. Местоимение *себя, себе* – это и субъект, и объект в одной форме, это *alter ego* субъекта-лица.

Появление возвратного местоимения *себя, себе (ся, си)* явилось важным и достоверным свидетельством того, что человек уже в тот отдаленный период осознал самого себя не только как предмет окружающего мира, как субъект (я, ты, он, мы и т.д.), но и как своеобразный объект, который хотя и выражен отдельным словом, но содержательно, логически не существует отдельно от действующего субъекта; он (объект) является как бы частью мыслящего субъекта, его «внутренним», «скрытым», но существующим объектом.

В 1999 г., используя психологическую теорию «Я-концепция», я пыталась обосновать понятие внутреннего объекта [25, с. 52; 10, с. 419–420]. Я-концепция понимается как относительно устойчивая, в большей или меньшей степени осознанная, переживаемая как неповторимая система представлений индивида о себе, на основе которой он строит свое взаимодействие с другими людьми и относится к себе. Я-концепция – важный структурный элемент психологического облика личности, складывающаяся в общении и в деятельности, идеальная представленность индивида в себе, как в другом.

Психологические термины типа *самовоспитание, самовосприятие, самоконтроль, самонаблюдение, самообладание, самоопределение, самоотчет, самооценка, самосознание, самочувствие, воля* и другие, за исключением *воля*, включающие в словообразовательную структуру основу *сам-*, обозначают свойства и главным образом разнообразнейшие функции психического *Я*, осуществляемые в самом субъекте как в другом человеке, то есть, выражаясь грамматически, во внутреннем объекте.

Мы на войне учились понимать и узнавать себя самого в другом человеке, тут и хороший человек, и средний, и так себе, и негодяй, – всех видишь в себе, как в зеркале, и себя самого в них (М. Пришвин. Мой герой, т. 5, с. 505).

Театр – игра, и кино – игра, но игра, рассчитанная на вовлечение зрителя. И в тот момент, когда это увлечение удаётся, и театр, и кино становятся школой жизни – чужую судьбу зритель «примеряет» на себя (С. Герасимов. Лит. газ. 1978. 1 нояб.).

*Легко можно усматривать разные слои сознания. В неглубоких слоях неопытный деятель подчас **сожалеет о себе**, видя борьбу нескончаемую* (Н. Рерих. Нерушимое, с. 109). *Каждому приходилось встречать таких печальных чудаков, которые сами **нагромождали около себя** непроходимые заторы миражного хлама* (там же, с. 126). *Есть люди, которые умеют держать в руке несколько вожжей, а другие, **не развив в себе это умение, с трудом удерживают и одну*** (там же, с. 129).

Неагглютинированное местоимение себя обладает несколькими наблюдаемыми признаками:

- 1) не имеет, как известно, формы именительного падежа, но имеет все косвенные падежные формы;
- 2) не имеет формы множественного числа;
- 3) вступает в синтаксическую связь прежде всего с глаголами – в форме винительного падежа без предлога сочетается только с объектными глаголами, в форме других косвенных падежей с предлогами и без них сочетается с возвратными и невозвратными глаголами: *слушать себя или птичек, мы познаем себя, спрашивать себя, представить себя на воле, вдруг понял себя, убеждают себя, судить себя; поймет по себе (кого, что), по себе знаю, чувствую по себе (что), присоединяет к себе прекрасное, обнимали собой природу, начинаю доверять себе, находиться вне себя, уноси с собой (что), содержит в себе (что), открыть в себе (что), подумал о себе (что), мыслить о себе (что), отвечать за себя, смотреть в себя, примеривать на себя*

(что), позволить себе (что), содержит в себе (что), углубляется в себя, писать о себе (что), *напишет про себя* (что), *заинтересовать собой* (кого, что), *определить для себя* (что);

4) местоимение *себя* в качестве компонента способно сочетаться с прилагательными *доволен (-льна, -льны) – довольна (-лен, -льны) собой*, а также с наречием *неожиданно для самого себя*;

5) в формах разных косвенных падежей может сочетаться с отглагольными существительными – *открытие себя, познание себя, узнавание себя, оборона себя, выработка себя, мнительность о себе*;

6) местоимение *себя* в качестве компонента входит в состав большого количества фразеологизмов разных семантико-грамматических классов: *к себе, у себя, от себя, вне себя, не по себе, про себя, по себе; сам (-а,-о,-и) по себе, само собой (разумеется), весь (вся) из себя*.

Семантический круг глаголов, сочетающихся с местоимением *себя* в разных падежных формах, гораздо уже, чем такой же круг возвратных глаголов. Это в основном глаголы мыслительной, эмоциональной деятельности, внутренней речи, активного эмоционального состояния, отношения в прямых и первых значениях. Таковы, например, *воображать/вообразить, думать, избавить, испытывать/испытать, заставить/заставить, зарекомендовать, лишать/лишить, ободрять, мыслить, обезопасить, одолеть, осознать, оправдывать/оправдать, ощущать/ощутить, познавать/познать, посвящать, понимать/понять, приучать/приучить, разоблачать, радовать, развлекать/развлечь, сдерживать/сдержать, сознавать, судить, спросить, тешить, убеждать/убедить, успокаивать/успокоить, уверить, уважать, (не) щадить, отвечать*.

Значение категории возвратности

Справа от конструкций левого ряда (см. выше) приведены возвратные глаголы, которые семантически несамодостаточны по сравнению с глаголами левого столба, если опустить у последних местоимение *себя, себе*.

Самодостаточность возвратным глаголам придает морфема *-ся*, которая выполняет несколько функций: создает новое слово, делает его лексическое значение отличным от значения глагола без *-ся*. В возвратном глаголе субъект-объект, выраженный морфемой *-ся*, сохраняет свое глубинное значение, с психической точки зрения, она утрачивает свои «регулирующие» функции, функции «высшего судьи», части **Я**, отвечающей за волевое принуждение; значение морфемы *-ся* «солидаризируется»,

сливается со значением субъекта, и они вместе становятся источником действия, обозначенного возвратным глаголом. Возвратный глагол получает семантически цельную характеристику, в нем субъект действия полностью, «добровольно», «свободно», без волевого принуждения осознает себя активным, творящим, созидающим, разрушающим, сотрудничающим, подчиняющимся, равным, соответствующим чему-либо и т.д. деятелем. Таково значение возвратных глаголов, если субъект – лицо.

А если субъект – предмет, то действие, обозначенное возвратным глаголом, *оценивается с точки зрения человека* как закономерное или незаконномерное, «правильное» или «неправильное», положительное или отрицательное, как такое, каким оно должно или не должно быть. Поэтому вся масса возвратных глаголов, сочетающихся с субъектом-предметом, обозначает квалифицируемые человеческим сознанием действия, состояния; все такие глаголы не просто антропоцентричны, но содержат сему метафоричности, олицетворения.

Тексты приводятся из очерка Б.Л. Горбатова «Зимовка на Диксоне» (т. 4, 1956).

Лыжи то и дело проваливались в воду. Вытаскивали одну, проваливалась другая, вытаскивали переднюю, проваливалась костыльная (с. 13). Машина плохо слушалась его (Молоткова) (с. 13). ...завтра, если погода будет относиться к нам хотя бы нейтрально. Молотков и его экипаж ...постараются улететь (с. 13). И все-таки вгрызаются перфораторы в скалы (с. 20). Тает остров. Ширится «постель» (с. 21). Снова вцепились тросы в ряж. Тросы натянулись звонко, до предела. Но ряж не качнулся (с. 33). Гусеницы трактора то погружаются в воду, то глубоко зарываются в снег (с. 35). Море очищается от льдов свободно и уверенно (с. 43).

1. Итак, проблема значения возвратных глаголов и сочетаний глаголов с местоимением *себя* – одна из сложнейших в теории залога, она поддается решению, если используется философская теория отношений между субъектом и объектом, данные психологической теории Я-концепции и учение о функционировании морфемы *-ся* и местоимения *себя* при глаголе или другой части речи.

2. Философскую теорию противопоставленности субъекта объекту сформулированная нами концепция значения возвратных глаголов дополняет новым положением: субъект и объект находятся в одном слове (в глаголе с морфемой *-ся*) или в одном словосочетании, в кото-

ром местоимение *себя* хотя и остается отдельным словом, но семантически неотделимо от глагола и по содержанию представляет собой синтаксическое слово.

3. Применение положений психологической теории *Я-концепции* позволило выявить свойства понятий внешнего и внутреннего объекта: объект, выраженный существительным или местоимением другого разряда, кроме возвратного, является внешним, а объект, выраженный возвратным глаголом или сочетанием глагола с местоимением *себя*, является внутренним и находится внутри субъекта, как *alter ego* субъекта.

4. В возвратном глаголе внутренний объект *действует в «согласии», «гармонии»* с субъектом. Они обозначают одно цельное «добровольно» принятое действие. А в сочетании глагола с местоимением *себя* внутренний объект как второй субъект осуществляет *регулирующую, контролирующую* функцию, функцию *принуждения* и всегда остается автономным по отношению к субъекту действия, хотя и внутри субъекта.

5. Так как морфема *-ся* может присоединяться к глаголам всех семантических категорий, субкатегорий, групп и подгрупп, то в таком количестве возвратных глаголов субъект действует в «согласии», «гармонии» с внутренним объектом.

6. Лавинообразный процесс образования возвратных глаголов от древности до настоящего времени свидетельствует о всевозрастающей активной роли осознанной «добровольной» деятельности современного человека.

7. Так как местоимение *себя* сочетается главным образом с кругом глаголов, обозначающих интеллектуальную, эмоциональную деятельность, речь человека, то только в этих семантических субкатегориях внутренний объект проявляет свою регулирующую, контролирующую, принудительную функцию.

Если же субъектом действия оказывается не-лицо, то возвратный глагол оценивает, квалифицирует действие с точки зрения говорящего, признает его (действие) закономерным или незаконным, положительным или отрицательным и т.п. Такие глаголы не только антропоцентричны, но и часто метафоричны.

В целом возвратность любой формы, морфемная или синтаксическая, является обязательным показателем участия человеческого сознания, мышления, воли во всякой деятельности человека.

Грамматические проявления категории возвратности

Категория возвратности в современном русском языке имеет морфологическое и синтаксическое проявление, отличающее ее от аналогичных проявлений невозвратных глаголов.

1. От возвратных глаголов не образуются страдательные причастия, поэтому их (глаголов) парадигма сокращена на один вид форм. Очень знаменательным в этом отношении является заключение С.Д. Никифорова, исследовавшего глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI в.: «ни одно причастие с агглютированным *-ся* не встречено» [15, с. 32] (автор имеет в виду страдательные причастия. – А.Ч.). Были ли такие формы до XVI в., предстоит выяснить историкам языка.

2. Возвратные глаголы утратили способность подчинять себе существительные или местоимения с предметным значением в форме винительного падежа без предлога.

3. С образованием возвратных глаголов появилась, а с развитием у них новых значений развивается способность подчинять другие падежные формы имен с объектным значением, т.е., говоря другими словами, у возвратных глаголов развивается объектность, как правило, отличающаяся от объектности невозвратного глагола.

Ср.: Сердить кого-л., но сердиться на кого-л.

Радовать кого-л., но радоваться за кого-л., радоваться чему-л.

Трудить (устар.) кого-л., но трудиться за кого-л., трудиться над чем-л., трудиться на кого-л., трудиться с кем-л.

Защищать/защитить кого, -что-л., но защищаться/защититься от кого-, чего-л.; защищаться/защититься с кем-, чем-л.;

защищаться/защититься против кого-, чего-л.

Скрывать/скрыть кого-, что-л., но скрываться/скрыться от кого-, чего-л., скрываться/скрыться за чем-л.

Смирать/смирить кого-, что-л., но смиряться/смириться перед кем-, чем-л.

Смущать/смутить кого-, что-л., но смущаться/смутиться чем-л., кого-, чего-л.

Открывать/открыть что-л., но открываться/открыться для кого-л., чему-л., перед чем-л., в чём-л., чем-л.

И немногочисленные приведенные выше факты свидетельствуют не только о том, что возвратные глаголы способны сочетаться и сочетаются с формами всех пяти русских косвенных падежей, имеющих объектное

функциональное значение, но и о том, что названные связи возвратных глаголов, как правило, отличаются от объектности невозвратного глагола.

Примечание. Приведенная выше оговорка «как правило» вызвана тем, что в языке, хотя и редко, встречаются соотносительные возвратные и невозвратные глаголы, объектные связи которых совпадают.

Например: *Говорить* о ком-, чем-л. и *говориться* о ком-, чем-л.

Петь о ком-, чем-л. и *поется* о ком-, чем-л.

Отличать от кого-, чего-л., чем-л. и *отличаться* от кого-, чего-л., чем-л.

Отбеливать чем-л. и *отбеливаться* чем-л.

Отгораживать от кого-, чего-л., чем-л. и *отгораживаться* от кого-, чего-л., чем-л.

4. Современные возвратные глаголы способны сочетаться с творительным падежом действующего лица, что сопрягается с утратой семы активной воли субъекта-объекта в значении глагола и заменой ее другой, квалифицирующей семой: «так должно быть» и «так правильно», или «так закономерно», с изменением функции логического и грамматического субъекта и объекта.

Например: *Корабль управляется капитаном.*

5. Широко распространились так называемые безличные формы, в значении которых также исключается сема активной воли, но субъект остается субъектом, хотя изменяет форму именительного падежа на форму дательного без предлога.

Ср.: А Варьке спать *хочется* (А.П.Чехов). – А Варька спать *хочет*.

Мне *хочется* домой. – Я *хочу* домой.

Мне *не читается, не работается*. – Я *не читаю, не работаю*.

Возвратные глаголы с таким значением ограничены в формообразовании: они употребляются только в формах 3 лица, ед. ч., наст. или прош. времени, ср.р.

До сих пор речь шла о грамматическом проявлении глаголов с морфемной формой выражения возвратности. Теперь назовем грамматические свойства глаголов с синтаксической формой выражения возвратности.

6. Глаголы с местоимением *себя*, несмотря на расчлененность формы, представляют собой одно слово, а не словосочетание, если обозначают психическую деятельность, местоимение *себя* в таких случаях является внутренним объектом, или вторым субъектом.

7. Если же глагол обозначает физическую деятельность, местоимение в таком случае является внешним объектом и выполняет функцию дополнения в предложении, а сочетание в целом является глагольным словосочетанием.

8. Глаголы с местоимением *себя*, обозначающие психическую деятельность, могут стать производящими для отглагольных существительных с тем (-и) местоимением (-ями). При этом существительные изменяют лингвистическую категорию, но полностью сохраняют логическую и так же, как производящие сочетания глаголов с *себя*, обозначают процесс, свойство, действие, а местоимения в таких случаях выполняют роль внутреннего объекта и в предложении выполняют функцию одного члена предложения:

- гордиться самим собой – гордость самим собой
- верить в себя – вера в себя
- превращать себя в другого – превращение себя в другого
- выработать в себе – выработка в себе
- бороться в самом себе – борьба в самом себе
- бороться с самим собой – борьба с самим собой.

*Какую бы сферу человеческих деяний вы ни взяли, всюду обнаружите, что человек идет к своему таланту, к своему расцвету через знания, через необходимость «научиться». Иначе никогда не состоится **открытие самого себя** (Б. Панкин, В. Чикин. Комс. Правда.1965. 24 января). **Открытие себя** (название главы в книге «Человечество открывает себя». Р.Г. Подольный, с. 4). **Развитие личности, осознание человеком самого себя – результат долгого и сложного процесса** (Р.Г. Подольный, там же, с.11).*

Сравнение грамматических проявлений двух форм выражения возвратности показало, что позднейшая форма, морфемная, глубже вошла во все части современной семантики, морфологии и синтаксиса и потому имеет больше разных проявлений, чем древнейшая форма, и не просто больше проявлений, но различных качественно.

Как показали многолетние наблюдения и анализ материала, возвратность соотносится с залогом так же, как вид с аспектуальностью, лицо с персональностью, время с темпоральностью, наклонение с модальностью. Возвратность находится в сложных отношениях с субъектными и объектными глаголами и процессуальными фразеологизмами.

II

Понятие *объект* в философии определяется как «то, что противостоит субъекту, на что направлена его предметно-практическая и познавательная деятельность [23, с. 123]. Объекту отводится принципиально важная роль в практической деятельности человека, он (объект) актуализирует те свойства субъекта, которые скрыты в нем. Познание осуществляется только в деятельности, через нее, раскрывающую, актуализирующую скрытые свойства субъекта и тем самым раскрывающую, актуализирующую человеческие знания об окружающем мире и самом человеке. Поэтому в философии сформулирован вывод о том, что «проблема познания не может быть верно понята вне анализа различных форм деятельности субъекта с объектом [там же].

В языкознании понятие *объект* отождествляется с понятием *дополнение*: в Словаре лингвистических терминов в статье к слову *объект* он толкуется как второстепенный член предложения с 13 разновидностями объекта [1, с. 279]. В статье к слову *дополнение* толкуется как объект с 20 его разновидностями [там же, 143]. Отвлекаясь от дискуссии по проблеме объекта в языкознании, ограничим свой анализ только рамками его взаимоотношений с категорией возвратности.

Предварительные замечания:

1. В настоящей работе не используются термины *переходные* и *непереходные* глаголы, т.к. они, будучи заимствованными из греко-латинских грамматик, не соответствуют семантико-грамматическим свойствам русского глагола и русской грамматики вообще. Названные термины, хотя они и употребляются в русской грамматике несколько веков, заменены терминами *субъектный* и *объектный*, за которыми закрепляется определенное непротиворечивое семантическое и грамматическое содержание, о котором кратко будет сказано ниже.

2. В связи с новым пониманием залога и учетом форм выражения объекта в русском языке, связанных с русской падежной системой, мы не используем термины *прямое* и *косвенное* дополнение. *Субъектность* – семантико-грамматическая категория, возвратный глагол этой категории обозначает семантически самодостаточное процессуальное свойство семантического и грамматического субъекта. С морфологической точки зрения возвратный глагол характеризуют:

а) неограниченная способность категорий лица, вида, времени, наклонения так же обозначать процессуальное свойство субъекта, как это характерно для невозвратного глагола;

б) синтаксическое свойство возвратного глагола – способность сочетаться только с одной предметной субстанцией – источником действия – обнаруживает координационную связь модели $S \leftrightarrow V$. Примеры взяты из словаря [21]:

...Сергея три дня не показывался во дворе... (с. 57). Пихты расползлись шишрь, сцепились ветвями... (с. 247). На реке стоит шум и грохот – ломается лед (с. 257). Спуск корабля на воду совершится через неделю (с. 469). Туристы обосновались на ночь у подножия горы Волчиха (с. 469). Полина выписалась из родильного дома (с. 473). Под окнами вправо тянулся огород (с. 473). Дружба их оборвалась так же внезапно, как началась (с. 474).

Объектность – тоже семантико-грамматическая категория, возвратный глагол этой категории обозначает семантически несамодостаточное процессуальное свойство семантического и грамматического субъекта. С грамматической стороны возвратный глагол характеризует неограниченная способность сочетаться с морфологическими категориями и так же обозначать процессуальное свойство субъекта, как это характерно для невозвратного глагола, но в отличие от субъектного объектный глагол семантически восполняется за счет второй предметной субстанции, т.е. обозначает направленное к объекту действие. Объект выражается именем с предметным значением, имеющим форму любого косвенного падежа с предлогом или без него, кроме винительного без предлога.

Синтаксическая модель объектного глагола $S \leftrightarrow V \rightarrow O$.

В этой синтаксической модели значение глагола определяется семантически и грамматическим требованием субъекта, а семантическое содержание и грамматическая форма объекта определяются возвратным глаголом. Объектный возвратный глагол с зависимым именем образует словосочетание с подчинительной связью *управление* в координационной синтаксической связи объектного глагола с именем в форме именительного падежа. Примеры взяты из словаря [21]:

Новый сотрудникзнакомился с коллегами, включается в работу отдела (с. 153). ...Пастуховвытачкался в саже (с. 156). О стекло звонко билась первая весенняя муха (с. 183). ...Степанов стукнулся затылком о стенку (с. 183). Лодка мягко ударилась бортом о берег (с. 186). ...он сел и уперся

локтями в колени (с. 90). *От бессонницы так просто не отделаешься* (с. 234). *К вдове* (159) инженера Прошина *посватался* хирург Светлов ... (с. 396). *Работая на приисках, он наживался на бедствиях и страданиях бедняков* (с. 567).

Как видно из приведенной характеристики возвратных субъектных и объектных глаголов, они обладают частично совпадающими, частично различными свойствами: их объединяет отношение к морфологическим категориям, но различают некоторые синтаксические свойства. Таким образом, если возвратный глагол обозначает семантически самодостаточное ненаправленное действие, связанное с одной предметной субстанцией, субъектом, он субъектный; если возвратный глагол обозначает семантически несамодостаточное, направленное на объект в любой падежной форме, кроме винительного без предлога, действие, он объектный.

Другое соотношение субъектности и объектности глаголов с синтаксической формой возвратности. Если глагол в сочетании с местоимением *себя* в форме винительного падежа без предлога исчерпал свои сочетательные объектные возможности, например, *чувствовать себя, строить себя, делать себя, воспитывать/воспитать себя, тренировать себя, держать себя, утешать себя* и т.п., он остается субъектным. Если глагол в сочетании с местоимением *себя* в форме другого косвенного падежа, он двух- или более-объектный и реализует другие свои синтаксические связи в сочетании с существительными в форме винительного падежа без предлога, т.е. становится объектным с формально сложной синтаксической моделью, в которой место глагола занимает сочетание глагола с местоимением *себя* в разных падежных формах и объект в винительном падеже без предлога: $S \leftrightarrow V_{\text{pron}} \rightarrow O$.

Включать/включить в себя что; *вбирать/вобрать в себя* что; *содержать в себе* что; *вводить /ввести в себя* что; *изображать/изобразить из себя* кого, что; *приковать к себе* что; *привязывать/привязать к себе* кого; *развивать/развить в себе* что; *присоединять/присоединить к себе* кого, что; *вырабатывать/выработать в себе* что; *строить из себя* кого; *корчить из себя* кого; *приобретать/приобрести себе* что; *захватывать/захватить себе* что; *отвоевывать/отвоевать себе* что; *стряхивать/стряхнуть с себя* что; *чувствовать/почувствовать в себе* что; *впитывать/впитать в себя* что; *открывать/открыть в себе* что; *воспитывать/воспитать в себе* что; *держаться в себе* что; *таить, затаить в себе* что; *навлекать/навлечь на себя* что; *грести под себя* что; *устремлять/устре-*

мить на себя что; выдавливать/ выдавить из себя что; требовать к себе чего; скидывать/ скинуть с себя что.

Скиньте с себя цепи рабства и угнетения, скиньте с себя помещиков, что насосались вашего пота (А. Серафимович). **И наука – это как раз тот ребенок, который приносит огромную прибыль, но при этом требует к себе заботливого отношения.** В него надо вкладывать деньги и не ждать сиюминутной отдачи (Ж. Алферов. Сов. Россия. 2003. 4 дек.). **Законопроект впитал в себя поправки и дополнения** (Известия. 1990. 26 апр.). **Устремил на себя испытующее око** (Н.В. Гоголь). За годы Советской власти был создан Единый энергетический комплекс, **включавший в себя все генерирующие энергию станции Дальнего Востока, Сибири, Европейской части СССР** (В. Симонин, Сов. Россия. 2003. 23 дек.). **Единая энергетическая система России, как говорят специалисты, уникальна. Она включает в себя 440 различных электростанций, линии электропередачи протяженностью более 3 000 тыс. км, единую систему диспетчерского регулирования** (там же).

Единицы названной модели могут быть потенциально объектными и в речи употребляться без материально выраженного объекта.

Частные объектные значения отличаются большим разнообразием, могут быть предложными и беспредложными [22].

Например: **сердиться на кого** – залог с вин. *на*
успокоиться чем – залог с твор. без предл.
удариться обо что – залог с вин. *обо*
отвернуться от кого – залог с род. *от*

Если возвратный глагол многозначный и объектный, он имеет несколько залоговых форм.

Например: **радоваться чему** – залог с дат. без предл.
радоваться за кого – залог с вин. *за*
трудиться на кого – залог с вин. *на*
трудиться над чем – залог с твор. *над*
подружиться между кем – залог с твор. *между*
подружиться с кем – залог с твор. *с*

Как следует из предыдущего изложения, возвратность не мешает глаголу быть объектным и многообъектным, не мешает быть залоговым и многозалоговым, что свидетельствует об органичной связи возвратности и объектности и что объектность в свою очередь есть грамматическая категория, имеющая свою систему форм выражения, жестко связанную с падежной системой русского языка. Падежные объектные значения, не

поглощая лексического значения, сохраняют в возвратности активно функционирующую триаду возвратного, лексического и падежного значения в каждой возвратной процессуальной единице.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 606 с.
2. Васильев, Л.М. Очерки по семантике русского глагола / Л.М. Васильев. – Уфа: Баш. гос. ун-т, 1971. – С. 38–309.
3. Васильев, Л.М. Семантика русского глагола / Л.М. Васильев. – Уфа: Баш. гос. ун-т, 1981. – 70 с.
4. Виноградов, В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М.: Высш. шк., 1972. – 617 с.
5. Волчкова, И.М. Возвратные глаголы и лексико-семантические группы русских глаголов / И.М. Волчкова // Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ. – С. 240–280.
6. Гайсина, Р.М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке / Р.М. Гайсина. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1981. – 195 с.
7. Грамматика современного русского литературного языка АН СССР. – М.: Наука, 1970. – 767 с.
8. Грамматика русского языка: в 2 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – Т.1. – 720с.
9. Древнерусская грамматика XII–XIII вв. – М.: Наука, 1995. – 502 с.
10. Краткий психологический словарь / под общей ред. А.В.Петровского и М.Г. Ярощевского. – М.: Изд-во полит. литературы, 1985. – 431.
11. Кузнецова, Э.В. Лексикология русского языка / Э.В. Кузнецова. – М.: Высш. шк., 1989. – 216 с.
12. Кузнецова, Э.В. Ступенчатая идентификация как средство описания семантических связей слов / Э.В. Кузнецова // Вопросы лингвистики. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. – С. 84–95.
13. Мордвилко, А.П. Очерки по русской фразеологии / А.П. Мордвилко. – М.: Просвещение, 1964. – 131 с.
14. Некрасов Н.П. О значении форм русского глагола / Н.П. Некрасов. – СПб., 1895. – С. 105–108.
15. Никифоров, С.Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века / С.Д. Никифоров. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 344 с.
16. Обнорский, С.П. Залоговые отношения глаголов / С.П. Обнорский // Очерки по морфологии русского глагола. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 250 с.

17. Обнорский С.П. К истории залогов в русском языке / С.П. Обнорский // Исследования по лексикологии и грамматике русского языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 306 с.
18. Русская грамматика: в 2 т. АН СССР. – М.: Наука, 1980. – Т. 1. – 783 с.
19. Стахова, Г.А. Глаголы собственно-возвратного залогового значения в современном русском языке / Г.А. Стахова // Исследования по лексикологии и грамматике русского языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 28–306 с.
20. Телия, В.Н. Фразеология / В.Н. Телия // Теоретические проблемы советского языкознания. – М.: Наука, 1968. – С 257–277.
21. Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-Пресс, 1999. – 693 с.
22. Уфимцева, А.А. Семантика слова / А.А. Уфимцева // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – С 5–80.
23. Философская энциклопедия: в 5 т. / под ред. Ф.В.Константинова. – М.: Сов.энцикл., 1960–1970.
24. Чепасова, А.М. Основы категории залога русских процессуальных единиц / А.М. Чепасова. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2005. – 165 с.
25. Чепасова, А.М. Формирование и соотношение понятий «внешний» и «внутренний» объект / А.М. Чепасова // Формирование филологических понятий у учащихся школ и студентов. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 1999. – С. 51–53.
26. Янко-Триницкая, Н.А. Возвратные глаголы в современном русском языке / Н.А. Янко-Триницкая. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 247 с.

Русский литературный язык: грани и границы. Материалы Вторых Житниковских чтений, посвященных 20-летию кафедры русского языка / отв. ред. К.В. Киуру. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 1998. – С. 36–44.

МОДАЛЬНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Весь круг проблем, касающихся предложения – проблемы структуры, основных признаков, объема, грамматического значения разнообразных типов предложений и др. – на протяжении всего XX века решался с позиций системно-структурного принципа, подогреваемого борьбой за утверждение качественных отличий предложения от суждения. При названном принципе изучения предложения если не игнорировалось, то, во всяком случае, не реализовалось фундаментальное положение об общественном характере языка и личностном, индивидуальном характере речи, о языке как средстве коммуникации общества и о речи как о языке индивидуума. Парадоксально в синтаксисе XX века то, что определяли предложение как **речевую** единицу, а исследовали его исключительно как **языковую** единицу, такую, в которой конкретное содержание не является предметом грамматического рассмотрения, такую, в которой грамматику интересует структура предложения, типические формы предложений, присущие тому или иному общенародному языку в его историческом развитии. Как известно, эти требования были четко сформулированы академиком В.В. Виноградовым в 1950 году в работе «Основные вопросы синтаксиса предложения» [1] и повторены в 1953 году во Введении к «Грамматике русского языка» [2]. Под названным углом зрения за вторую половину XX века отечественными лингвистами создано огромное количество трудов, посвященных предложению как ядру синтаксиса современного русского языка. Второй характерной чертой синтаксических трудов не только этого периода, но и предыдущих является рассмотрение любого предложения изолированно от связанного текста, из которого изымается для анализа это предложение, рассмотрение предложения самого по себе как такового.

Природу не всех категорий и форм оказалось возможным исследовать, применяя системно-структурный принцип анализа, Так, одна из

«основных, центральных» (В.В. Виноградов) категорий предложения – модальность – не получила последовательного глубокого объяснения, несмотря на то, что почти каждый синтаксист, пишущий о предложении, касался ее. Об отсутствии стройного, непротиворечивого учения о природе модальности в современном отечественном языкознании свидетельствует статья М.В. Ляпон в Лингвистическом энциклопедическом словаре [3]. Совершенно очевидно также, что создатели новой теории модальности непременно будут обращаться к работе В.В. Виноградова «О категории модальности и модальных словах в русском языке» [4], содержащей очень много элементов нового понимания категории модальности, хотя работа написана в середине XX века.

Ни в коей мере не претендуя на окончательность своих суждений, выскажу положения, основываясь на которых я смогла раскрыть несколько признаков модальности. Прежде всего, я рассматриваю предложение как речевое произведение, в котором сформирована индивидуальная мысль, посредством которого сообщается индивидуальная мысль, которая выражается таким образом, как осознал и оценил ее говорящий, индивидуум, по-своему использующий языковые законы. Во-вторых, говорящий, как член общества, ограничен социальными, историческими, нравственными, правовыми, эстетическими и другими законами, рамками. В-третьих, говорящий как личность характеризуется своими, только ему присущими психическими чертами и интеллектуальными способностями. И, наконец, такое принципиальное положение – предложение всегда часть большей индивидуальной речи, последнее органично связано с другими предложениями, образующими объединение, называемое текстом. Это положение не учитывалось в работах по синтаксису предложения и начало учитываться в работах, посвященных анализу текста. Будучи частью более сложного синтаксического целого, отдельное предложение в содержательном, интонационном и модальном отношениях является частью целого произведения, если оно большой формы, или целым произведением, если оно малой формы.

Исходя из названного понимания речевых признаков предложения и его связи с большим текстом, природу модальности, думаю, следует изучать с таких сторон – коммуникативной, антропоцентрической, психолингвистической, социолингвистической, филологической, философской с непременным использованием данных системно-структурного анализа.

Каждый из четырех признаков предложения – синтаксическое лицо, синтаксическое время, модальность и интонация, являясь конструктивным, имеет свою систему средств выражения. Синтаксическое лицо выражается именительным, реже другими падежными формами имени или словосочетания; синтаксическое время – морфологическим временем полнозначного личного или вспомогательного глагола; модальность имеет широчайший круг формальных средств выражения – наклонение личного глагола, наречие на *-o*, *-e*, частицы, модальные слова и фразеологизмы, эмоционально оценочные существительные и прилагательные. Короче говоря, все части речи и формы могут стать модальным средством. Интонация (лат. *intono* – громко произношу) имеет особые средства выражения – ударение, мелодику, интенсивность, длительность, темп речи и тембр произнесения. Модальность, находясь в совокупности названных признаков, занимает свое собственное место, не поглощаясь ни одним из признаков, а лишь взаимодействуя с каждым из них. Каждый признак характеризуется своим собственным значением – у лица четко ограниченное значение субъекта, у времени – тоже ограниченное значение протяженности, связанной с моментом речи как точкой отсчета; модальность (лат. образ, способ) имеет специфическое значение позиции говорящего по отношению к высказываемой или высказанной мысли. Объем этого значения чрезвычайно широк, точнее говоря, оно пронизывает все предложения, а так как отдельное предложение – это часть текста, то модальное значение предложения включает в себя еще часть модального значения текста.

Не ставя перед собой задачи определения природы интонационного значения, отмечу – оно характеризуется чрезвычайной широтой и тем, что проявляется в целом предложении, а через него и в тексте, органично связано с общим и частным модальными значениями, но отличается от последних строгим национальным характером и отсутствием жесткой связи с лексико-грамматическим составом предложения и текста в целом.

Модальность предложения требует для своей полной квалификации учета модального значения текста, частью которого оно (предложение) является. Таким образом, модальность обнаруживает себя не только как лингвистическая категория, но и как филологическая и требует от исследователя синкретичного филологического анализа.

Я исключаю здесь разделы, посвященные таким вопросам, как степень выраженности модальности в разных по структуре конструкциях, зависимость модальности от стиля литературного языка, жанра произведе-

дения и других, и перехожу непосредственно к анализу модальности как средству обнаружения позиции говорящего (пишущего). Для анализа я взяла материал из третьего тома пятой части главы девятой романа-эпопеи «Война и мир» Л.Н. Толстого, где речь идет о представлении оперы в московском театре.

1. На сцене были ровные доски посередине, с боков стояли крашенные картоны, изображавшие деревья, позади было протянуто полотно на досках. В середине сцены сидели девицы в красных корсажах и белых юбках. Одна, очень толстая, в шелковом белом платье, сидела особо, на низкой скамеечке, к которой был приклеен сзади зеленой картон. Все они пели что-то. Когда они кончили свою песню, девица в белом подошла к будочке суфлера, и к ней подошел мужчина в шелковых в обтяжку панталонах на толстых ногах, с пером и кинжалом и стал петь и разводить руками.

Мужчина в обтянутых панталонах пропел один, потом пропела она. Потом оба замолкли, заиграла музыка, и мужчина стал перебирать пальцами руку девицы в белом платье, очевидно выжидая опять такта, чтобы начать свою партию вместе с нею. Они пропели вдвоем, и все в театре стали хлопать и кричать, а мужчина и женщина на сцене, которые изображали влюбленных, стали улыбаться и разводя руками, кланяться.

2. Во втором акте были картоны, изображающие монументы, и была дыра в полотне, изображающая луну, и абажуры на рампе подняли, и стали играть в басу трубы и контрабасы, и справа и слева вышло много людей в черных мантиях. Люди стали махать руками, а в руках у них было что-то вроде кинжалов; потом прибежали еще какие-то люди и стали тащить прочь ту девицу, которая была прежде в белом, а теперь в голубом платье. Они не утащили ее сразу, а долго с ней пели, а потом уже ее утащили, и за кулисами ударили три раза во что-то железное, и все стали на колена и запели молитву. Несколько раз все эти действия прерывались восторженными криками зрителей.

3. В третьем акте был на сцене представлен дворец, в котором горело много свечей и повешены были картины, изображавшие рыцарей с бородками. Впереди стояли, вероятно, царь и царица. Царь *замахал правой рукой* и, видимо робея, *дурно пропел что-то* и сел на малиновый трон. Девица, бывшая сначала в белом, потом в голубом, теперь была одета в одной рубашке, с распущенными волосами, и стояла около трона. Она *о чем-то горестно пела*, обращаясь к царице; но царь строго махнул рукой, и с боков вышли мужчины *с голыми ногами* и женщины *с голыми ногами* и

стали танцевать все вместе. Потом скрипки заиграли очень тонко и весело. Одна из девиц, *с голыми толстыми ногами и худыми руками*, отделившись от других, отошла за кулисы, поправила корсаж вышла на середину и стали *прыгать и скоро бить одной ногой о другую*. Все в партере захлопали руками и закричали браво. Потом один мужчина стал в угол. В оркестре заиграли громче в цимбалы и трубы, и один этот мужчина *с голыми ногами стал прыгать* очень высоко и семенить ногами. (Мужчина этот был Dupont, получавший шестьдесят рублей серебром за это искусство). Все в партере, в ложах и райке *стали хлопать и кричать* из всех сил, и мужчина остановился и стал улыбаться и кланяться на все стороны. Потом танцевали еще другие, *с голыми ногами, мужчины и женщины*, потом опять один из царей *закричал что-то под музыку*, и все стали петь. Но вдруг сделалась буря, в оркестре слышались хроматические гаммы и аккорды уменьшенной септимы, и все побежали и потащили опять одного из присутствующих за кулисы, и занавесь опустилась. Опять между зрителями поднялся страшный шум и треск и все восторженными лицами стали кричать: – Дюпора! Дюпора! Дюпора!

По языковым средствам, использованным Толстым, отчетливо обнаруживается его резко отрицательное отношение к оперно-балетному искусству как непонятному и чуждому народу. Все декорации на сцене, костюмы артистов, действия по ходу оперы, балетные части в опере Толстой описывает с совершенно фантастической, по действию романа, позиции крестьянина, может быть, яснополянского, который вдруг оказался в оперном театре. Поэтому декорации Толстой, с позиции крестьянина, описывает в первом акте как «ровные доски посередине», «с боков стояли крашенные картоны, изображавшие деревья, позади было протянуто полотно на досках»; во втором акте «были картоны, изображавшие монументы и была дыра в полотне, изображавшая луну»; в третьем акте «был на сцене представлен дворец, в котором горело много свечей и повешены были картины, изображавшие рыцарей с бородами», «с боков вышли мужчины», «сел на малиновый трон».

По приведенным ниже сочетаниям и конструкциям видно, что Толстой, отлично знавший, что такое опера и какова роль декорации, отрицает условность такого сложного искусства, как оперное, представляя натуралистически остраненно декорации как несообразную со здравым смыслом непонятную обстановку. Артисты, все безымянные как исполнители, кроме Дюпора, и лишены имени рода своих занятий, называются «девицами в красных корсажах и белых юбках», девица в белом, по-

том «в голубом», потом «в одной рубашке», «мужчина в шелковых в обтяжку панталонах на толстых нотах», «мужчины», «женщины», «царь», «царица», «один из царей».

Желая вызвать у читателя неприятное впечатление от внешности артистов, Толстой употребляет прилагательное *толстый* в значении «большой в объеме, в обхвате, с крупным, жирным телом; тучный» [5], «одна, очень толстая» и то же прилагательное с оттенком указанного значения «мясистый, жирный, округлый». Об отдельных частях тела человека или животного [6] «мужчина на толстых ногах». Той же цели служит прилагательное *голый* – «не покрытый одеждой, обнаженный, *нагой*» [7], «мужчины и женщины с голыми ногами» (повторяется пять раз), хотя Толстому отлично известно, что ноги у балерин и балетмейстеров не голые. Особенно большую роль при создании антиэстетического впечатления Толстой отводит глаголу *тащить* – «перемещать, двигая волоком, не отрывая от поверхности», вместе с производными *потащить*, *утащить* употребленному четыре раза.

Остраненность проявляется в употреблении общенародных слов с их прямыми значениями на месте специальной лексики оперного и балетного искусства. Так, вместо терминов вокального искусства Толстой употребил лексику *песня*, особенно натуралистично изображены сольные балетные номера: «Одна из девиц, с голыми толстыми ногами и худыми руками, отделившись от других, отошла за кулисы, поправила корсаж, вышла на середину и стала прыгать и бить одной ногой другую». «Потом один мужчина стал в угол... и один этот мужчина с голыми ногами стал прыгать очень высоко и семенить ногами. (Мужчина этот был Dupont, получавший шестьдесят тысяч рублей серебром за это искусство)».

С позиции крестьянина, опера лишена какого-либо содержания: «Все они пели *что-то*», «...в руках у них было *что-то* вроде кинжалов», «потом прибежали еще *какие-то* люди», «ударили три раза во *что-то* железное», «царь... дурно пропел *что-то*», «она о *чем-то* горестно пела», «...один из царей закричал *что-то*». Эта часть позиции Толстого выражена неопределенными местоимениями.

Наш анализ средств выражения позиции, или модальности, был бы неполным, если бы мы не коснулись синтаксиса рассматриваемого текста. Конструкции в целом и по структуре однообразны, примитивны и полностью соответствуют речи неграмотного человека. В нем господствуют простые предложения с однородными членами, бессоюзные или сложносочиненные предложения со значением временной последова-

тельности, последняя часто выражается наречием *потом*. «Мужчина в обтянутых панталонах пропел один, потом пропела она. *Потом* оба замолчали...». «Они не утащили ее сразу, а долго с ней пели, а *потом* уж ее утащили...». «*Потом* скрипки заиграли тонко и весело». «*Потом* один мужчина стал в угол...». «*Потом* танцевали еще другие, с голыми ногами, мужчины и женщины, *потом* опять один из царей закричал что-то...». В этом тексте не найти сложных конструкций, так характерных для Толстого, конструкций, при помощи которых он выражает сложнейшие движения души и мысли. Заметим к тому же – интонационный рисунок всех трех отрывков монотонный, спокойный, все предложения повествовательные. Однако это спокойное повествование находится в противоречии с описываемой здесь же реакцией всего зала: «действия прерывались восторженными криками зрителей», «все в партере захлопали руками и закричали браво», «...стали топтать и кричать изо всех сил», «опять между зрителями поднялся страшный шум и треск...»

Здесь великий Толстой не покривил душой и в сущности сказал, что описанное отношение – только его отношение, только его модальность, хотя он и приписывает такое же отношение к происходящему на сцене своей любимой героине Наташе Ростовой: «*После деревни и в том серьезном настроении, в котором находилась Наташа, все это было дико и удивительно ей. Она не могла следить за ходом оперы, не могла даже слышать музыки: она видела только крашенные картонные и странно наряженных мужчин и женщин, при ярком свете странно двигавшихся, говоривших и певших; она знала, что все это должно было представлять, но все это было так вычурно-фальшиво и ненатурально, что ей становилось то совестно за актеров, то смешно на них*».

Как видно из анализа, Толстой для выражения своей модальности использовал комплекс средств, начиная с лексического состава, продолжая характером значения слов, повторяющимися словосочетаниями и отдельными лексемами и кончая синтаксическими и интонационными средствами. Все эти средства трудно рассматривать только как средства приема остранения, при котором знакомый, известный автору предмет описывается как впервые увиденный и потому воспринимаемый читателем, героем необычно, странно [8]. Мы считаем, что это способ выражения личностного отношения к изображаемому. С таким пониманием термина *остранение*, распространенным в советской психологии, можно согласиться [9].

В русской литературе отражено и другое отношение к театру вообще и балету в частности. Я имею в виду строфы с VII по XXI первой главы «Евгения Онегина» А.С. Пушкина и особенно строфы XX и XXI.

Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух от уст Эола;
То стан совет, то разовьет
И быстрой ножкой ножку бьет.

Весь текст свидетельствует о положительной модальности Пушкина, о его восторженном отношении к балету. Лексикой в форме кратких прилагательных *блистательна, полувоздушна*, смычку волшебному *послушна*, существительным *пух*, уменьшительно-ласкательной формой *ножка*, повторенной дважды, глаголами в разных формах Пушкин передает легкость, воздушность, стремительность танца: «одной ногой касаясь пола», «летит», «то стан совет, то разовьет». Сравнительный оборот «как пух от уст Эола» еще больше подчеркивает легкость и волшебность танца. Динамичность танца Пушкин рисует, используя большое количество глагольных форм (их восемь в 10 строках), а также особыми синтаксическими средствами, использованием обособленных членов предложения вместо придаточных предложений, однородных членов с союзом *то...то*, который имеет значение чередования событий, действий.

Восторженное отношение Пушкина к балету совпадает с таким же отношением зрительного зала, что выражено фразой в следующей строфе «Все хлопает». Оставаясь реалистом, Пушкин замечает, что у его главного героя модальность восприятия балета другая:

...на сцену
В большом рассеянии взглянул,
Отворотился – и зевнул,
И молвил: «Всех пора на смену;
Балеты долго я терпел,
Но и Дидло мне надоел».

Однако от своего личного отношения Пушкин не отказывается, что легко наблюдать по сделанному им примечанию: Черта охлажденного чувства, достойная Чайльд-Гарольда. Балеты г. Дидло исполнены живости воображения и прелести необыкновенной. Один из наших романтических писателей находил в них гораздо более поэзии, чем во всей французской литературе [10].

Проанализированные произведения были написаны в прошлом веке с разницей приблизительно в 30 лет, и хотя Толстой высказал свое отношение к опере и балету позже Пушкина, в наше советское время получило развитие пушкинское отношение к театру вообще, к опере и балету в частности. (Достаточно вспомнить прощание 25 марта 1998 года, прощание не только москвичей, но и всех русских с великой балериной Г.С. Улановой.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов, В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения (На материале русского языка). Избранные труды Исследования по русской грамматике / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1975.
2. Грамматика русского языка: в 2 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1953–1954.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 303–304.
4. Виноградов, В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. Избранные труды. Исследования по русской грамматике / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1975.
5. Словарь современного русского литературного языка. АН СССР: в 17 т. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. – Т. 15. – С. 576.
6. Там же.
7. Там же. Т. 15, с. 144.
8. Краткая литературная энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1968. – Т. 5. – С.488.
9. Там же. С. 489.
10. Пушкин, А.С. Собрание сочинений: в 10 т. / А.С. Пушкин – М.: Изд-во художественной литературы, 1959–1962. – Т. 4. – С. 178.

ИНТОНАЦИИ ПУШКИНСКИХ СТИХОВ

I

Горько сожалею о том, что в начале XIX века, когда жил и творил Пушкин, не умели записывать звучащие голоса поэтов, певцов, артистов, общественных деятелей, а научились это делать в XX веке. Как жаль, что мы не услышим, как читал Пушкин «Клеветникам России», «Во глубине сибирских руд», «К Чаадаеву», «Сожженное письмо», «Зимний вечер» и «Бесы», «Деревню», «Кавказ» и другие. И ведь он читал не только стихи. Мы можем только завидовать его слушателям.

Современное языкознание, в своих новых и не новых направлениях повернувшееся к говорящему и слушающему, к его психологии, позволяет ученым с разной степенью глубины проникать в сущность написанного, сказанного, понимать состояние автора, его отношение к тому, о чем он говорит или пишет в своем произведении. Больше того, используя современные методологии, принятые для анализа художественного текста, можно обнаружить в произведениях писателей и поэтов прошлого свойства, благодаря которым они (произведения) до сих пор воспринимаются как современные, а их авторы – как живые. Для лингвистического изучения произведений русских авторов с новых сторон полезными оказываются разные составляющие таких теоретических направлений и концепций, как язык мысли, или внутренняя речь, речевая деятельность, концепции интонации и модальности. Назовем здесь кратко отправные положения, важные для настоящей работы.

В трудах, посвященных речи, утверждается, что речь – это реализация языка, что она носит субъективный, личный, характер, является видом свободной творческой деятельности индивида, который в речи отражает свой личный опыт, свои мысли и чувства. Звучащая или письменная речь называется внешней в противоположность внутренней речи, или языку мысли [1, с. 184 и след.], протекает во времени и пространстве. Речь принято делить на обычную, практическую и поэтическую. Поэтическая речь, в отличие от практической, допускает отчуждение от автора и придает субъективному содержанию общечеловеческую значимость. В то же время соединение поэтической речи с личным опытом и психикой вос-

принимающего обеспечивает ее множественность интерпретаций [2, с. 196 и след.], связанных с тем, что текст, доходя до читателя, слушателя сквозь время и пространство, обязательно в какой-то мере переосмысливается; к тому же автор, читатель и слушатель, даже если они живут в одно время, не могут быть тождественны ни культурно, ни эмоционально, ни интеллектуально [3, с. 3].

Субъективный, личный характер речи в противовес общественному характеру языка во всех трудах, посвященных проблеме соотношения языка и речи, квалифицируется как закономерность. Однако названный признак речи не является ни абсолютным, ни антонимичным языку. Представляя индивида, она в то же время представляет и общество, говорящее на данном языке. Субъективное в этом случае остается частью объективного, личное – частью общественного.

Формирующаяся теория интонации русского языка, берущая начало в отечественном языкознании с «Российской грамматики» М.В. Ломоносова, содержит еще много неоткрытого, необъясненного. Среди причин слабой разработки концепции интонации можно выделить: 1) традиционно всеобщее внимание к письменной форме языка, к его системно-структурному строю, 2) недостаточное внимание в психологии к проблеме соотношения языка и мышления, 3) своеобразную природу интонации – звуковую, психо-физиологическую, как особую изначальную материальную сторону человеческого языка. Отвлекаясь от широчайшего круга обсуждаемых проблем интонации, кратко охарактеризуем те, которые имеют отношение к нашей теме. Прежде всего установлено, что интонация – обязательный компонент высказывания, как единицы устной речи, и предложения, как единицы письменной речи, что она представляет собой грамматический элемент предложения-высказывания, связанный с его смыслом, предикативностью и модальностью, хотя связь эта не такая непосредственная, как, например, у категорий вида или времени, или падежа, а более опосредованная. Широко распространенным можно считать мнение лингвистов о связи интонации с порядком слов и с их формами. Близок к решению вопрос о структуре интонации. Первой, основной структурной частью считают мелодику, высоту тона, затем интенсивность, длительность или темп как временной компонент, ударение, тембр, паузы [См. об этом 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9]. Пока еще нет единого мнения относительно пауз и тембра [2, 10]. Выявлено, что при образовании высказывания-предложения наблюдается взаимодей-

ствие разных компонентов интонации, иерархичность их положения относительно друг друга [8].

В теории грамматических категорий принято определять их характер. Правомерно поставить этот вопрос относительно интонации, попытаться выяснить, что она такое. Каковы ее параметры? С одной стороны, она имеет звуковую, психофизиологическую природу и этим качественно отличается от всех известных грамматических категорий, с другой стороны, она не связана прямо, материально с каким-либо компонентом лексико-фразеологического состава *предложения*, но в то же время связана, и довольно прочно, с порядком слов в предложении, с общим значением форм слов и отдельных категорий, например, изъявительного, повелительного, условного. С третьей стороны – интонация появляется и существует только в законченной речевой единице. С четвертой стороны, интонация является средством выражения смысла, эмоций, модальности высказывания. Интонационный компонент, по мнению психологов, «выполняет очень важную роль. Читающий должен вычитать ту интонацию, которая вписана в текст сочинителем. Без этого невозможно верное прочтение и понимание текста» [11, с. 148–149]. Исходя из сказанного, можно заключить: интонация является универсально-автономной категорией и должна изучаться в фонетике, психологии, грамматике и стилистике предложения и текста. Изучение ее количественных характеристик с помощью технических средств, ЭВМ пока отстает от изучения ее в психологии и синтаксисе экспериментальным и описательным способами в терминах семантического синтаксиса.

Таковыми способами описаны повествовательная, восклицательная, побудительная, выделительная, перечислительная и др. типы интонации. Интонация будет охарактеризована не полно, если не коснуться такой ее стороны, которую можно выразить вопросом – субъективная ли она? Какой смысл вкладывается в понятие «субъективная»? Ответ на этот вопрос имеет принципиальное значение не только для понимания интонации, но и для понимания другой, органично связанной с ней категорией – модальностью. Интонация, о которой говорят, которую исследуют лингвисты, является признаком устной внешней речи. Последняя, в свою очередь, является следствием развития и окончательного семантико-структурного и грамматического оформления внутренней речи, или языка мысли, или «промежуточного языка» (Ю.Н. Караулов). Советские психологи еще в 40-х и 50-х годах выявили такие свойства и функции

внутренней речи, что лингвисты уже тогда, то есть полвека тому назад, могли бы ответить на поставленный вопрос о субъективности интонации. Привожу краткое изложение мнения психологов о природе, свойствах и функциях внутренней речи:

Наше мышление выражается в форме внутренней речи.

Внутренняя речь является не только формой выражения мысли, но и средством ее формирования.

Внутренняя речь имеет место всегда в процессе обдумывания, слушания, беседы, размышления с самим собой, во время чтения, письма и во время перерывов (пауз) во внешней речи.

Внутренняя речь имеет различные фазы, начиная с весьма сжатого выражения мыслей в виде лишь отдельных, быстро сменяющихся слов до правильно построенного предложения.

Внутренняя речь проявляется в артикуляции органов речи и в связанных с ней слуховых раздражениях. Поэтому внутренняя речь является внутренне озвученной для думающего.

При развернутой внутренней речи, приближающейся к внешней, ясно выступает внутренняя интонация предложения, действующая в тесной связи с порядком слов в нем.

...Уже во внутренней речи определяется интонация каждого предложения и выбор соответствующей синтаксической структуры для наиболее точного выражения мысли [9, с. 19].

Как видим, психологические исследования вскрывают фундаментальное свойство интонации внешней речи, объясняя, что внешняя интонация является следствием развития внутренней интонации, формирующейся в голове думающего, беседующего, размышляющего с самим собой, читающего, пишущего и даже молчащего субъекта. Из сказанного следует, что интонация (в лингвистике она не делится на внутреннюю и внешнюю) может быть и является только субъективной. Этот термин мы используем, как принято в диалектикоматериалистической философии, в значении «субъективно то, что свойственно субъекту или производно от его деятельности» [12, с. 156]. Здесь считаю необходимым высказать несогласие с мнением Л.Р. Зиндера, который, понимая «субъективный» как 'относящийся только к данному субъекту, отражающий только его мысли и переживания и т. п.; личный, индивидуальный' [13, с. 1140], а не как закономерную часть объективного, отрицает субъективный характер интонации на том основании, что «субъективное, социально не обусловленное не может иметь лингвистического значения [8, с. 268]. Конечно, есть такое

субъективное, а точнее, индивидуальное, которое не имеет лингвистического значения, но такое индивидуальное встречается у людей с нарушенным речевым аппаратом или с нарушенной психикой. Принципиальное же отрицание субъективного характера интонации есть вольное или невольное отрицание субъективного характера речи, являющейся реализацией языка.

С характером интонации связан еще один очень важный вопрос, о котором писали и пишут специалисты по фонетике, фонологии, грамматике, методисты. Мы имеем в виду вопрос о национальном характере интонации. Думается, ответ на поставленный вопрос можно получить, выводя, «вычисляя» его из следующих фактов речи и мнений ученых:

1. Процесс зарождения внутренней интонации начинается в голове ребенка определенной нации, национальности с усвоения интонации материнской речи, затем – интонации близких людей, окружающих ребенка. Этот процесс идет одновременно с расширением круга услышанных и повторенных слов, морфологических форм и синтаксических сочетаний и конструкций своего, национального языка. В появившейся внешней речи ребенка можно уже наблюдать, что он владеет основными национальными правилами формирования и выражения своих мыслей, некоторыми типами интонации внешней речи: он умеет информировать о себе и об окружающем, особенно четко выражает при помощи интонации волю (требование «дай! дай!»), ребенок понимает интонацию вопросов и правильно отвечает на них. С ростом и развитием ребенок усваивает и использует все или почти все звуковые проявления своей родной речи;
2. Общеизвестным свойством считается выразительность интонации, связанная с общим типом речи – повествованием, вопросом, побуждением. Например, не слыша или не полностью слыша произносимые слова родной речи, по интонации можно определить цель высказываемого;
3. Многие исследователи разделяют мысль В.А. Богородицкого о том, «что каждому языку свойственна своя интонация, причем разные интонации имеют не только разные языки, но и говоры в пределах одного языка». (Цит. по: [9, с. 31]). Такого же мнения придерживается Л.Р. Зиндер: «... существуют факты, делающие очевидным, что интонация разнится от языка к языку». И дальше: «...труднее всего иностранцы усваивают именно интонацию. Лица, безукоризненно произносящие отдельные слова чужого языка, делают зачастую ошибки в интонации, особенно тогда, когда дело идет о более значительных по объему отрезках речи. Можно сказать, что

интонация представляет наиболее характерный фонетический признак данного языка» [8, с. 270]. Из сказанного видно, что вопрос о национальном характере интонации близок к положительному решению, если нельзя сказать, что уже решен положительно. Подытоживая рассуждения о характере интонации, отметим: 1) интонация – универсальное звуковое, психофизиологическое и одновременно грамматическое средство формирования и выражения законченной мысли и определенной эмоции, заключающихся в предложении-высказывании, сложное по структуре; 2) она субъективна, как и речь, по источнику возникновения и средоточения; 3) национальна, как всякая грамматическая категория.

Самым сложным в разделе «Интонация» является вопрос о значении, он даже не сформулирован строго. В целом ряде трудов без доказательств заявляется, что фонологические средства сами по себе не имеют значения [2, 7, 9]. Причем такие заявления повторяются вплоть до 90-х годов нашего века. Правда, Л.Р. Зиндер относится к этой проблеме осторожнее, он говорит, что вопрос о знаковой природе интонационных средств остается открытым [8, с. 273]. И в то же время активно утверждается огромная роль интонации в выражении *смысла* предложения, утверждается, что между *интонацией* и *смыслом предложения* существует теснейшая связь, что с изменением интонации может *меняться интеллектуальное и эмоциональное содержание предложения*, что фонетические изменения в движении голоса *обусловлены смыслом* и строем предложения [9, с. 73]. Современная лингвистика и психология, еще с середины XX века, дают возможность снять противоречия в понимании значения и роли интонации и сформулировать положительное решение названной проблемы. Прежде всего, мы исходим из того, что фонетические средства человеческой речи изначально «отягощены» содержанием. Другими словами, интонация всегда, с момента возникновения человеческой речи и до появления письменной ее формы была единственной формой связной человеческой речи; с появлением письменной речи интонация остается изначальной формой речи. Интонация имеет свою единицу, называемую интономой. Используя данные современной теории семантической структуры слова, которая доказала, что в лексическом значении слова выделяется семантическое ядро, с которым иерархически связаны все другие семы (Д.Н. Шмелев, Л.М. Васильев, Э.В. Кузнецова и др.), и данные психологии о том, что внутренняя речь озвучена для думающего и что слово во внутренней речи не имеет той определенной грамматической

оформленности, какую получает во внешней речи, можно вывести положение о том, что семантическое ядро каждого слова имеет свою интоне-му, свою звуковую форму. Последняя носит сугубо национальный характер, устойчиво сохраняет содержательный элемент в семантическом ядре до тех пор, пока данное слово остается в активном фонде языка. Когда же слово или его форма выходит из активного запаса, оно (она) становится непонятным (-ой) читателям, слушателям последующих поколений и требует толкования, то есть оживления звуковой формы семантического ядра данного слова или формы. Функцию оживления звуковой формы семантического ядра слова выполняют все исторические словари русского языка, шире, славянских языков. В сущности, ту же функцию выполняют словари иностранных слов и все двуязычные словари. Интонация семантического ядра внутренней речи менее сложная по структуре, она состоит из мелодики, динамического компонента и темпа; интонация внешней речи включает гораздо больше компонентов: кроме словесного, говорящий может придать ей логическое ударение, усилить мелодику ядра мелодикой словообразовательных, формообразовательных грамматических элементов; включая данную интоне-му в сложные фонологические связи с интоне-мами других слов конкретного предложения или большего текста, говорящий обогащает ее мелодически и придает ей окончательную фонологическую и смысловую четкость; будучи употребленной в определенной позиции в предложении, отдельная интонация становится частью интонации как системы фонологических средств, выражающих определенное логическое и эмоциональное значение данного предложения, встроенной говорящим в определенный ритмический порядок. Во внешней речи интонации своеобразно связываются с паузами, которые представляют собой сложные по значению фонологические средства, необходимые как в простом, так и в сложном предложении. Интонация внутренней речи характеризуется и таким свойством: она является одновременно средством выражения значения одного ядра и средством выражения значения нескольких ядер, находящихся с данным ядром в отношениях, которые во внешней речи называются отношениями между словами в тематической группе или подгруппе, или отношениями между членами синонимического ряда. Наличием такого свойства можно объяснить сходную, близкую или тождественную мелодику ядер в одном языке.

Интонация, как и любая другая языковая категория, имеет общие и частные значения. Первый тип ее общих значений определяется ее зву-

ковой природой. Здесь выделяются повествовательные, вопросительные, побудительные значения. У каждого из них выявлены общие фонологические модели и многочисленные частные значения. Второй тип значений связан с содержательной стороной интонации, и здесь принято выделять интеллектуальный, или логический, тип и эмоциональный. О первом типе значений существует большая литература, его имеют в виду, когда речь идет о порядке слов в предложении, об актуальном его членении, о структуре предложения – простом, осложненном разными членами, об односоставных и двусоставных, о сложных, особенно бессоюзных и других предложениях. Эмоциональное значение в современном языкознании оказалось менее изученным, хотя нельзя согласиться с тем, что «эмоциональным аспектом не занимались, он был исключен из языкознания» [8, с. 269], Такой взгляд не отражает подлинного положения в науке. Еще в 1946 г. Е.В. Кротевич, как свидетельствует Г.П. Фирсов, писал о том, что интонация выражает две стороны звучащей речи: интеллектуальную (логическую) и эмоционально-волевою [9, с. 53]. До этого, в 1931 году, И.П. Лысков заявлял, что «интонация есть результат сложения всех психических деятельностей и проявлений, подготовляющих процесс коммуникации и предложения. Поэтому корни ее неразрывно связаны не только с коммуникацией и не только предшествуют словесному проявлению предложения, но также дают направление и окраску коммуникативной деятельности сознания. Причина всего этого кроется в связи представлений не только с эмоциями самого разнообразного характера и направления, но также и с волевыми проявлениями» [9, с. 53]. Как видим, еще в 30-х, потом в 40-х годах определенно, хотя и в иных, чем сегодня, терминах, утверждалась мысль о том, что эмоциональный аспект составляет большую часть человеческого отношения к миру, потому что человек не может стать субъектом мысли и деятельности без участия всех чувств, воли и других органов его индивидуальности [12, с. 358–359]. Имея в основании этот философский взгляд на человека, можно утверждать, что полное, глубокое изучение человеческой речи невозможно без данных о роли в ней эмоционального фактора. При исследовании этого вопроса на помощь языкознанию приходит психология, в которой решены такие вопросы, как различение эмоций и чувств, утверждение их субъективного характера, определение чувств как высшего продукта развития эмоций, классификация эмоций и чувств, средства их выражения. Наряду с названными важными для нашей темы положениями являются мыс-

ли психологов о том, что эмоции выражают оценочное отношение к отдельным условиям, которые способствуют или препятствуют осуществлению деятельности субъекта, мысли о связи эмоциональности с мировоззрением, о том, что «субъективная оценка более или менее верно отражает объективную вероятность, иначе эмоции утратили бы своё адаптивное значение» [14].

II

Когда бы и кто бы ни писал или говорил о Пушкине, всегда и все отмечали и отмечают, что Пушкин им современен. И теперь, по прошествии 200 лет со дня рождения, эту мысль повторяют писатели, поэты, критики, ученые разных отраслей науки – социологи, правоведы, политологи, экономисты, историки, психологи, лингвисты, стилисты, журналисты, учителя физики, химии, биологии (я уж не говорю об учителях русского языка и литературы, которые знают Пушкина и о Пушкине профессионально), пожилые и старые, молодежь, юношество, студенты, школьники, дети дошкольного возраста. О Пушкине пишут, читают, спорят люди, казалось бы, очень далекие от литературы и поэзии – легчики, пограничники, капитаны дальнего плавания, работники леспромхоза, сотрудники института растениеводства, короче говоря, вся нация. Что находили, находят и еще будут находить в Пушкине прошлые, настоящие и будущие поколения русских людей? Ответ на этот вопрос и очень сложен, потому что Пушкин исключительно, почти фантастически разнообразен и очень прост. *Каждый* читавший и читающий Пушкина, слушавший его и слушающий его произведения, изучавший и изучающий его *находит свое*. Интеллектуальное и эмоциональное разнообразие Пушкина таково, что его невозможно охватить людям одного временного периода, как бы ни были они активны в изучении жизни и творчества великого поэта. Люди следующих временных периодов, разрешая оставленные предшественниками «загадки», формулируют новые для будущих поколений. В этом заключается, на мой взгляд, причина возникновения, существования и развития пушкинианы. В стилистике, истории литературного языка, методике преподавания литературы, в литературоведении Пушкину посвящено огромное количество трудов. И всё-таки... Неисследованными остаются вопросы мелодики, интонации пушкинских произведений, прежде всего поэтических. Исключение составляют труды композиторов, к примеру величайших П.И. Чайковского и Г.В. Свиридова, которые уме-

ли «вычитать интонацию, вписанную в текст сочинителем» (Н.И. Жинкин), и выдающихся певцов – Ф.И. Шаляпина и современного Д. Хворостовского. Что же касается интонации как первейшего свойства речи и языка, то она (интонация) остается во многом неизученной в языковедении и так же неизученной, как свойство речи отдельного автора.

В настоящей работе мы ограничиваем себя рассмотрением трех вопросов интонации пушкинских стихов – её содержательности, национального характера и средств выражения эмоций и чувств.

Основа интонации стихотворения «*Клеветникам России*», ее мелодический рисунок и особенности средств выражения чувств глубокого презрения, негодования Пушкина определяются прежде всего мелодикой семантического ядра слова *клевета* – ‘ложь, распространяемая с целью опорочить кого-, что-либо, разглашение, распространение заведомо ложных, позорящих сведений’ [13, т. 5, с. 1006], во внешней речи обогатившейся мелодикой морфемы *-ник* в производном *клеветник* – ‘тот, кто клеветает; распространитель клеветы’ [13, т. 5, с. 1007], мелодикой формы множественного числа, указывающей на то, что имеются в виду все клеветники, и мелодикой формы дательного падежа, указывающей на адресат. Мелодика ядерной семы издревле известна русским людям (лексема *клевета* – ‘клевета, наговор, злословие’ [15 т. 4, с. 214] приводится как одно из употреблений в Изборнике 1076 г.).

Интонация презрения выражена уже в заголовке: автор помещает форму *клеветникам* на первое место в предложении, усиливая, возвышая чувство негодования указанием на то, что объектом клеветы, на которую Пушкин отвечает, является не отдельное лицо, а его отечество, Россия. Высшее нравственное чувство любви к Родине и презрения, ненависти к её врагам проходит через всё стихотворение, что выражается, во-первых, в строгой семантической сочетаемости лексем: «о чем шумите», «зачем анафемой грозите», «бессмысленно прельщает вас», «ненавидите вы нас», «грозны на словах», «озлобленные сыны», «нечуждые им гробы». Во-вторых, в использовании большого количества различных вопросительных конструкций. В одних он сам отвечает на свои же вопросы и эти ответы в вопросительной форме по интеллектуальному содержанию должны бы вызывать чувства, противоположные тем, которые они вызывают у клеветников.

Так, Пушкин утверждает: «И ненавидите вы нас...» и после паузы с презрением спрашивает: «За что же?»

... за то ли,

Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, пред кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?..

Особенно современен и актуален Пушкин в стройной группе риторических вопросов, каждый из которых произносится повышенным тоном, размеренным темпом, каждый содержит логическое ударение и представляет собой гордое сознанием силы России утверждение, могущее вызвать и вызывающее ярость в стане клеветников.

Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..

Вопросительная частица *иль* (*или*), начинающая конструкции, мелодически сложная, она содержит семы вопроса, сомнения и отрицания или утверждения противоположного. В каждом вопросительном предложении есть лишь те слова, в которых заключается сущность вопроса и содержится указание на бесспорные общеизвестные факты, которые имеет в виду Пушкин и которые требуют только одного ответа, хотя он и не обозначен лексико-грамматическими средствами. Поэтому после каждого вопроса должна быть пауза, отчетливо выражаемая во внутренней речи думающего и внешней речи говорящего. В продолжение паузы слушающий мысленно отвечает на вопрос поэта:

Иль нам с Европой спорить ново?...

Ответ: не ново.

Иль русский от побед отвык?...

Ответ: не отвык.

Иль мало нас ?...

Ответ: нас много.

Сложна интонационная структура последнего вопроса: она включает в себя перечислительную интонацию, с которой произносятся именные конструкции с предлогами *от... до, от... до, от... до*. Ими Пушкин гордо обозначает величественные пределы России. Вопросительные конструкции с *или (иль), ли* обычны для русского синтаксиса – они употребительны в русских народных пословицах (Али я виновата, что рубаха дыривата?). В публицистических статьях современных авторов: Можно *ли* забыть, например, как внушал Киселев по русинскому НТВ, что крестьянину на моей родной Рязанщине прямо-таки губительно будет воссоединение с Белоруссией, поскольку белорусская картошка «задавит» русскую. (Виктор Кожемяко. Советская Россия. 1999. 18 марта). Вообще Пушкин часто употребляет такие конструкции в других своих произведениях. Заканчивается стихотворение «Клеветникам России» грозным предостережением, выраженным формой повелительного наклонения и напоминанием о судьбе прошлых завоевателей, выраженным уже интонацией внешне спокойного сурового заключения, произносимого пониженным тоном и замедленным, как кажется, темпом.

Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

Интонация гнева, презрения, «вписанная» Пушкиным в лексический состав, грамматические формы и синтаксические конструкции стихотворения, «вычитывается» нами, русскими, живущими в начале XXI века, и потому живым, современным нам остается сам Пушкин.

В стихотворении «Пророк» Пушкиным показаны процесс и результат размышления над главной для него проблемой – назначением поэта в обществе, трагически обострившейся событиями 1825 года. Пушкин изобразил осознанную им необходимость выше и дальше видеть, дальше, острее и точнее слышать, необходимость говорить суровую, жгучую, высокую правду и необходимость иметь пылающее, как уголь, сердце в виде фантастической встречи с шестикрылым серафимом и действий последнего. Интонационный рисунок всего стихотворения определяется семантикой ядра слова *пророк* – ‘По религиозным представлениям – провозвестник и исполнитель воли божества’ (16, т. 3, с. 834), торжественным, высоким характером лексико-грамматического состава и двухчастной структурой всего произведения. Первая часть имеет вступление, в кото-

ром объясняется главная причина напряженного драматического состояния поэта – томящая его духовная жажда. И если вспомнить, что это 1826 год, то есть время после разгрома декабристского восстания, то станет понятной «духовная жажда» и «мрачная пустыня». Интонация первой части в целом повествовательная с понижающейся мелодикой слов в конце каждого предложения, с замедленным темпом, включающая целый ряд синтаксических структур, осложняющих её интонационный рисунок. Это прежде всего союзы-частицы *и*, начинающие 13 строк и придающие большей части стихотворения мелодичность религиозного стиха, затем это союзные и бессоюзные предложения с разными типами отношений между частями, затем – сравнительные обороты, имеющие свое мелодическое содержание – «легкими как сон», «как у испуганной орлицы», «как труп в пустыне я лежал», перечислительная интонация:

Моих ушей коснулся он, –
И их наполнил шум и звон;
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябание.

Интонацию первой части характеризует четкий ритмический рисунок. Мы имеем в виду ритмы образов: первый – «Перстами легкими как сон/ Моих зениц коснулся он» и далее, второй – «Моих ушей коснулся он» и далее, третий – «И он к устам моим приник/ И вырвал грешный мой язык» и далее, четвертый – «И он мне грудь рассек мечом, /И сердце трепетное вынул» и далее. Интонационное разнообразие создают в этой части мелодически разные сочетания: «грешный мой язык, И празднословный и лукавый» и – «жалю мудрью змеи», «зеницы» и «вещие зеницы», «трепетное сердце» и – «уголь, пылающий огнем»; заканчивается первая часть объяснительной паузой, после которой во второй части резко повышается голос, возрастает его интенсивность, и, хотя Пушкин делает последнее предложение повествовательным, в конце его голос не понижается. Точка противоречит яростной побудительной интонации, заключающейся в пяти формах повелительного наклонения:

*Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполни волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.*

(В исполнении Ф.И. Шаляпина эта фраза звучит особенно мощно.) Возможно и такое прочтение этой части: в ней Пушкин выразил сформировавшееся у него понимание назначения поэта на земле как исполнителя воли бога, как провозвестника высших космических законов. В этом стихотворении, написанном с использованием большого количества высокой книжной старославянской лексики, дополнительных пояснений могут требовать следующие слова и формы. **Виждь** – форма повелительного наклонения, 2-го лица, ед. ч. глагола *видеть*. **Внемли** – форма повелительного наклонения, 2-го лица, ед. ч. глагола *внимать*. Глагол – ‘слово, речь’. **Горний** – ‘происходящий в вышине’. **Десница** – ‘правая рука, вообще рука’. **Дольний (дольный)** – ‘долинный’. **Зеница** – ‘глаз’. **Отверзлись (отверзтись)** – ‘раскрыться’. **Отверстый** – ‘открытый, раскрытый’. **Перст** – ‘палец руки’. **Прозябанье** – действие по глаголу *прозябать* – ‘расти, произрастать’. **Серафим** – один из высших ангельских чинов в славянской мифологии; изображается на иконах шестикрылым. (Все толкования даны по Словарю языка Пушкина [16]).

В стихотворении «*Эхо*», посвященном той же теме, что и «Пророк», но написанному 5 лет спустя, в 1831 году, Пушкин высказал уже другие чувства. Стихотворение состоит из двух частей. Интонационный рисунок первой части стихотворения определяет мелодика семантики ядра слова *эхо* – ‘отражение звука от удаленных препятствий’ [13, т. 17, с. 1965]. Интонация этой части составляется из одного двухчастного бессоюзного предложения с отношениями – действие и результат. Причем структура первой части, в свою очередь, представляет собой сложное предложение с союзом *ли*, который содержит семантику разделительности и соединяет части с совершенно разными субъектами, объединенными лишь тем, что все они издают звуки. Во второй части этого предложения в спокойном тоне средней высоты после паузы на границе со второй частью Пушкин говорит о физическом свойстве этого природного явления, что подчеркивается мелодикой слов «*родишь вдруг*». Во второй части стихотворения мелодика слова *эхо* уже определяется его значением ‘сам отраженный звук’. Между прочим, в «Словаре языка Пушкина» лексема *эхо* имеет только толкование ‘отклик, отголосок’ [16, т. 4, с. 1018]. В «Словаре современного русского литературного языка» единственное значение толкуется ‘отражение звука от удаленных препятствий, а также сам отраженный звук’ [13, т. 17, с. 1965], Внимательное прочтение стиха заставляет думать, что Пушкин во второй части *эхо* понимает как ‘сам отраженный звук’, совсем не обязательно, чтоб этот звук был только природным колебанием возду-

ха. Об этом можно судить по мелодике семантических ядер слов и словосочетаний *родишь вдруг* в первой части и *внемлешь и шлешь ответ* – во второй. Если бы в этом стихотворении не было предложения «Тебе ж нет отзыва...», то можно было бы согласиться с распространенным толкованием: «Пушкин отождествляет себя с эхом, которое откликается на все и всякие звуки-события». Но есть маленькая фраза с многоточием на конце. Она проговаривается во внутренней и внешней речи с имеющимся порядком слов и, главное, с частицей *ж*, содержащей семантическое ядро усиительно-противительное, сказуемым, выраженным безличным словом *нет*, как выражение глубокого горького чувства неудовлетворенности непониманием общества, отсутствием реакции-отзыва общества на чувства, отношения поэта, внимающего «грохоту громов» и «гласу бури и валов» современного ему общества.

В стихотворении, которое называется по-разному – «*В Сибирь*», «Послание в Сибирь», или, как в собрании сочинений, по первой строке «Во глубине сибирских руд», – написанном 28-летним Пушкиным, одинаково точно выражены интеллектуальный и эмоциональный аспекты интонации и модальность. Эмоциональность интонации складывается на основе интеллектуального аспекта, содержащегося в семантических ядрах слов и их словосочетаний: *скорбный труд, мрачное подземелье, мрачные затворы, каторжные норы, оковы тяжкие, темницы, несчастье*. Названные лексемы вместе с другими лексемами и формами передают картину каторжных жизненных условий, в которых оказались друзья и товарищи поэта, и одновременно выражают высокое нравственное чувство негодования по отношению к царям и чувство сострадания по отношению к друзьям и товарищам. Главными интонациями стихотворения являются горячий, можно сказать, пламенный, наказ, точнее сказать, заклинание хранить гордое терпение и проходящая через все стихотворение интонация заверения в том, что не пропадет скорбный труд и дум высокое стремленье. Формы будущего времени с модальным значением уверения, составляют основу всех пророчеств Пушкина:

Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора.

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы...

Оковы тяжкие *падут*,
Темницы *рухнут* – и свобода
Вас *примет* радостно у входа,
И братья меч вам *отдадут*.

Мелодика лексического состава и грамматических форм разная, она органично связана с семантикой этих слов и форм. Современность Пушкина в этом стихотворении заключается в исторически верной оценке деятельности его друзей, за которую они попали «во глубину сибирских руд», в употреблении всех слов, за исключением слова «дружество» в значениях, отмечаемых современными словарями русского языка. Пророчества Пушкина сбылись: скорбный труд декабристов не пропал, к ним пришли «любовь и дружество», но, к сожалению, только в советское время.

В 1829 году Пушкин написал сложное в содержательном и интонационном отношении стихотворение «**Брожу ли я вдоль улиц шумных...**». Это глубокие философские размышления о смертности всех живущих, о разнообразии проявлений жизни, о ее вечности, красоте, о неизбежности смерти. Произведение принято относить к жанру элегии. Лексический, грамматический, интонационный анализ позволяет выявить средства выражения сложнейшего содержания и характер интонации.

Во всем стихотворении господствующей можно назвать повествовательную интонацию, она использована в семи четверостишиях из восьми. Эта интонация имеет сложное содержание, на что указывает синтаксическая структура предложений: в первых четырех четверостишиях это бессоюзные сложные предложения, внутри которых, в свою очередь, есть сочинительная связь. О сложности интонационного рисунка, хотя и опосредованно, свидетельствуют знаки препинания. Повествовательная интонация в соединении с мелодикой лексического состава, грамматических форм вида и лица глаголов *брожу, вхожу, сию, гляжу, ласкаю* создают интонацию размеренного, замедленного темпа, средней, если не низкой высоты тона, вызывают у читателя, слушателя понимание того, что это, я бы сказала, спокойное, мудрое размышление о жизни и смерти, постоянно занимающее поэта. Неотступность мысли о неизбежности смерти всех живущих выражается, с одной стороны, употреблением конструкций с

разделительным *ли (ль)*, так характерных для стихотворного синтаксиса Пушкина. При помощи этих конструкций автор создает определенный мелодический рисунок – повторение одинаковой интонации в каждой следующей конструкции с *ли*. С другой стороны, неизбежность смерти подчеркивается противопоставлением разных проявлений жизни, тем не менее имеющих естественный конец – смерть. Здесь нужно обратить внимание на ритм не только формальный, но на ритм образов, тоже характерный для Пушкина:

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных...

Гляжу ль на дуб уединенный...

Младенца ль милого ласкаю...

Далее, мысль о смертности всех живущих, в число которых автор включает и себя, подчеркивается, в первых двух четверостишиях, содержанием и мелодикой слов и сочетаний: *улиц шумных, многолюдный храм, нас, мы все* и содержанием глагола сов. вида *сойдем* и словосочетанием *под вечны своды*. В следующих двух четверостишиях размышления о смерти касаются самого автора, что тоже выражено мелодикой среднего темпа произнесения стихов *«Гляжу ль на дуб уединенный, / Я мыслю: патриарх лесов / Переживет мой век забвенный, / Как пережил он век отцов. / Младенца ль милого ласкаю, / Уже я думаю: прости! / Тебе я место уступаю: / Мне время тлеть, тебе цвести»* и формой первого лица глаголов, как и в первых двух четверостишиях. Фонетическое содержание семантических ядер лексем (предаюсь) *мечтам, говорю* в значении ‘молча размышляю’, *мыслю, думаю, думой* (проводить), (стараясь) *угадать* позволяют сделать вывод о том, что в мыслях о смерти эмоциональное и рациональное у Пушкина слиты воедино, он подчиняется естественному закону бытия, он не приписывает смерти мистических качеств, недаром в шести четверостишиях нет ни одной лексемы, обозначающей чувства тоски или страха, печали. Интонация предложений пятого и шестого четверостишия определяется фонетическим содержанием семантических ядер их лексем. В этих частях стихотворения Пушкин рассуждает как уже старый, умудренный опытом, жизнью человек, который думает о времени и месте смерти; и думает, опять замечу, как бы спокойно, отвлекшись от всяких проявлений жизни,

но думы эти постоянны, что выражается лексемами *каждый, день, каждая, година, привык провожать*.

В седьмом четверостишии интонацией сложноподчиненного предложения с придаточным уступительным Пушкин мягко, безличной формой глагола в форме условного наклонения *хотелось бы* высказывает желание «почивать ближе к милому пределу». Это желание понятно и близко почти каждому человеку, особенно думающему о приближении конца жизни, оно (желание) обычно выражается в виде завещания похоронить там-то, около того-то, около тех-то. Седьмое четверостишие во всем стихотворении является подлинно элегическим. В нем выражены глубокая печаль и сознание неизбежности конца человеческой жизни.

Интонация последнего четверостишия определяется мелодическим рисунком лексем и форм *младая жизнь, будет играть*, природа *красою вечною сиять* и интонацией активного пожелания, выраженного частицей *пусть: пусть будет играть, пусть будет сиять*. В этом четверостишии содержание и мелодический рисунок выражают победное неизбежное сознание и чувство вечности, первичности жизни, несмотря на неизбежность смерти.

Стихотворение «*Золото и булат*», созданное 27-летним Пушкиным, замечательно краткостью – в нем четыре строки и восемь разных слов, глубиной проникновения в сущность богатства и грубой военной силы и интонационно-модальной характеристикой.

ЗОЛОТО И БУЛАТ

«Всё мое», – сказала злато;

«Всё мое», – сказал булат.

«Всё куплю», – сказала злато;

«Всё возьму», – сказал булат.

Стихотворение построено в форме диалога золота с булатом. С содержательной точки зрения оно потрясает глубиной мысленного проникновения в сущность общественного строя, основанного на неравенстве людей, строя, в котором мерилом благоденствия является богатство, олицетворением которого с древнейших времен и доньше является золото; средством перераспределения богатства в таком (-их) обществе (-ах) всегда была и есть военная сила, олицетворением которой является булат, меч. Золото и булат считают свою власть над обществом безграничной. Пушкин выразил эту мысль, употребив самое обобщенное по смыслу определительное местоимение *всё* в предметном значении и притяжа-

тельное местоимение *моё* в значении 'принадлежащее мне'. В следующих двух репликах: «Всё куплю», «Всё возьму» – выражена мысль о разных средствах достижения всевластия – у золота «мирные»: подкуп или вообще купля, у булата грубые физические средства: грабеж, война.

В единстве с содержательными средствами выражения рационального и эмоционального находятся интонационные и модальные средства. Обоих «героев» Пушкин наделяет одинаковыми по мелодическому рисунку словами *всё, моё, сказал (о)*, подчеркивая их одинаково бесчеловечную сущность и различая их лишь в частных способах осуществления всевластия, что передается мелодикой семантических ядер слов *куплю* и *возьму* в значении 'овладеть чем-л., захватить'. Особую роль выполняют в этом стихотворении повествовательная интонация, размеренный темп, средней высоты тон, они оформляют конструкции с прямой речью. Прием «отстранения» помогает Пушкину в повествовательной интонации выразить мысль об античеловеческой сущности золота и войны во всех существовавших обществах и в обществе, современном Пушкину, как о законе в докапиталистических и капиталистических обществах. Модальность отрицания и модальность высокого чувства презрения выражены в мелодике семантических ядер каждого слова реплик и всего стихотворения в целом.

В анализируемом стихотворении Пушкин предстает как гениальный мыслитель не только прошлого, но и современности. И мы теперь, в начале XXI века, видим, что золото и булат во многих странах мира являются всемогущими и, вероятно, еще долго будут оставаться таковыми. Поэтому стихотворение это надо квалифицировать как современное, актуальное, а Пушкина следует считать не только нашим современником, но поэтом, устремленным в будущее.

Интонация стихотворения «*Зимнее утро*» определяется положительным чувством, а вернее, ситуативной эмоцией радости, возникшей под воздействием ясного зимнего утра. Мелодикой многих слов, их сочетаний и интонациями синтаксических конструкции выражается яркое эстетическое чувство прекрасного: «*Мороз и солнце; день чудесный!..*», «*Под голубыми небесами / Великолепными коврами, / Блестя на солнце, снег лежит; / Прозрачный лес один чернеет, / И ель сквозь иней зеленеет, / И речка подо льдом блестит*». Состояние гармонии Пушкин передает интонацией предложения «*Приятно думать у лежанки*». Такая же интонация легкости, душевной радости, счастливой созерцательности звучит в последних шести строках:

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

Чувство радости потому возникло у Пушкина и особенно отчетливо воспринимается читателем (слушателем), что яркое зимнее утро наступило после вчерашней вьюги:

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела –
А нынче... погляди в окно:

Весь лексико-грамматический состав этой части имеет другую интонацию – более низкую мелодику, быстрый темп, вызывает чувство угнетенности, смирения перед грозными силами природы, хотя и обычными для русских людей, печаль. Резкую перемену в природе Пушкин передает синтаксическими и пунктуационными средствами: «*И ты печальная сидела – А нынче... погляди в окно*». Тире и многоточие точно передают синтаксическое значение – сначала противопоставление (вечор и нынче), а затем после паузы – побуждение к восприятию совершенно другой картины. В интонациях стихотворения выражена не только эмоциональность, но и модальность всего текста – Пушкин использовал большое количество слов с оценочным значением: *день чудесный, великолепные ковры, блестя на солнце, янтарный блеск, веселый треск, комната озарена* – примеры модальности со знаком плюс, противоположные оценки в сочетаниях *вьюга злилась, мутное небо, мгла носилась, луна, как бледное пятно, сквозь тучи мрачные желтела, ты печальная сидела* – примеры модальности со знаком минус. В этом стихотворении, как и во всех проанализированных выше, Пушкин остается живым, потому что использовал лексемы и грамматические формы в современных для нас значениях и потому, что мелодические рисунки слов и форм его (Пушкина) стихотворения совпадают полностью с нашими, современными. Самое главное, что надо отметить, осталась живой его интонация: в семантические ядра каждого слова Пушкин «вписал» такую же мелодику, какую «вписываем»

в эти слова мы, живущие в начале XXI века, хотя прошло со времени написания «Зимнего утра» 170! лет.

Чувства сыновней привязанности, дружбы, трогательной искренней заботы о своей няне Арине Родионовне выражены Пушкиным в нескольких произведениях. Мы обратимся к стихам «*Зимний вечер*», «*Няне*». В названных стихах Пушкин неизменно обращается к няне «моя старушка», «добрая подружка бедной юности моей», «мой друг» («*Зимний вечер*»), «подруга дней моих суровых», «голубка дряхлая моя» («*Няне*»), «бедная няня моя», «старушка» («...*Вновь я посетил*»). Семы ядер слов *старушка, голубка, подруга, подружка, добрая*, семы уменьшительно-ласкательных суффиксов *-ушк-, -к-* выражают особую мелодику в каждом слове и вместе с другими словами, сочетаниями, в которых обозначены «суровые дни» «бедной юности» Пушкина, создают интонацию, полную душевного тепла, глубокой признательности Арине Родионовне за ее преданность, привязанность, за умение по-своему скрасить или хотя бы смягчить суровую жизнь своего воспитанника в изгнании. Дружеские чувства, заботу проявляет Пушкин к няне, когда, будучи в ссылке, храня «гордое терпенье», заботится о том, чтоб развеселить ее, предлагает спеть ему о синице, которая «тихо за морем жила», или о девице, которая «за водой поутру шла». Возвратясь из ссылки, Пушкин посылает ей стихотворение, каждая строчка которого говорит о понимании им грустного, тоскливого состояния няни в связи с его отъездом. И хотя со времени отъезда прошло лишь полтора месяца, казалось бы, срок небольшой, Пушкин живо представляет душевное состояние няни:

Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые ворота
На черный отдаленный путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь.

Семантические ядра многих лексем и грамматических форм во внутренней речи имеют мелодику среднего по высоте или немного ниже среднего тона – *ждешь, горюешь, медлят, глядишь, забытые, тоска, предчув-*

ствия, заботы, теснят, та же мелодика лежит в основе интонации во внешней речи; темп речи замедленный. Особенно выразительной является последняя фраза «То чудится тебе...» с большим понижением тона в конце, передающая постоянные отрицательные предчувствия Арины Родионовны. Глубоко переживает Пушкин отсутствие своей старушки («...Вновь я посетил»), эта боль его выражена во фразе «Уже старушки нет». У русских людей принято говорить вместо «Он(а) уже умер(ла)» – «Его (её) уж(е) нет». Эта эвфемистическая фраза произносится тихо, в ней каждое слово содержит мелодику печали, утраты. Интонационным рисункам проанализированных текстов соответствует их модальность, которую выражают значения лексем, значения грамматических форм и синтаксических конструкций. Модальность вместе с интонацией создают гармоническое целое, каждая со своей стороны, характеризуют отношение Пушкина к няне. Глубокое понимание душевного состояния няни, крепостной, высокая оценка ее душевных движений были при жизни поэта высоко нравственным уроком для его друзей, товарищей, были показателем его доброты, отзывчивости, как мы теперь говорим. Тем более актуален этот нравственный урок для современного молодого поколения. И в этом Пушкин жив, и в этом актуален.

Из всех произведений, посвященных или каким-либо образом связанных с Е.К. Воронцовой, анализируемая в этой работе тема особенно ярко представлена в стихотворениях «*Сожженное письмо*» и «*Желание славы*». Первое стихотворение, на мой взгляд, неточно названо, потому что Пушкин «могучей страстью очарован», отрывисто, в высшем напряжении чувства любви говорит, как *сгорает* письмо:

Уж пламя жадное листы твои приемлет...
Минуту!... вспыхнули! Пылают – легкий дым,
Виясь, теряется с молением моим.
Уж перстня верного утратя впечатленье,
Растопленный сургуч кипит... О провиденье!
Свершилось! Темные свернулись листы;
На легком пепле их заветные черты
Белеют...

Гнетущее состояние от утраты свидетельства любви Пушкин передает стихом «Грудь моя стеснилась». Глагол *стесниться* употреблен в значении 'испытать гнетущее состояние, сжаться от обилия каких-либо тяжелых чувств, переживаний' [17, т. 4, с. 367]. Эмоциональное напряжение

выражается лексическим составом в определенных грамматических формах, фразеологизмом *час настал: Прощай, велела, гори, пламя жадное, вспыхнули, пылают, кипит, свернулись* (листья), *пепел*. Семантика многих прилагательных содержит оценочные элементы: (пламя) *жадное*, (перстень) *верный, заветные* (черты), (пепел) *милый*, (отрада) *бедная*, (судьба) *унылая, горестная* (грудь). Особенно выразителен синтаксис стихотворения: в нем семь восклицательных предложений, шесть предложений заканчиваются многоточием, что свидетельствует о прерывистости, эмоциональном напряжении речи; три предложения побудительных, причем только одно из них восклицательное (*Прощай, письмо любви! прощай*). Динамизм всему стихотворению придают бессоюзные предложения: «*Прощай, письмо любви! прощай: она велела.*»/ «*Минуту!., вспыхнули! пылают – легкий дым, / Вяжь, теряется с молением моим*». Интонационный рисунок разнообразен и зависит от характера передаваемого содержания. Несмотря на большое количество восклицательных предложений, мелодический тон невысокий, темп то замедленный, то ускоренный, ритм прерывистый. В целом можно сказать, что по интонации это стихотворение представляет собой записанную внутреннюю речь. Все названные средства выражения сильного, абсолютно доминирующего чувства, называемого психологами страстью [14, с. 407] (любопытно, что и Пушкин свое чувство любви к Е.К. Воронцовой назвал «могучей страстью»), выражают также модальность текста. К ним надо прежде всего отнести многочисленные глаголы, обозначающие двигательные образы – *предать* (огню), *приемлет* (пламя), *вспыхнули* (листья), *пылают, кипит* (сургуч), *свернулись* (листья) и др., и формы настоящего времени в значении прошедшего (*не*) *внемлет, приемлет, пылают, теряется, кипит, белеют*), что оживляет бывшие действия, делает читателя современником, наблюдателем этого горестного события.

Стихотворение современно по лексическому составу. В дополнительном толковании, возможно, нуждаются некоторые слова и формы, например, *впечатленье* – ‘оттиск, отпечаток’ [16, т. 1, с. 375], *провиденье* – по религиозным представлениям ‘высшая божественная сила, власть, направляющая судьбы людей и всего мира ко благу’ [16, т. 3, с. 799], *стесниться* – ‘испытать гнетущее состояние, сжаться от обилия каких-либо тяжелых чувств, переживаний (о груди, сердце, душе)’ [16, т. 4, с. 367], *час настал* – ‘наступила пора, подходящий момент действовать, проявить себя’ [16, т. 4, с. 878].

Стихотворение «*Желание славы*» характерно тем, что в нем Пушкин очень ярко выразил взаимоотношения между чувством любви к женщине и славой как общественной оценкой его творчества. Будучи «*любовию и негой упоенный, / Безмолвно пред тобой коленопреклоненный, / Я на тебя глядел и думал: ты моя, (...) Я наслаждением весь полон был, я мнил, / Что нет грядущего, что грозный день разлуки / Не придет никогда...*» Это эмоциональное состояние в сознании Пушкина связывается с полным презрением к суждению света: он скучает суетным прозванием поэта, устал от долгих бурь, не внемлет жужжанию упреков и похвал. Свое отрицательное отношение к славе Пушкин выразил двумя риторическими вопросами, которые предполагают отрицательные ответы:

Ты знаешь, милая, желал ли славы я?

Могли ль меня молвы тревожить приговоры...?

(Такие же конструкции с аналогичным назначением использовал Пушкин в стихотворении «Клеветникам России».) Интонационный рисунок этой части стихотворения разный и зависит от характера содержания, но в целом мелодика слов средней высоты, повествовательная интонация осложнена выделительной интонацией обособления определений, обстоятельств, обращений, интонацией бессоюзных предложений, сложносочиненного с противительными отношениями. Интонационное разнообразие вносят вопросительные предложения, передающие чужую речь. Модальность этой части совершенно отчетлива: любящий и любимый поэт безразличен к общественному мнению.

И ныне

Я новым для меня желанием томим:
Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною
Окружена была, чтоб громкою молвою
Все, все вокруг тебя звучало обо мне,
Чтоб, гласу верному внимая в тишине,
Ты помнила мои последние моленья
В саду, во тьме ночной, в минуту разлученья.

Из огромного и взаимного чувства любви у поэта развилась эмоция гнева, резко изменилось содержание эмоциональности и модальности, и соответственно изменилась интонация стихотворения – она становится более высокой по мелодике слов и форм, интенсивность интонации уве-

личивается, становится напряженной. Изменяется модальность: она становится противоположной модальности первой части. Теперь, будучи внезапно отринутым, поэт желает славы, и это яркое желание высказывает в целом ряде придаточных предложений с *чтоб* (см. текст выше). Название стихотворения в соответствии с содержанием семантического ядра лексем *желание* и *слава* подходит только ко второй его части. Стихотворение «Желание славы» современно по лексическому составу, грамматическому строю, интонационному рисунку, более того, оно актуально точной психологической характеристикой чувств и сознания человека, динамикой соотношения личного и общественного. В 1830 году Пушкин написал стихотворение «Труд». В нем всего шесть строк:

Миг вожделенный настал: окончен мой труд многолетний.
Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?
Или, свой подвиг свершив, я стою, как поденщик ненужный,
Плату принявший свою, чуждый работе другой?
Или жаль мне труда, молчаливого спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга пенатов святых?

Стихотворение замечательно не только тем, что написано гекзаметром, как и стихотворение «Царскосельская статуя», но тем, что в нем ставится вопрос о природе чувства, которое испытывает поэт, окончив многолетний труд. Семантика ядра лексемы *труд* включает в себе мысль и чувства большого напряжения. Этот интеллектуальный и эмоциональный фон, называемый психологами настроением, сохранялся у Пушкина много лет, к завершению труда поэт стремился страстно, он сознательно шел на совершение этого подвига. Сложное содержание, заключенное в лексемах *труд* (повторена два раза), *работа*, *многолетний*, *подвиг*, находит отражение в интонации особенно первой строки. Мелодика ядер слов, составивших первую строку, средней высоты, темп замедленный; напряжение создается синтаксической структурой первой строки – это бессоюзное предложение с сложными синтаксическими – пояснительными и причинно-следственными отношениями, оформленными двоеточием. Информация, содержащаяся в первой строке, является основанием сложного чувства, характер которого непонятен автору, хотя он называет это чувство грустью. Последующие пять строк представляют собой три вопросительных предложения, в которых выражено желание автора определить природу тревожащего его чувства. Правомерно то, что стихотворение продолжается и заканчивается вопросами, потому что чувство, ко-

торое охватывает человека, закончившего большой, сложный многолетний труд, очень сложное – это и удовлетворение самим собой, оправданная гордость, реализованное чувство собственного достоинства, радость от благополучного конца работы и от того, что результат труда начнет самостоятельное существование; это и чувство усталости, душевной пустоты, модальность нежелания расставаться со своим детищем. Гекзаметр (греч. шестимерный), которым написано стихотворение, как нельзя лучше подходит для выражения такого сложного чувства и сложной модальности. Интонация этой части стихотворения вопросительная, осложнена интонацией обособленных определений, обстоятельств, сравнительных оборотов, приложений; темп замедленный, «величественный и плавный» [17, т. 2, с. 118–119]. В стихотворение «Труд» Пушкин «вписал», а мы «вычитали» абсолютно понятную живущим в конце XX века интонацию. Самочувствие, появившееся у Пушкина после окончания многолетнего труда, хорошо знакомо каждому творческому трудовому человеку, будь он поэтом, писателем, художником, ученым, рабочим, земледельцем. Только по одному этому стихотворению можно заключить, что Пушкин был великий труженик и сам понимал это. Дополнительные пояснения, возможно, потребуются для следующих слов: *Вожденный* – ‘желанный, страстно ожидаемый’ [16, т. 1, с. 317]; *(П)пенат* – ‘Бог домашнего очага у древних римлян, символ родного дома, домашнего очага’ [16 т. 3, с. 290]; *подвиг* – ‘самоотверженный тяжелый труд, дело, важное начинание, предприятие’ [16, т. 3, с. 421]; *приявший* – ‘принявший’; *Аврора* – ‘утренняя заря (по латинскому названию богини утренней зари)’ [16, т. 1, с. 27].

Наряду с произведениями, причинами появления которых явились устойчивые чувства как высший продукт развития эмоций, у Пушкина есть произведения, причинами появления которых явились те или иные ситуативные, как говорят психологи, эмоции, которые предшествуют деятельности субъекта. К числу таких произведений относится, например, стихотворение «*Ты и вы*». В основе эмоций, вызвавших состояние влюбленности Пушкина, явилось ошибочное употребление обратившейся к нему женщины местоимения *ты* вместо *вы*. Со звучанием лексемы *ты* у русских людей связывается значение теплоты, родства, доброты, близости говорящего к собеседнику. В звучании местоимения *вы*, как формы вежливости, напротив, подчеркивается отдаленность, возможно, холодность, официальность отношений. В маленьком стихотворении «*Ты и вы*» Пушкин показывает, какие «счастливые мечты» возбудила, какое отношение –

«как тебя люблю!» – вызвала к себе собеседница, употребив *ты*, и как должен поступать и поступает он, помня, что употребление *ты* было ошибочным: «говорю ей: как вы милы!», то есть не нарушает правил обращения в обществе. Интонация стихотворения разная в первом и втором четверостишиях; в первом – повествовательная, осложненная интонацией обособленного обстоятельства и однородных членов, мелодика средней высоты с логическими ударениями на лексемах *ты* и *вы*, темп средний, интенсивность интонации к последней строке возрастает. Перед вторым четверостишием имеется небольшая пауза. Интонация второго четверостишия эмоционально напряженная, что выражается синтаксической организацией предложений – это бессоюзные предложения с однотипными отношениями и восклицательные конструкции с чужой речью. Как и в первом четверостишии, формы *вы* и *тебя* выделяются логическим ударением.

Проанализированный материал дает возможность ответить на некоторые вопросы, поставленные в начале работы, и подтвердить или отвергнуть некоторые положения, касающиеся природы интонации.

Интонация – главный показатель звучащей человеческой речи, единственный показатель того, что данный язык живой. Интонацию правомерно считать грамматической категорией со специфической структурой – мелодикой, интенсивностью, темпом, ударением, ритмом, паузой как продолжающимся звучанием внутренней речи, находящем иногда выражение в виде знаков препинания в письменной речи. Считаю вслед за А.Н. Гвоздевым [7] и Г.П. Фирсовым [9], что тембр не является компонентом интонации. Интонация принципиально отличается от других грамматических категорий своей звуковой, психофизиологической природой и своим особым значением. **Основой значения интонации является озвученное семантическое ядро значения каждого слова. Эта звуковая содержательная форма называется мелодикой, она специфична для каждого национального языка.** В процессе построения внешней речи мелодики отдельных слов обогащаются содержанием всех других элементов высказывания, приобретают определенный порядок следования и образуют интонацию всего высказывания-предложения. Психологи утверждают, что внутренняя речь озвучена для думающего. Из этого следует сделать вывод о субъективном и национальном характере интонации. Содержание интонации структурно – оно представляет собой единство интеллектуального и эмоционального аспектов, что объясняет ее органичную связь с модальностью. Анализ интонации пушкинских стихов

привел к следующим выводам. Интонация пушкинских стихов субъективна и национальна. В большинстве стихотворений Пушкин выражает высшие нравственные чувства – любовь к России, гордость за нее, ненависть, презрение к ее врагам, горячее сочувствие к трагической судьбе своих друзей-декабристов, глубокое сыновнее чувство любви и благодарности к няне Арине Родионовне, высшее нравственное и интеллектуальное чувство понимания сурового назначения поэта в обществе, высоко-нравственное отношение к труду, любовь к русской природе, чувство гармонии, вызванное определенным состоянием природы и др. Есть стихотворения, побудительным источником создания которых явились ситуативные эмоции, иногда перерастающие в глубокие чувства. Эмоциональный аспект интонации Пушкин выражает сложным набором средств, но самыми частотными остаются мелодика, ударение, порядок слов, специальные национальные синтаксические конструкции. Для выражения чувства гнева Пушкин во многих стихотворениях использует риторические вопросительные конструкции, которые предполагают отрицательный ответ. Большинство стихотворений имеют интонацию средней высоты и среднего темпа произнесения. Характерной чертой поэтических произведений Пушкина является исключительная слитность интеллектуального и эмоционального аспектов интонации с модальностью предложения и всего произведения. Использование Пушкиным в своих произведениях почти исключительно исконных русских слов привело к тому, что мелодика слов, интонация предложений и произведения в целом остаются понятными для современных читателей конца XX века.

Современное понимание интонации и результаты анализа интонаций пушкинских стихов убеждают в оптимистической мысли – сохранилась и звучит пушкинская интонация, и мы, живущие теперь, не слышим только тембра его голоса, так как тембр – ‘особое качество звука, звуковая окраска, характерная для каждого голоса или инструмента’ [18, с. 682].

Однако некорректно было бы с научной точки зрения не отметить такой факт: за прошедшие почти два века со времени творчества Пушкина словарный состав русского языка претерпел определенные изменения: устарели значения некоторых слов, стали неупотребительными некоторые формы, забылись некоторые иноязычные слова, мелодика таких слов и форм интеллектуально и эмоционально затемнилась, поэтому в некоторых, очень незначительных, случаях требуются дополнительные пояснения к таким фактам.

Чувства, выраженные в стихах Пушкина, не только актуальны, но злободневны в современной России.

При переводе пушкинских стихов на другие языки утрачиваются многие элементы интонации и прежде всего мелодика и эмоциональный аспект, что с новой стороны подтверждает национальный характер интонации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М., 1987.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
3. Александров, Л.Е. Социально-исторический и культурный аспекты понимания / Л.Е. Александров // Этногерменевтика и языковая картина мира: теория и практика. Сер.: Этногерменевтика и этнориторика. Вып. 2. – Кемерово, 1998. – С. 3–4.
4. Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. – Л., 1941.
5. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М., 1956.
6. Вопросы синтаксиса довременного русского языка / под ред. В.В. Виноградова. – М., 1950.
7. Гвоздев, А.Н. О фонологических средствах русского языка / А.Н. Гвоздев. – М. - Л., 1949.
8. Зиндер, Л.Р. Общая фонетика / Л.Р. Зиндер. – М., 1979.
9. Фирсов, Г.П. Значение работы над интонацией для усвоения синтаксиса и пунктуации в школе / Г.П. Фирсов. – М., 1962.
10. Назаренко, В.А. Язык искусства. О мастерстве поэта и прозаика / В.А. Назаренко. – Л., 1961.
11. Жинкин, Н.И. Развитие письменной речи учащихся III–VII классов / Н.И. Жинкин // Известия АПН РСФСР. – 1956. – Вып. 78.
12. Философская энциклопедия: в 5 т. – М., 1960 – 1970. – Т. 5.
13. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.-Л., 1950–1965.
14. Краткий психологический словарь / под ред. А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. – М., 1985.
15. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). – М., 1991.
16. Словарь языка Пушкина: в 4 т. – М., 1959.
17. Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. – М., 1962–1978.
18. Словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лехина и Ф.Н. Петрова. – М., 1954.

СЛОВО ОБ АВТОРЕ

Антонина Михайловна Чепасова родилась 10 декабря 1926 года в городе Новоузенске Саратовской области в крестьянской семье. Окончила десять классов общеобразовательной школы, что по тем временам было редкостью. Антонина Михайловна вспоминает: «Училась я с охотой, можно сказать, священно относилась к учению, урокам, советам учителей. Школа была для меня мощным источником знаний». После 10-го класса работала в своей семилетней школе учителем, преподавала ботанику, зоологию, химию. Эти два года определили ее будущее: «Я нашла себя, полюбила учительскую работу и люблю ее до сих пор».

В 1946 году поступила на литературный факультет Саратовского педагогического института, где училась у прекрасных педагогов – профессора Ефремова Алексея Федоровича, читавшего курс современного русского языка, доцента Воробьева Валерия Петровича, специалиста по старославянскому и польскому языкам, известного пушкиниста, профессоров Александра Митрофановича Лукьяненко, преподававшего общее языкознание, Александра Петровича Скафтымова, специалиста по литературе, Ивана Владимировича Страхова, известного психолога, Лидии Ивановны Баранниковой, крупного лингвиста-диалектолога.

После окончания института в 1950 году была приглашена в аспирантуру к профессору А.Ф.Ефремову, который предложил тему «Просторечная глагольная лексика в современном русском языке». После защиты кандидатской диссертации (в диссертационном совете Саратовского университета – 1954 г.) продолжила работу старшим преподавателем в Барнаульском педагогическом институте.

В 1955 г. прошла по конкурсу на кафедру русского языка ЧГПИ, с этого времени и поныне работает в Челябинском государственном педагогическом институте (университете). «Здесь постепенно расширился и углублялся мой интерес к родному великому русскому языку и соответственно расширились и углублялись мои знания о нем», – говорит Антонина Михайловна. Она изучает теоретические вопросы русской грамматики, проблемы вузовской и школьной методики преподавания русского языка.

В 1964 году на кафедре русского языка Челябинского пединститута была открыта аспирантура по специальности «Русский язык». В первых кандидатских диссертациях под руководством А.М. Чепасовой начинается планомерное изучение грамматических категорий лексических и фразеологических единиц, закладываются основы изучения семантических и грамматических свойств русских фразеологизмов. В 1987 г. в Ленинграде Антонина Михайловна защитила докторскую диссертацию «Семантические и грамматические свойства именных фразеологизмов».

Более 50 лет назад А.М. Чепасова создала проблемную лабораторию, где со своими учениками исследует закономерности развития живого русского языка, затем сформировала научную фразеологическую школу, признанную известными отечественными и зарубежными учеными-лингвистами. Разработанный А.М. Чепасовой фундаментальный принцип «от факта к теории» позволяет делать обоснованные, достоверные выводы в теоретических исследованиях, выявлять живые закономерности современного русского языка. Проблемная фразеологическая лаборатория под руководством Чепасовой А.М. связана договорами о сотрудничестве с университетами и институтами Санкт-Петербурга, Казани, Омска, Тобольска, Кургана, Шадринска, Магнитогорска, Астрахани, Орла, Костромы, Волгограда, а также с болгарскими, чешскими, польскими, германскими фразеологами. Под руководством Чепасовой А.М. члены проблемной фразеологической лаборатории неоднократно выигрывали ГРАНТЫ различных уровней – от внутривузовских до РГНФ и Президента Российской Федерации. На базе ЧГПУ прошло несколько научных конференций международного, российского и регионального уровней. Антонина Михайловна вместе с учениками создала уникальную фразеологическую картотеку – самое большое собрание русских фразеологизмов в России. Проблемной лабораторией издано около 65 сборников научных трудов, несколько учебных пособий, десятки учебно-методических рекомендаций, которые широко используются на занятиях в вузе и школе.

Под научным руководством профессора А.М. Чепасовой защитили свои кандидатские 39 кандидатов и 10 докторов филологических наук. Выпускники аспирантуры работают во многих университетах и институтах Челябинска и области, в вузах Москвы, Кургана, Омска, Астрахани, Тобольска, Шадринска.

А.М. Чепасова – автор более 200 научных публикаций, среди которых: «Сборник задач и упражнений по синтаксису современного рус-

ского языка» (М., 1961, 1966); учебные пособия «Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов» (Челябинск, 1974, 2006); «Семантические и грамматические свойства русских фразеологизмов» (Челябинск, 1983, 2002); «Мир русской фразеологии: Книга для юношества» (Челябинск, 1998); «Глаголы в современном русском языке» (Москва, 2007, соавт. И.Г. Казачук); «Существительные в современном русском языке» (Москва, 2007, соавт. И.Г. Казачук); «Лексические и фразеологические предлоги в русском языке» (Москва, 2007, соавт. Г.А. Шиганова); «Местоимения в русском языке» (Москва, 2007); «Современный русский язык: таблицы по грамматике» (Москва, 1999, соавт. А.П. Чердниченко); «Челябинская фразеологическая школа» (Челябинск, 2002); учебный словарь «Фразеологизмы в нашей речи» (Челябинск, 2000); «Категории залога и возвратности русских процессуальных единиц» (Челябинск, 2006) и др. Кроме того, Антонина Михайловна является редактором многочисленных научных сборников, учебных пособий, монографий.

Заслуги Антонины Михайловны в области народного образования отмечены самыми высокими наградами. Она – заслуженный деятель науки Российской Федерации (1992), отличник народного просвещения (1984), заслуженный работник высшей школы РФ (2006), награждена Почетным знаком «За отличные успехи в работе» Министерства высшего и среднего специального образования СССР (1981), юбилейными медалями «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1995) и «За победу над фашистской Германией» в честь 70-летия Победы (2015), является Почетным доктором ЧГПУ (1998). Ее имя занесено в книгу «Кто есть кто в современной русистике», изданной в Хельсинки в 1994 году.

Притягательная сила Антонины Михайловны заключается в сочетании ее таланта, педагогического дарования и личных качеств. Это прежде всего одаренность, трудолюбие, любовь к науке и своим ученикам, педагогическое мастерство, целеустремленность, широта и разнообразность знаний и интересов, обаяние, энтузиазм, научная дерзость, смелость и несокрушимая преданность своему делу и своей стране – России.

Г.А. Шиганова

Научное издание

А.М. Чепасова

**ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ
В двух томах**

Том I

**КАТЕГОРИИ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ГРАММАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА**

ISBN 978-5-906777-96-6

Работа рекомендована РИСом ЧГПУ.
Протокол № 1/16 (пункт 6) от 16.06.2016
Экспертиза Н.В. Глухих

Издательство ЮУрГГПУ
454080, Челябинск, пр. Ленина, 69
Редактор Л.М. Бочкова
Технический редактор Я.В. Темников

Бумага типографская
Подписано в печать 01.08.2016
Заказ №

Формат 700x100/16
Тираж 100 экз.
Объем 16,8 уч.-изд. л.

Работа отпечатана с готового оригинал-макет
в типографии ЮУрГГПУ
454080, Челябинск, пр. Ленина, 69